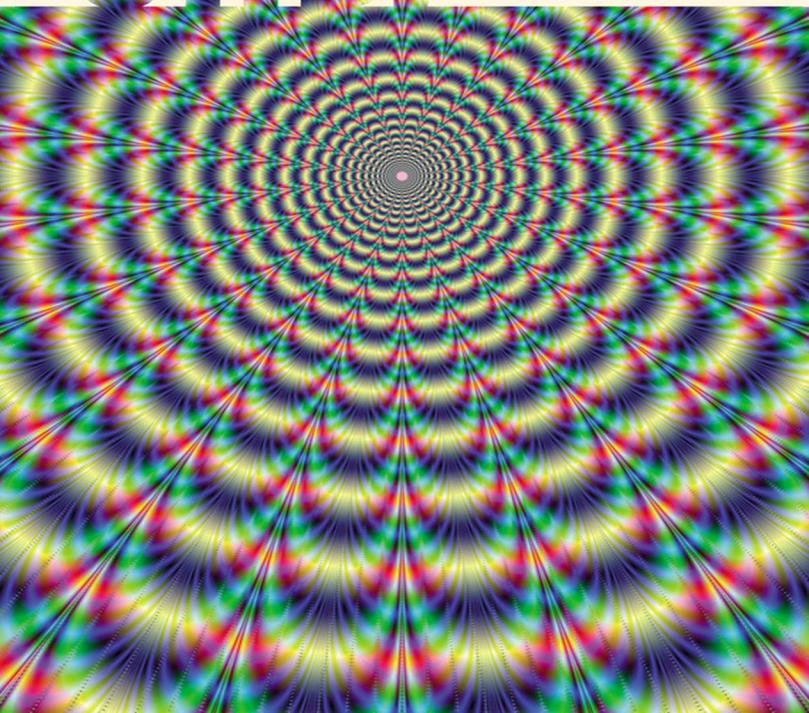
ЧИТАЙТЕ КНИГУ И СМОТРИТЕ СЕРИАЛ
AMEDIATEKA
HOME OF HBO

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ СНЫ ФИЛИПА К. ДИКА



Электрические сны (сборник)
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Электрические сны
Капюшонщик
Невозможная планета
Пригород
Экспонат с выставки
Человек
Вроде-как-папа
Фостер, ты мертв!
Унылый незнакомец
Автофабрика
  I
  II
  III
  IV

Аннотация

Перед вами «Электрические сны Филипа К. Дика» – сборник самых лучших рассказов, отобранных для экранизации Брайаном Крэнстоном («Во все тяжкие», «Драйв») и воплотившихся в новейший одноименный сериал от Amazon и Channel 4.

В них изобретают самовоспроизводящиеся машины, исследуется восприятие изменяющейся реальности, создается пугающая и темная политическая аллегория, актуальная как при холодной войне, так и в наше время.

Странные и иногда забавные, эти поразительные истории подчеркивают талант, безграничное воображение и глубокое понимание человеческой природы, которыми обладал Филип К. Дик.

Филип К. Дик
Электрические сны

Philip K. Dick
Electric Dreams

© Абдуллин Н., Баканов В., Жаворонков А., Лопатка В., Осипова М., Скобин А., Черезова Т., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Капюшонщик

Название рассказа: Капюшонщик (The Hood Maker)

Название эпизода сериала: Капюшонщик (The Hood Maker)

Рассказ впервые издан в журнале Imagination за июнь 1955 года

— Капюшон!

— Человек в капюшоне!

Вниз по улице устремился живой поток рабочих и продавцов, вливаясь в набирающую массу толпу. Бросил велосипед и присоединился к ней желтолицый парень. А толпа все росла, вбирая в себя бизнесменов в серых костюмах, усталых секретарей, клерков и простых трудяг.

— Взять его! — орала толпа. — Схватить старика!

Желтолицый подобрал из канавы камень и швырнул в беднягу, но промазал. Снаряд угодил в витрину лавки.

— Он в капюшоне! Видите?!

— Ну-ка, снимай!

Полетели еще камни. Старик задыхался, пыта-

ясь увернуться от них и протиснуться мимо двух солдат. Один камень угодил ему в спину.

— Чего прячешься? — Желтолицый подскочил к старику. — Боишься тэпов?

— Значит, есть что скрывать!

Один рабочий стянул со старика шляпу. Жадные руки впились в металлический обруч на голове.

— Нечего прятаться! Никто таких прав не имеет!

Старик повалился на асфальт. Какой-то клерк ухватился за обруч и потянул; вся толпа пыталась сорвать со старика капюшон. Наконец желтолицый с победным криком, подняв над головой обруч, отскочил от толпы.

— Есть! Есть! — Он оседлал велосипед и умчался прочь, увозя погнутый защитный прибор.

К тротуару, визжа сиренами, подъехала патрульная машина. Из нее выбрались роботы-полицейские и разогнали толпу.

— Вы не ранены? — спросили они, помогая старику встать на ноги.

Оглушенный, старик покачал головой. Очки у него повисли на одной дужке; по подбородку стекала кровь вперемешку со слюной.

— Понятно. — Металлические пальцы на

локтях разжались. — Вам лучше уйти с улицы. Зайдите в какое-нибудь здание. Для вашей же безопасности.

Директор департамента цензуры Росс отложил рапорт.

— Еще один. Когда наконец отменят неприкосновенность?

Питерс поднял на него взгляд.

— Еще один — кто?

— Человек попался в капюшоне, защищающем от сканера. За последние сорок восемь часов это десятый. Все больше и больше устройств рассылается по почте.

— Можно по почте, можно под дверь сунуть, в карман, оставить на столе… Как только их не распространяют!

— Вот бы нам чаще доносили…

Питерс криво усмехнулся.

— Странно, что нам вообще стучат. Капюшоны рассылаются не случайно, и адресаты выбираются не наобум.

— Каков же принцип?

— Этим людям есть что скрывать. Зачем еще капюшоны?

— А как насчет стукачей?

— Эти боятся надевать капюшоны и сдают их

нам, чтобы избежать подозрений.

Росс угрюмо задумался.

— Да, пожалуй, что так.

— Невиновному скрывать нечего. Девяносто девять процентов людей рады, что их мысли сканируются. Большинство хочет доказать преданность государству. Оставшийся процент чего-то стыдится.

Росс открыл манильский конверт и, вытащив из него гнутый обруч, внимательно изучил прибор.

— Взгляни-ка: всего лишь полоска какого-то сплава, а сканеры отрубает напрочь. Тэп не может дотянуться до разума: получает ответный сигнал — и все, ему будто по мозгам врезали.

— Ты ведь отправил образцы в лабораторию?

— Ну уж нет. Еще понаделают своих капюшонов. И так забот полон рот!

— У кого изъяли образец?

Росс нажал кнопку на панели селектора.

— Выясним. Тэп сам расскажет.

Дверь растворилась в воздухе, и в кабинет вошел худощавый желтолицый юноша. Заметив в руке у Росса металлический обруч, он напряженно улыбнулся тонкими губами.

— Вызывали?

Росс внимательно оглядел юношу: блондин, голубые глаза; на вид — обычный второкурсник колледжа, однако Росс знал, что Эрнест Аббуд — мутант-телепат, тэп. Один из нескольких сотен, нанятых департаментом за верность, выявленную в результате анализов разума.

До телепатов проверка на верность проводилась случайно: клятвы, экзамены, прослушка телефонных разговоров — всего этого оказалось недостаточно. Теория о том, что каждый обязан доказать преданность, была хороша… как теория. На практике подтвердить чистоту могли немногие. Казалось, принцип «виновен, пока не доказано обратное» будет забыт и восстановится римское право.

Тупиковая проблема решилась неожиданно, после Мадагаскарского взрыва в 2004 году. Тогда несколько сотен расквартированных на острове солдат получили жестокое облучение радиацией. Только некоторые обзавелись потомством, однако многие из детей проявили способности кардинально нового типа. Впервые за несколько тысяч лет родились нейромутанты.

Тэпы появились случайно, но сумели решить проблему, с которой столкнулся Свободный союз: выявление и наказание неверных. Телепаты для

правительства были бесценны и свою незаменимость сознавали.

— Ты принес? — спросил Росс, указывая на капюшон.

Аббуд кивнул:

— Да.

За словами директора юноша не следил. Он прислушивался к мыслям.

— Что это был за человек? — вспыхнул Росс. — Где детали? В отчете их нет!

— Его зовут доктор Франклин. Он директор Федеральной комиссии по мобилизации ресурсов. Возраст: шестьдесят семь лет. Приехал навестить родственницу.

— Уолтер Франклин! Я слышал о нем. — Росс посмотрел на Аббуда. — Значит, ты уже…

— Едва сняв со старика капюшон, я прочел его разум.

— Куда Франклин двинулся после нападения?

— Зашел в здание. Послушался копов.

— Копов?

— Конечно. Как только со старика сняли капюшон, все прошло как по маслу. Франклина засек не я — другой телепат, который предупредил, что Франклин идет в мою сторону. Заметив его, я сразу крикнул людям, мол, смотрите, у него

капюшон. Толпа среагировала моментально, подхватив призыв. Пока другие телепаты управляли толпой, я сорвал с Франклина капюшон и… дальше вы знаете.

Росс немного помолчал, переваривая услышанное.

— Ты вызнал, откуда у него капюшон? Успел просканировать?

— Экран прислали почтой.

— Значит, Франклин…

— Понятия не имеет, кто отправитель.

Росс нахмурился.

— Тогда колоть его бесполезно. Отправителей он не выдаст.

— Их называют капюшонщиками, — ледяным тоном заметил Аббуд.

Росс быстро перевел на него взгляд:

— Как?

— Тех, кто производит телепатические экраны, зовут капюшонщиками. — Лицо Аббуда оставалось бесстрастным. — Они и создали защиту, непроницаемую для меня и моих коллег.

— Ты уверен, что…

— Франклин ничего не знает! Он прибыл в город вчера вечером, а утром почтовая машина доставила ему капюшон. Старик испугался, од-

нако потом купил шляпу и скрыл под ней экран. Затем пешком отправился к племяннице. Стоило ему войти в поле нашего сканирования, как мы его засекли.

— Капюшонов все больше и больше.

Все больше людей уходит от сканирования, ты и сам знаешь. — Росс плотно сжал челюсти. — Надо срочно прищучить этих капюшонщиков.

— Потребуется время. Сами отправители, несомненно, носят капюшоны постоянно. — Аббуд скривился. — Издалека мы их черта с два засечем! Наше поле ограниченно, но однажды мы поймаем одного из капюшонщиков: снимем с кого-нибудь экран и вытянем координаты…

— За последний год изловили пять тысяч носителей капюшонов, — напомнил Росс. — Пять тысяч, из которых ни один не знал ничего о создателе экранов.

— Будь нас больше, эффективность поисков бы возросла, — мрачно возразил Аббуд. — Телепатов слишком мало. Но в один прекрасный момент…

— Вы просканируете Франклина? — спросил Питерс у Росса. — Впрочем, как иначе?

— Да. — Росс кивнул Аббуду. — Ты тоже не теряй времени даром. Подключи свою группу, пусть проведут обычное сканирование подсо-

знательной составляющей мозговой активности Франклина. Вдруг там зарыто нечто полезное. О результатах доложишь по форме.

Аббуд достал из кармана пиджака катушку с магнитной пленкой и бросил ее на стол Россу.

— Вот, держите.

— Что это?

— Полный анализ Франклина, по всем уровням. Детали — в записи.

Росс уставился на юношу:

— Ты…

— Мы решили не дожидаться приказа. — Аббуд направился к двери. — Работа проделана хорошая. Каммингс постарался. Мы выявили значительное отклонение от нормы в идеологическом плане. Вы, наверное, захотите арестовать Франклина? В двадцать четыре года он заполучил старые книги и музыкальные записи, которые оказали на него сильное влияние. В финальной части отчета — подробное резюме о степени отклонения.

Дверь растворилась в воздухе, и Аббуд вышел.

Росс и Питерс некоторое время смотрели ему вслед. Затем Росс сунул катушку с записью в конверт вместе с капюшоном.

— Будь я проклят, — выругался Питерс. — Они

своевольно провели анализ.

Росс задумчиво кивнул в ответ:

— М-да… не нравится мне это.

Двое мужчин посмотрели друг на друга в полной уверенности, что Эрнест Аббуд в данный момент свободно читает их мысли.

— Проклятье, — бессильно ругнулся Росс. — Проклятье!

Задыхаясь, Уолтер Франклин затравленно огляделся. Дрожащей рукой утер пот с морщинистого лица. Было слышно, как по коридору бегут агенты цензуры.

От толпы сбежать удалось, однако прошло уже четыре часа. Солнце село, и на Нью-Йорк опускался вечер. Франклин пересек полгорода, убрался почти на самую окраину, но… среди населения подняли тревогу, и теперь его, старого человека, идут арестовывать.

За что?

Ведь он честно трудился на правительство Свободного союза, не позволяя себе вольнодумия. Единственное, сегодня утром он вскрыл посылку и обнаружил в ней капюшон. Франклин вспомнил сопровождающую записку:

ПРИВЕТСТВУЕМ!

Создатель телепатического экрана любезно адресует вам данное устройство в искренней надежде, что оно пригодится.

Спасибо.

И все, больше никакой информации. Франклин надолго задумался: он не совершил ничего, опровергающего верность Союзу. Скрывать ему нечего. Однако… Мысль, что разум закроется и вновь будет принадлежать одному ему, Франклину, завораживала. Думай о чем угодно и сколько угодно, мечтай о чем хочешь, твоих тайн никто не узнает.

Наконец он решился и, надев капюшон, прикрыл его старым хомбургом. Правда, стоило выйти на улицу, как минут через десять откуда ни возьмись появилась толпа: люди злобно кричали, ругаясь. Хотели сорвать с Франклина капюшон. А теперь объявлена тревога и его ищут.

Франклин отчаянно покопался в памяти. Что такого он сделал? Его совершенно точно приведут в Департамент цензуры. Обвинений не предъявят; велят самому доказать верность Союзу. Может, все-таки Франклин совершил нечто недостойное? Запамятовал о проступке? Вдруг сам факт ношения капюшона преступен? В Конгрессе

создали законопроект о запрещении телепатических экранов, но ведь он еще не прошел…

Цензурщики почти настигли его. Франклин кинулся в конец гостиничного коридора и дальше — к двери с красной табличкой «ВЫХОД». Сбежал по подвальной лестнице вниз и вышел на улицу. Снаружи небезопасно. Франклин как можно дольше старался оставаться в стенах зданий, подальше от негодующих толп, однако теперь выбора не осталось.

Что-то взвизгнуло, и в мостовую ударил луч, оплавивший камень. Стреляли из слем-пистолета. Задыхаясь, Франклин побежал дальше — за угол и под любопытными взорами людей свернул на боковую улочку.

Выбежав на людную улицу, Франклин постарался смешаться с оживленной толпой, движущейся по направлению к театру. Интересно, агенты видели его? Оглядевшись, Франклин погони не заметил.

На перекрестке он дождался зеленого света и перешел дорогу до безопасной зоны, не упуская из виду лоснящуюся машину департамента цензуры. Автомобиль двигался в его направлении. Засекли? Франклин пошел дальше, к противоположной стороне улицы. Машина вдруг прибавила

ходу, и навстречу ей понеслась вторая.

Франклин перешел дорогу.

Первая машина департамента остановилась, и из нее на тротуар посыпались агенты.

Попался. Окружили. Не сбежать!

Шедшие мимо усталые продавцы и рабочие глазели на происходящее с отстраненным любопытством, а некоторые даже ухмылялись. И ни в одном лице не видел Франклин сочувствия. Озираясь вокруг, он не находил, где укрыться…

Перед ним вдруг остановилась машина. Двери отъехали в сторону.

— Садись! — позвала из салона симпатичная девушка. — Залезай, черт подери!

Франклин забрался внутрь машины. Девушка захлопнула двери, и автомобиль стартовал, однако путь ему загородила машина агентов. Вторая машина департамента перекрыла путь к отступлению.

Девушка подалась вперед и отрегулировала что-то на приборной панели. Автомобиль оторвался от дороги: быстро набирая высоту, он взлетел в воздух. Позади сверкнула фиолетовая вспышка.

— Пригнись! — велела девушка, и Франклин упал в кресло. Машина взмыла по широкой дуге

и прошла над защитными столбами зданий. Цензурщики внизу сдались: они рассаживались по машинам и уезжали.

Франклин откинулся на спинку кресла, дрожащей рукой утирая пот со лба.

— Спасибо, — пробормотал он.

— Пустяки.

Девушка прибавила скорости. Автомобиль покинул деловую зону города и летел теперь над жилыми окраинами. Спасительница вела машину, молча глядя в небо перед собой.

— Кто вы? — спросил Франклин.

Девушка в ответ бросила ему некий предмет:

— Надень.

Капюшон. Ослабив крепление, Франклин неуклюже нацепил экран на голову.

— Готово.

— Без него телепаты нас засекут. Нужно быть настороже. Постоянно.

— Куда мы летим?

Девушка обернулась и, удерживая руль одной рукой, внимательно осмотрела Франклина спокойными серыми глазами.

— К капюшонщику, — ответила она. — Погоне за тобой придали самый высокий статус. Если я отпущу тебя, то ты и часа не продержишься.

— Ничего не понимаю. — Франклин в недоумении покачал головой. — Зачем я им? Чем я провинился?

— Тебя подставили. — Девушка заложила широкий вираж, и ветер пронзительно засвистел в подвесках и крыльях. — Тэпы охотятся за тобой. Действуют они очень быстро, и нам нельзя медлить.

Сняв очки и близоруко сощурившись, невысокий лысый мужчина протянул Франклину руку:

— Рад встрече, доктор. Я следил за вашей работой в департаменте. Очень, очень интересно.

— Кто вы? — спросил Франклин.

Коротышка смущенно улыбнулся.

— Джеймс Каттер. Капюшонщик, как меня прозвали тэпы. Это наша фабрика. — Он обвел помещение широким жестом. — Можете осмотреться.

Франклин огляделся: старинный деревянный склад, какие были в ходу еще в прошлом столетии — поеденные древоточцами сухие распорки, бетонный пол, старинные мигающие флуоресцентные лампы на потолке. На стенах — следы от подтеков воды и пузатые трубы.

Сопровождаемый Каттером, Франклин двинулся в глубь помещения. От скорости, с какой

разворачивались события, голова пошла кругом. Сейчас он, похоже, за пределами города, на обветшалом предприятии, где кругом над штамповальными прессами склонились работники. Горячий воздух охлаждался за счет старинного вентилятора; склад дрожал и вибрировал от постоянного грохота.

— Так это… — пробормотал Франклин, — это…

— То самое место, где производят капюшоны. Впечатляет, правда? Позднее мы рассчитываем перебраться в помещение поновее. А пока идемте, покажу остальную часть фабрики.

Каттер открыл боковую дверь, за которой находилась лаборатория, беспорядочно заставленная колбами и ретортами.

— Здесь мы проводим исследования. Исключительно практического характера. Каким-то открытиям нашлось применение, прочие, надеемся, в ход не пойдут. В общем, беглецы у нас без дела не сидят.

— Беглецы?

Сдвинув в сторону какое-то оборудование, Каттер присел за лабораторный стол.

— Большая часть людей на фабрике — по той же причине, что и вы. За ними гнались тэпы, хотели обвинить в измене государственным

принципам, однако мы опередили систему.

— За что…

— За что вас подставили? За то, какого положения вы добились, директор правительственного департамента. Все беглецы когда-то занимали достаточно высокое положение в обществе, и всех их подставили телепаты. — Закурив, Каттер откинулся на грязную стену. — Мы существуем благодаря открытию, сделанному в правительственной лаборатории десять лет назад. — Он указал на капюшон. — Этот сплав непроницаем для зондов тэпов. Его случайно открыл один из тех, кто сегодня трудится с нами. Он успел скрыться от тэпов, собрал еще несколько капюшонов и передал коллегам. Так зародилось наше движение.

— Сколько здесь человек?

Каттер закашлялся.

— Не могу сказать точно. Достаточно, впрочем, чтобы создавать капюшоны, рассылая их нужным людям. Политикам, ученым, чиновникам и учителям…

— Ради чего?

— Мы должны добраться до них прежде тэпов. К вам мы, правда, опоздали. Не успели отправить капюшон. С вас уже сняли полную телепатиче-

скую карту.

Тэпы захватывают ведущую позицию в правительстве. Вычисляют лучших представителей общества и чернят в глазах остальных, подстраивают аресты. Стоит телепату обвинить человека в измене государству, как еретика хватает цензура. Пришли мы вам капюшон вовремя, цензура о вас не узнала бы, но тэпы нас перехитрили. Натравили на вас толпу, сорвали капюшон и тут же сканировали разум.

— Так вот зачем они требовали его снять…

— На человека, чей разум экранирован, телепаты досье не составят. В цензуре не дураки сидят. Капюшон с жертвы надо сорвать, потому что всякий носитель экрана непроницаем для телепатических зондов и пребывает вне системы. До сих пор тэпы справлялись с задачей, создавая управляемые толпы, однако… это малоэффективно. Теперь они задумали провести законопроект об отмене неприкосновенности. Проект сенатора Уолдо. Если он пройдет, ношение экранов объявят незаконным. — Каттер иронически усмехнулся. — Зачем невиновному скрываться от зондирования? Закон обяжет всякого, кто получает по почте капюшон, сдавать прибор в Департамент цензуры. На десять тысяч человек

едва ли найдется хотя бы один, кто осмелится оставить капюшон себе, если хранение и ношение экрана подразумевает арест и конфискацию имущества.

— Один раз я общался с Уолдо. Не могу поверить, что законопроект — его. Ему бы открыть глаза…

— Вы абсолютно правы! Ему бы открыть глаза… Надо предотвратить принятие закона. Если он пройдет, мы обречены. Тут замешаны телепаты, и кто-то должен отправиться к Уолдо, чтобы открыть ему правду. — Каттер возбужденно посмотрел на Франклина. — Вы знаете сенатора, а он вас не помнит.

— Вы к чему это?

— Франклин, мы засылаем вас обратно… помочь Уолдо. Вы наш единственный шанс на то, чтобы остановить принятие закона. Мы обязаны преуспеть.

Ревя соплами, машина летела над Скалистыми горами; внизу мелькали кустарник, леса…

— Где-то справа должно быть ровное пастбище, — проговорил Каттер. — Сядем там, если сумею найти его.

Он выключил двигатели, и рев прекратился. Машина плавно пошла над холмами.

— Вон там, справа, — показал Франклин.

Каттер на бреющем повел машину вниз.

— Приземлимся неподалеку от поместья Уолдо. Остаток пути проделаем пешком.

Машина содрогнулась, когда посадочные плоскости со скрежетом вошли в землю, и сразу наступила тишина.

Деревья вокруг слабо покачивались на несильном ветру. Утренний воздух был холоден и прозрачен. Каттер посадил машину в горах, на берегу реки Колорадо.

— Каков шанс добраться до Уолдо? — спросил Франклин.

— Не особенно велик.

— Почему же? — завелся Франклин. — Почему невелик?

Открыв дверь салона, Каттер спрыгнул на землю.

— Идемте. — Он помог Франклину выбраться наружу и захлопнул за ним дверцу. — Уолдо окружил себя роботами-телохранителями, потому-то мы и не пытались подобраться к нему прежде. Если бы не законопроект, мы и сейчас бы не сунулись к сенатору.

Они покинули пастбище, следуя по узкой, поросшей травой тропинке.

— Чего они добиваются? — спросил Франклин. — Тэпы. Для чего им власть?

— Такова, думаю, человеческая натура.

— Человеческая?!

— Тэпы не многим отличаются от якобитов, круглоголовых, нацистов или большевиков. Всегда найдется группа людей, жаждущих управлять массами, — себе на благо, естественно.

— Сами тэпы это сознают?

— По большей части они верят, будто рождены руководить человечеством. Обычные люди — низшая ступень, тогда как телепаты — ступень следующая. Homo superior. Поскольку тэпы ступень превосходящая, то им суждено руководить нами, думать и решать за нас.

— И вы с этим не согласны.

— Телепаты не похожи на нас, но это не значит, что они высшая раса. Телепатический дар не предусматривает превосходства. Тэпы — люди с неординарными способностями, которые вовсе не дают им права решать за нас, как нам быть. Проблема не нова.

— Кому же тогда руководить человечеством? — спросил Франклин. — Кому быть лидером?

— Никому. Человечество само должно решать за себя. — Внезапно Каттер напрягся, подавшись

вперед. — Почти пришли. Поместье Уолдо совсем близко. В следующие несколько минут решится наша судьба.

— Вижу несколько роботов. — Каттер опустил бинокль. — Нас, впрочем, не они волнуют. Если рядом с Уолдо телепат, он засечет наши экраны.

— И снять их нельзя.

— Ни в коем случае. Наш план тогда моментально раскроется и полетит от тэпа к тэпу. — Каттер осторожно пошел вперед. — Роботы нас остановят и потребуют документы. Рассчитываю на ваше удостоверение директора.

Выйдя из кустов, двое мужчин направились к образующим поместье зданиям. Вышли на грунтовую дорогу и зашагали по ней, не разговаривая, глядя прямо перед собой.

— Стоять! — К ним поспешил робот-охранник. — Назовитесь!

Франклин показал удостоверение.

— Я из управляющего уровня. Мы пришли повидать сенатора, моего старого друга.

Автоматически вращая рецепторами, робот изучил удостоверение Франклина.

— Управляющий уровень?

— Все верно, — ответил Франклин, начиная беспокоиться.

— Пропусти нас, — нетерпеливо потребовал Каттер. — У нас мало времени.

Робот неуверенно отступил.

— Простите, что задержал, сэр. Сенатор в главном здании. Идите прямо.

— Отлично.

Каттер и Франклин пошли дальше. На круглом лице Каттера выступил пот.

— Пронесло, — пробормотал коротышка. — Теперь будем надеяться, что в доме нет телепатов.

Дойдя до крыльца, Франклин неуверенно поднялся по ступенькам. Каттер — за ним. У самой двери старик задержался, обернувшись к коротышке:

— Мне…

— Вперед, — напряженно поторопил его Каттер. — Войдем скорей. Внутри безопаснее.

Старик взмахнул рукой. Дверной замок щелкнул, стоило объективу над входом заснять директора и просканировать его образ. Франклин молился про себя, чтобы цензура не успела предупредить Уолдо…

Дверь растворилась.

— Входите, — быстро проговорил Каттер.

Внутри царил полумрак. Прищурившись, Франклин увидел идущую навстречу невысокую

гибкую фигуру. Уолдо?

Нет. Худой юноша с улыбкой на желтоватом лице.

— Доброе утро, доктор Франклин, — сказал он и выстрелил из слем-пистолета.

Каттер и Эрнест Аббуд молча смотрели на дымящуюся массу, останки доктора Франклина. Наконец Каттер провел рукой по бледному лицу.

— Это было так необходимо?

Аббуд словно только что его заметил.

— Почему нет? — Он пожал плечами и нацелил дуло пистолета Каттеру в живот. — Старик вряд ли перенес бы арест и тяготы спецлагеря.

Каттер достал пачку сигарет и медленно закурил, не сводя глаз с желтолицего юноши. Прежде он ни разу не встречал Эрнеста Аббуда, но знал о нем. Юноша пнул останки на полу.

— Выходит, сенатор Уолдо — сам телепат.

— Да.

— Франклин ошибался? Сенатор полностью сознает суть законопроекта?

— Ну разумеется! Закон об упразднении неприкосновенности — неотъемлемая часть нашей программы. — Аббуд повел стволом пистолета. — Снимите-ка защиту. Я не слышу ваших мыслей и потому нервничаю.

Каттер не спешил избавляться от капюшона. Он задумчиво бросил окурок на пол и растоптал его.

— Что вы-то здесь делаете? Вы ведь обычно работаете в Нью-Йорке. Далеко забрались!

Аббуд улыбнулся.

— Когда доктор Франклин убегал от нас, мы успели просканировать его мысли. Девчонка слишком поздно дала ему капюшон: мы уловили ее отчетливый образ со спины, а после и в фас. Два часа назад цензурщики взяли ее и с пристрастием допросили. Состоялся первый контакт с подпольем. Агенты накрыли фабрику, арестовав почти всех работников.

— О… — только и вымолвил Каттер.

— Сейчас подпольщики в спецлагере. Капюшоны изъяты, запчасти переданы в государственную собственность, прессы разобраны. Насколько мне известно, попалась вся группа. Кроме вас.

— Тогда какой смысл снимать капюшон?

Глаза Аббуда недобро блеснули.

— А вы снимите, снимите. Хочу прощупать вас… господин капюшонщик.

Каттер фыркнул.

— О чем это вы?

— Несколько ваших людей представили отчетливые образы руководителя и деталей плана.

Тогда я по телепатической эстафете предупредил сенатора Уолдо об операции подполья и приехал сюда. Захотелось лично с вами познакомиться.

— Чего ради?

— Как же! Такой случай!

— Какое у вас положение в системе? — спросил Каттер.

Желтое лицо Аббуда исказила гримаса.

— Хватит! Снимайте капюшон! Я мог бы распылить вас, но хочу сначала сканировать.

— Так и быть, сниму. Сканируйте меня и щупайте разум, сколько душе угодно, — произнес Каттер с очень серьезным лицом. Помолчав, он добавил: — В последней просьбе не откажешь.

— Вы о чем?

Сняв экран, Каттер отшвырнул его к двери.

— Ну? Что видите? Что я знаю такого, чего не знали прочие?

Секунду Аббуд молчал, а потом его перекосило. Ствол пистолета качнулся; Аббуд попятился, дрожа всем телом и беззвучно шевеля губами. Он в диком ужасе взирал на Каттера.

— Данное открытие я совершил недавно, — сказал капюшонщик. — У себя в лаборатории. Использовать не хотел, да только вы заставили снять капюшон. Секрет сплава всегда казался мне

главнейшей тайной, до недавних пор. В некотором роде вот эта тайна куда важнее. Согласны?

Аббуд не отвечал. Его лицо приобрело болезненно-серый оттенок, рот немо открывался и закрывался.

— У меня появилась догадка, и я решил ею воспользоваться. Я знал, что вы, телепаты, происходите от группы жертв несчастного случая, водородного взрыва на Мадагаскаре. Это навело на мысль. Обычно мутанты представляют собой ветвь вида, достигшего стадии естественной мутации. Не в одной-единственной группе особей в конкретной точке мира, а по всей планете, везде, где мутантный вид обитает.

Причина вашего появления на свет — травма зародышевой плазмы у конкретной группы людей. Вы мутанты, но не в смысле естественного эволюционного процесса. Человечество еще не доросло до стадии мутации. Таким образом, вы и не мутанты вовсе.

Я начал исследования: и биологические, и статистические, социальные. Мы соотносили известные факты о вас, о каждом члене вашей группы, все, что сумели выявить. Возраст, род занятий, семейное положение, дети… И в какой-то момент всплыли факты, которые вы прямо

сейчас видите у меня в голове.

Каттер подался вперед, пристально глядя на юношу.

— Вы не мутанты, Аббуд. Ваша группа существует благодаря случаю. Аварии, взрыву. Вы родились такими благодаря искусственно приобретенному дефекту репродуктивной функции родителей. Вам недостает одной черты, характерной для истинных мутантов. — Каттер скривил губы в легкой усмешке. — Многие из вас женаты, и никто не продолжил свой род. Ни один из вас! Не родилось ни единого ребенка-телепата! Вы стерильны, Аббуд. Неспособны размножаться. Когда последний из вас умрет, тэпов на Земле не останется. Вы не мутанты. Вы просто выродки!

Дрожа, Аббуд хрипло фыркнул.

— Открытие у вас в голове. — Телепат не без усилий собрался с духом. — Оно — тайна. Ведь о нем больше никому не известно?

— Кое-кому известно.

— Кому?

— Вам. И раз вы телепат, то и всем остальным…

Аббуд выстрелил себе в живот, и мощь слем-пистолета разорвала его в клочья. Каттер отпрянул, прикрывая лицо руками и стараясь не дышать.

Когда он открыл глаза, от Аббуда уже ничего не осталось.

— Поздно, — покачал головой Каттер. — Вы опоздали, Аббуд. Сканирование происходит мгновенно… и, кстати, Уолдо в пределах вашего поля. Дальше дело за телепатической эстафетой. Даже если тэпы не прочли ваших мыслей, остаюсь я.

Хлопнула дверь, и Каттер обернулся. В прихожую ворвались агенты цензуры, глядя кто на пол, на останки телепата и Франклина, кто на Каттера.

Директор Росс смотрел на коротышку неуверенно, смущенно и озадаченно.

— Что случилось? Где…

— Сканируйте его! — выкрикнул Питерс. — Тэпа сюда, живо! Зовите Уолдо. Выясните, что случилось.

Каттер усмехнулся.

— Конечно-конечно, — кивнул он, не сдерживая радости и позволяя себе облегченно расслабиться. — Сканируйте. Мне прятать нечего. Зовите тэпа… если найдете хоть одного.

Невозможная планета

Название рассказа: Невозможная планета (The Impossible Planet)

Название эпизода сериала: Планета, которой не было (Impossible Planet)

Рассказ впервые издан в журнале Imagination за октябрь 1953 года

— Она встала и стоит, — нервно сказал Нортон. — Капитан, вы бы с ней поговорили.

— Что ей надо?

— Билет. Глухая тетеря. Стоит, смотрит и не желает уходить. Меня жуть берет.

Капитан Эндрюс медленно поднялся на ноги.

— Ладно, я с ней поговорю. Впусти ее.

— Спасибо. — Высунувшись в коридор, Нортон объявил: — Капитан с вами поговорит. Проходите.

У двери в кабину управления что-то шевельнулось. Блеснул металл. Капитан Эндрюс отодвинул сканер и выжидающе встал.

— Сюда. — Нортон попятился в кабину. — Заходите. Вам сюда.

За Нортоном появилась сморщенная старушка.

Рядом с ней двигался сверкающий робард — высоченный робот-стюард, который рукой ее поддерживал. Робард и старушка входили на мостик очень медленно.

— Вот ее документы. — Нортон выложил фолиант на навигационный пульт и потрясенно добавил: — Ей триста пятьдесят лет. Она из старейших в программе долгожителей. С Риги-Два.

Эндрюс неспешно листал фолиант. Миниатюрная женщина стояла перед пультом молча, глядя прямо перед собой. Ее выцветшие глаза были бледно-голубыми. Как древний фарфор.

— Ирма Винсент Гордон, — пробормотал Эндрюс. Он оторвался от документов. — Это так?

Старушка не ответила.

— Она полностью оглохла, сэр, — сообщил робард.

Эндрюс хмыкнул и вернулся к чтению. Ирма Гордон была одной из первопоселенок системы Рига. Происхождение неизвестно. Видимо, родилась в космосе на одном из старинных досветовых кораблей. Его охватило странное чувство. Маленькое древнее существо. Какие столетия она видела! Какие перемены!

— Она желает лететь? — спросил он у робарда.

— Да, сэр. Она приехала из дома, чтобы купить

билет.

— Она сможет выдержать перелет в космосе?

— Она прилетела с Риги сюда, на Фомальгаут-Девять.

— Куда она хочет отправиться?

— На Землю, сэр, — ответил робард.

— На Землю! — У Эндрюса челюсть отвисла. Он нервно выругался. — То есть как это?

— Она желает лететь на Землю, сэр.

— Видишь? — буркнул Нортон. — Совсем не в себе.

Стиснув край пульта, Эндрюс обратился к старухе:

— Мэм, мы не можем продать вам билет на Землю.

— Она вас не слышит, сэр, — напомнил робард.

Эндрюс нашел клочок бумаги и крупными буквами написал:

«НЕ МОЖЕМ ПРОДАТЬ ВАМ БИЛЕТ НА ЗЕМЛЮ»

Он протянул ей листок. Глаза старушки пришли в движение: она внимательно прочла его слова. Ее губы задергались.

— Почему? — проговорила она наконец.

Голос у нее оказался слабым и сухим. Как шелест тростника.

Эндрюс накорябал ответ:

«ТАКОГО МЕСТА НЕТ».

Он мрачно добавил:

«МИФ —
ПРЕДАНИЕ — НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛА».

Блеклые глаза старухи оторвались от записки. Она бесстрастно посмотрела на Эндрюса. Ему стало не по себе. Рядом нервозно потел Нортон.

— Иисусе, — промямлил Нортон. — Гоните ее отсюда. Она нас сглазит.

Эндрюс обратился к робарду:

— Ты можешь ей втолковать? Земли не существует. Это было доказано уже тысячу раз. Никакой изначальной планеты не существовало. Все ученые сходятся на том, что люди возникли одновременно по всей…

— Она желает лететь на Землю, — терпеливо объяснил робард. — Ей триста пятьдесят лет и ей прекратили проводить поддерживающую терапию. Она хочет перед смертью посетить Землю.

— Но это же миф! — взорвался Эндрюс.

Какое-то время он открывал и закрывал рот, но не мог произнести ни слова.

— Сколько? — спросила старуха. — Сколько вы хотите?

— Да не могу я! — крикнул он. — Нет такого…

— У нас тысяча позитивов, — сказал робард.

Эндрюс резко замолчал.

— Тысяча позитивов!

От изумления он побледнел. Зубы у него сжались, вся кровь отлила от лица.

— Сколько вы хотите? — повторила старуха. — Сколько?

— Этого хватит? — спросил робард.

Секунду Эндрюс только беззвучно сглатывал, но внезапно вновь обрел дар речи.

— Конечно, — сказал он. — Почему бы и нет?

— Капитан! — запротестовал Нортон. — Вы сбрендили? Вы же знаете, что никакой Земли нет! Как мы, к дьяволу…

— Конечно, мы ее отвезем. — Эндрюс медленно застегнул китель. Руки у него тряслись. — Отвезем, куда ей только заблагорассудится отправиться. Так ей и скажи. За тысячу позитивов мы с радостью доставим ее на Землю. Лады?

— Конечно, — ответил робард. — Она много десятков лет на это копила. Она отдаст вам тысячу позитивов прямо сейчас. Они при ней.

* * *

— Послушай, — сказал Нортон, — нам за такое могут дать двадцать лет. У тебя отберут лицензию и права, и…

— Заткнись. — Эндрюс крутанул ручку межпланетного видеопередатчика. Внизу взревели и запульсировали двигатели. Громоздкий транспортник вошел в глубокий космос. — Свяжите меня с главным информаторием Центавра-Два, — потребовал он в микрофон.

— Ты даже за тысячу позитивов не сможешь этого сделать. Никто не может. Землю пытались найти многие поколения. Корабли Директората обшарили все занюханные планеты во всей…

Видеопередатчик щелкнул.

— Центавр-Два.

— Главный информаторий.

Нортон схватил Эндрюса за локоть.

— Постойте, капитан! Даже за две тысячи позитивов…

— Мне нужны следующие сведения, — сказал Эндрюс в видеопередатчик. — Все факты, которые имеются относительно планеты Земля. Мифической родины человечества.

— Известных фактов нет, — пришел бесстрастный ответ библиотечного монитора. — Тема классифицируется как метаконкретная.

— Какие непроверенные, но широко распространенные сообщения сохранились?

— Большинство преданий относительно Земли

были потеряны во время Центаврийско-Ригенского конфликта в 4-В33а. Сохранились только фрагменты. Землю описывают либо как большую окольцованную планету с тремя спутниками, либо как маленькую плотную планету с одним спутником, либо как первую планету в десятипланетной системе с белым карликом…

— Какое предание самое распространенное?

— Доклад Моррисона от 5-С21р анализирует весь массив этнических и подсознательных сообщений о мифической Земле. В итоговом результате отмечено, что Землю обычно считают небольшой третьей планетой девятипланетной системы с одним спутником. Помимо этого никакого сходства в преданиях не выявлено.

— Ясно. Третья планета девятипланетной системы. С одним спутником.

Эндрюс разорвал связь, и экран погас.

— И что? — спросил Нортон.

Эндрюс стремительно встал.

— Надо полагать, она знает все предания о ней. — Он ткнул пальцем вниз, в направлении пассажирского отсека. — Надо подбить все итоги.

— Зачем? Что ты хочешь сделать?

Эндрюс развернул главную звездную карту. Он

провел пальцами по оглавлению и включил сканер. В следующую секунду прибор выдал карту.

Капитан схватил карту и ввел ее в робопилот.

— Система Эмфора, — пробормотал он задумчиво.

— Эмфор? Мы туда летим?

— Согласно карте, существует девяносто систем, где имеется третья планета из девяти с одним спутником. Из этих девяноста Эмфор ближе всего. Теперь мы летим туда.

— Не понимаю! — запротестовал Нортон. — Эмфор — это обычная торговая система. Эмфор-Три даже не числится в базах класса Д!

Капитан Эндрюс напряженно улыбнулся.

— У Эмфора-Три один спутник, и это третья из девяти планет. Больше нам ничего и не нужно. Кому-то про Землю известно что-то еще? — Он посмотрел вниз. — Ей известно о Земле что-то еще?

— Ясно, — медленно проговорил Нортон. — Начинаю понимать.

* * *

Под ними беззвучно вращался Эмфор-Три. Тусклый красный шар, повисший среди тошнотворных облаков, — его пропеченную и изъеденную поверхность лизали загустевшие остатки древ-

них морей. Растрескавшиеся выветренные скалы устремлялись вверх. Плоские равнины были раскопаны и оголены. Огромные ямы испещряли поверхность бесчисленными разверстыми язвами.

Нортон скривился от отвращения.

— Ну и ну! Там хоть что-то живое есть?

Капитан Эндрюс нахмурился.

— Не ожидал, что планета настолько выпотрошена. — Он рванулся к робопилоту. — Там внизу где-то должна быть автосцепка. Постараюсь ее разыскать.

— Сцепка? То есть эта пустошь населена?

— Немногочисленными эмфоритами. Какая-то выродившаяся торговая колония. — Эндрюс сверился с картой. — Коммерческие корабли изредка сюда заходят. После Центаврийско-Ригенской войны контакты с этим регионом стали зыбкими.

В коридоре вдруг раздался громкий шум. Сверкающий робард и миссис Гордон вошли в дверь кабины. На лице старухи отражалось возбуждение.

— Капитан! Там… там внизу — Земля?

Эндрюс кивнул:

— Да.

Робард подвел миссис Гордон к большому обзорному экрану. Лицо старухи дергалось, волны эмоций расходились по увядшим чертам.

— Не верится, что это и правда Земля. Это кажется невозможным!

Нортон пристально посмотрел на капитана Эндрюса.

— Это Земля, — заявил Эндрюс, избегая взгляда Нортона. — Скоро должна выйти луна.

Старуха ничего не сказала. Она повернулась к ним спиной. Эндрюс связался с автосцепкой и подключил робопилота. Транспортник содрогнулся и начал спуск: луч с Эмфора поймал его и взял управление на себя.

— Мы приземляемся, — сообщил Эндрюс старухе, прикоснувшись к ее плечу.

— Она вас не слышит, сэр, — сказал робард.

Эндрюс хмыкнул.

— Ну, так хоть видит.

Под ними стремительно увеличивалась изрытая, разрушенная поверхность Эмфора-Три. Корабль вошел в облачный пояс и снова вынырнул, летя над безжизненной равниной, раскинувшейся во все стороны до горизонта.

— Что там, внизу, случилось? — спросил Нортон у Эндрюса. — Война?

— Война. Разработки. И планета старая. Ямы — это, наверное, воронки от бомб. А длинные канавы — возможно, следы ковшей. Похоже, планету полностью выпотрошили.

Внизу промелькнул кривой ряд обломанных горных вершин. Они приближались к остаткам океана. Темная, больная вода плескалась внизу: громадное море под коркой соли и отходов. Его края исчезали под кучами наносов.

— Почему тут так? — вдруг спросила миссис Гордон. По ее лицу скользнула тень сомнения. — Почему?

— Вы о чем? — отозвался Эндрюс.

— Не понимаю. — Она растерянно смотрела вниз. — Все должно быть не так. Земля зеленая. Зеленая и живая. Синяя вода и… — Ее голос нервно дрогнул. — Почему?

Эндрюс схватил листок бумаги и написал:

«КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОЩИЛА РЕСУРСЫ».

Миссис Гордон изучила его записку, кривя губы. Судорога сотрясла худое иссохшее тело.

— Истощила!.. — В смятении она перешла на визгливый крик. — Она не должна быть такой! Я не хочу, чтобы она была такая!

Робард взял ее за локоть.

— Ей следует отдохнуть. Я уведу ее в каюту. Прошу уведомить нас, когда произойдет посадка.

— Конечно.

Глядя, как робард уводит старуху от экрана, Эндрюс неловко кивнул. Та цеплялась за поручень, а ее лицо кривилось от страха и растерянности.

— Что-то не так! — стонала она. — Почему она такая? Почему…

Робард увел ее из кабины. Автоматически закрывшаяся дверь оборвала ее сетования.

Эндрюс расслабился в своем кресле.

— Господи! — Он закурил трясущимися руками. — Ну и вопли!

— Почти сели, — холодно объявил Нортон.

Они осторожно шагнули наружу — и на них налетел ледяной ветер. Воздух был противный: кислый и едкий. Как протухшие яйца. Ветер швырнул им в лица соль и песок.

Чуть дальше начиналось вязкое море. До них доносился его тихий, липкий плеск. Над головой пролетело несколько птиц, бесшумно махавших большими крыльями.

— Унылая проклятая дыра, — проворчал Эндрюс.

— Угу. Интересно, что думает старая дама.

Вниз по трапу сошел сверкающий робард,

поддерживающий старушку. Она двигалась неуверенно и шатко, вцепившись в металлическую руку робота. Холодный ветер хлестнул ее немощное тело. Она покачнулась — но двинулась дальше, сойдя с трапа на неровную землю.

Нортон покачал головой.

— Плохо выглядит. Этот воздух. И ветер.

— Да уж. — Эндрюс вернулся к миссис Гордон и робарду. — Как она? — спросил он.

— Ей нехорошо, сэр, — ответил робард.

— Капитан, — прошептала старуха.

— В чем дело?

— Вы должны сказать мне правду. Это… это действительно Земля?

Она пристально смотрела на его губы.

— Даете слово? Клянетесь?

От страха ее голос стал визгливым.

— Земля это! — раздраженно рявкнул Эндрюс. — Я же уже сказал! Конечно, Земля!

— Она не похожа на Землю. — Миссис Гордон в панике ухватилась за его ответ. — Она не похожа на Землю, капитан! Это правда Земля?

— Да!

Ее взгляд скользнул к океану. Странное выражение промелькнуло на ее усталом лице, заставив глаза вспыхнуть внезапной жаждой.

— Это вода? Я хочу посмотреть!

Эндрюс повернулся к Нортону.

— Выводи катер. Доставь ее, куда она скажет.

Нортон гневно отшатнулся.

— Я?

— Это приказ.

— Ладно.

Нортон неохотно вернулся к кораблю. Эндрюс мрачно курил и ждал. Наконец катер выскользнул из корабля и подкатился по праху прямо к ним.

— Можешь показать ей все, чего она захочет, — сказал Эндрюс робарду. — Нортон вас отвезет.

— Благодарю вас, сэр, — сказал робард. — Она будет очень признательна. Она всю жизнь хотела постоять на Земле. Она помнит, как дед ей про нее рассказывал. Она считает, что он сам прилетел с Земли, очень давно. Она очень старая. Она последняя в семье.

— Но Земля же просто… — Эндрюс его подловил. — То есть…

— Да, сэр. Но она очень старая. И она ждет уже много лет.

Робард повернулся к старухе и бережно повел ее к катеру. Эндрюс мрачно смотрел им вслед, потирая щеку и хмуря брови.

— Все в норме, — объявил Нортон из катера.

Он открыл люк, а робард аккуратно завел старуху внутрь. Люк за ними закрылся.

В следующую секунду катер помчался по солончаку к уродливо плещущему океану.

* * *

Нортон с капитаном Эндрюсом нервно ходили вдоль берега. Небо темнело. По ним хлестали соляные заряды. В сгущающемся мраке илистые отмели источали зловоние. Вдалеке смутная череда холмов беззвучно тонула в испарениях.

— Ну и? — спросил Эндрюс. — Что потом?

— А все. Она вышла из катера. Они с робардом. Я остался внутри. Они стояли и смотрели на океан. А спустя какое-то время старуха отправила робарда обратно к катеру.

— Зачем?

— Не знаю. Может, захотела побыть одна. Сколько-то постояла одна. На берегу. Глядя на воду. Ветер усиливался. А потом вдруг вроде как осела. Плюхнулась неловко, прямо в соленый прах.

— И что тогда?

— Не успел я опомниться, как робард выскочил наружу и бросился к ней. Поднял ее на руки. Постоял секунду — и пошел к воде. Я закричал и

выпрыгнул из катера. Он шагнул в воду и исчез. Погрузился в ил и грязь. Исчез. — Нортона передернуло. — С ее телом.

Эндрюс яростно отшвырнул сигарету. Та откатилась им за спины, продолжая тлеть.

— Что-то еще было?

— Ничего. Все произошло мгновенно. Она стояла и смотрела на воду. Потом вдруг затряслась, как сухая ветка. А потом вроде как съежилась. А робард выбежал из катера и исчез с ней в воде, так что я даже не успел понять, что происходит.

Небо стало почти черным. Громадные облака вредоносных ночных испарений и мельчайших частиц мусора плыли на фоне блеклых звезд. Стая громадных птиц тихо пересекала горизонт.

Над изломанными холмами вставала луна. Больной, безжизненный диск, чуть желтоватый. Как старинный пергамент.

— Давай возвращаться на корабль, — сказал Эндрюс. — Не нравится мне здесь.

— Не могу понять, почему так получилось. Эта старуха…

Нортон потряс головой.

— Токсичный ветер. Радиация. Я связывался с Центавром-Два. Война всю систему опустошила. Превратила планету в смертоносные руины.

— Значит, нам не…

— Да. Нам не придется за это отвечать. — Какое-то время они двигались молча. — Объясняться не придется. Все достаточно очевидно. Любой, кто сюда прилетел бы, а особенно старый человек…

— Только сюда никто не стал бы прилетать, — с горечью бросил Нортон. — Особенно старый человек.

Эндрюс ничего не ответил. Он шагал вперед, опустив голову и спрятав руки в карманы. Нортон молча шел следом. Единственный спутник над ними стал ярче, выбравшись из туманов и попав на участок ясного неба.

— Кстати, — холодно и отчужденно сказал Нортон у Эндрюса за спиной, — я в последний раз с тобой летал. Я с корабля уже отправил официальный запрос на новое назначение.

— О!

— Решил тебе сообщить. И моя доля от тысячи позитивов. Оставь себе.

Эндрюс покраснел и ускорил шаги, оставив Нортона позади. Смерть старухи выбила его из колеи. Он зажег новую сигарету и тут же ее выбросил.

Проклятье! Его вины тут нет. Она была старая. Триста пятьдесят лет. Глухая и в маразме. Су-

хой лист, унесенный ветром. Ядовитым ветром, резкими порывами проносящимся по изуродованному лицу планеты.

Изуродованное лицо. Соленый прах и мусор. Ломаная линия осыпающихся холмов. И тишина. Вечная тишина. Только ветер и плеск вязкой застоявшейся воды. И темные птицы над головой.

Что-то блеснуло.

Что-то у его ног, в соленом прахе. Отразило болезненно-бледную луну.

Эндрюс наклонился и пошарил в темноте. Его пальцы ухватились за что-то твердое.

Он поднял небольшой кружок и всмотрелся в него.

— Странно, — сказал он.

Только когда они уже находились в глубоком космосе, несясь обратно к Фомальгауту, он вспомнил про тот кружок. Отодвинувшись от пульта, он пошарил в карманах, ища его.

Кружок оказался стертым и тонким. И ужасно старым. Эндрюс тер его и плевал на него, пока не отчистил так, чтобы рассмотреть его. Слабый отпечаток — и все. Он перевернул его. Жетон? Фишка? Монета?

На обратной стороне оказалось несколько бессмысленных букв. Какое-то древнее, забытое

письмо. Он вертел кружок под лампой, пока не разобрал буквы.

E PLURIBUS UNUM

Пожав плечами, он швырнул древний кусок металла в утилизатор рядом с креслом и сосредоточился на звездных картах — и на пути домой…

Пригород

Название рассказа: Пригород (The Commuter)

Название эпизода сериала: Проездной билет (The Commuter)

Рассказ впервые издан в журнале Amazing Stories за август-сентябрь 1953 года

Маленький человечек устал. Он с горем пополам пробрался через вокзальную толчею к кассе. Переминаясь от нетерпения, отстоял очередь. Плечи его уныло поникли, коричневый плащ повис мешком.

— Следующий! — крикнул кассир Эд Джейкобсон.

Маленький человечек бросил на прилавок пятидолларовую купюру.

— У меня проездной истек, дайте новый. — Он заметил часы на стене. — Господи, уже столько времени?

Джейкобсон взял деньги.

— Хорошо, мистер. Проездной. Докуда?

— Мейсон-Хейтс, — сказал маленький человечек.

— Мейсон-Хейтс. — Джейкобсон сверился с

прейскурантом. — Мейсон-Хейтс. Нет такой станции.

На лице у маленького человечка застыла подозрительная гримаса.

— Вы надо мной шутки шутите?

— Мистер, никакого Мейсон-Хейтс нету. Если нет станции, я не могу оформить туда проездной.

— Как это нет? Я там живу!

— Ничего не знаю. Я шесть лет продаю билеты, и такой станции нет.

У маленького человечка от изумления распахнулись глаза.

— Но у меня там дом. Я приезжаю туда каждый вечер. Я…

— Держите. — Джейкобсон сунул ему прейскурант. — Найдите сами.

Маленький человечек потянул прейскурант к себе. Глаза его лихорадочно бегали по строчкам, дрожащий палец скользил по списку.

— Ну что, нашли? — осведомился Джейкобсон, уперевшись руками в прилавок. — Нету, да?

Потрясенный человечек покачал головой.

— Не понимаю. Чушь какая-то. Не может такого быть. Он точно…

И вдруг человечек исчез, будто его и не было.

Прейскурант сиротливо упал на цементный пол.

— Дух святого Цезаря… — выдохнул Джейкобсон, как рыба разевая рот.

Одинокий прейскурант лежал на полу.

Маленький человечек прекратил существование.

— Что было дальше? — спросил Боб Пейн.

— Я вышел из-за прилавка и подобрал прейскурант.

— Он правда исчез?

— Правда, правда. — Джейкобсон утер лоб. — Жаль, ты сам не видел. Оп! — и пропал. Как ветром сдуло.

Пейн, откинувшись на стуле, раскурил сигарету.

— Ты его раньше видел когда-нибудь?

— Нет.

— Сколько времени было?

— Примерно как сейчас. Около пяти. — Джейсон выглянул в окошко кассы. — О, народ пошел.

— Мейсон-Хейтс. — Пейн зарылся в справочник населенных пунктов. — Что-то не видать такого названия. Если этот коротышка снова появится, отправь его ко мне. Хочу с ним пообщаться.

— Конечно. Только лучше бы он с концами пропал. Не люблю я эту мистику. — Джейкобсон

повернулся к окошку. — Слушаю, леди.

— Два билета туда и обратно до Льюисбурга.

Пейн раздавил окурок и достал новую сигарету.

— Не покидает чувство, что где-то я слышал про Мейсон-Хейтс. — Он подошел к карте на стене. — А в справочнике его нет.

— Конечно, его нет в справочнике, потому что нет такого места, — сказал Джейкобсон. — Как думаешь, могу я круглыми днями продавать тут билеты и не знать хоть один самый захудалый поселок? — Он повернулся к окошку. — Да, сэр?

— Мне нужен проездной до Мейсон-Хейтс, — сказал человечек, нервно поглядывая на настенные часы. — Поторопитесь, я спешу.

Джейкобсон зажмурился и глубоко вдохнул. Выдохнул. Открыл глаза. Человечек никуда не делся. Морщинистое личико. Жиденькие волосенки. Очочки. Понуро висящий плащ.

Джейкобсон молча развернулся и подошел к Пейну.

— Он снова здесь, — выдавил кассир. На нем просто не было лица.

У Пейна загорелись глаза.

— Давай его сюда.

Кивнув, Джейкобсон потопал к окошку.

— Мистер, не могли бы вы пройти вон в ту дверь? — попросил он. — Вас хочет видеть заместитель директора.

Человечек потемнел лицом.

— В чем дело? У меня поезд отходит. — Бурча себе под нос, он толкнул дверь и шагнул в помещение кассы. — Никогда такого не было. Уже и проездной купить спокойно нельзя. Ну, если я опоздаю, я вам устрою…

— Сядьте, — попросил Пейн, указывая на стул для посетителей. — Это вы хотели купить проездной до Мейсон-Хейтс?

— И что такого? Да что с вами со всеми? Неужели нельзя просто оформить мне проездной? Всегда нормально продавали, а в этот раз устроили черт-те что!

– *Всегда* продавали?

Человечек с трудом держал себя в руках.

— С декабря мы с женой живем в Мейсон-Хейтс. Я езжу на вашем поезде десять раз в неделю, дважды в день, уже полгода. Раз в месяц покупаю проездной.

Пейн наклонился к нему.

— На какой конкретно поезд вы садитесь, мистер…

— Критчет. Эрнест Критчет. Поезд Б. Вы что, не

знаете собственного расписания?

— Поезд Б? — Пейн сверился с маршрутом поезда Б. Мейсон-Хейтс в списке не значился. — Сколько времени вам ехать?

— Ровно сорок пять минут. — Критчет посмотрел на настенные часы. — Если только я не опоздаю из-за вас.

Пейн подсчитал в уме. Сорок пять минут. Миль тридцать от города. Он подошел к большой карте, висящей на стене.

— В чем дело? — с явным подозрением спросил Критчет.

Пейн нарисовал на карте окружность радиусом в тридцать миль. Она прошла через множество населенных пунктов, но ни один из них не назывался Мейсон-Хейтс. На ветке Б в этой точке не было вообще ничего.

— Расскажите про Мейсон-Хейтс, — попросил Пейн. — Например, сколько там живет народу?

— Не знаю. Тысяч пять. Практически все время я провожу в городе. Я бухгалтер в «Страховой компании Брэдшоу».

— Мейсон-Хейтс — новый поселок?

— В какой-то мере. Мы живем в небольшом домике, так он построен года два назад. — Критчет поерзал на стуле. — Что насчет проездного?

— Боюсь, оформить вам проездной я не смогу, — размеренно сообщил Пейн.

— А? Почему?

— У нас нет маршрута до Мейсон-Хейтс.

Критчет подпрыгнул.

— Это как это?

— Нет такого места. Сами посмотрите на карте.

У Критчета отвалилась челюсть. По лицу прошла судорога. Он сердито подскочил к карте и вонзил в нее взгляд.

— Вот как оно выходит, мистер Критчет, — пробормотал Пейн. — Такого поселка нет на карте, нет в справочнике населенных пунктов. Нет в расписании. Мы не оформляем туда билеты. Не…

Тут он потерял дар речи. Критчет пропал. Вот только что стоял, уткнувшись в карту. А в следующий миг его нет. Растаял в воздухе.

— Джейкобсон! — заорал Пейн. — Опять пассажир исчез!

У Джейкобсона распахнулись глаза. На лбу выступили капли пота.

— Эвона как… — выдавил он.

Пейн в глубокой задумчивости разглядывал то место, где совсем недавно стоял Эрнест Критчет.

— Что-то происходит, притом чертовски странное, — пробормотал он. И вдруг, подхватив

пальто, шагнул к дверям.

— Не бросай меня здесь! — взмолился Джейкобсон.

— Если что, я у Лоры. Бумажка с телефоном где-то в ящике стола.

— Не время сейчас для всякого баловства.

Пейн толкнул дверь, за которой простирался вестибюль.

— Какое уж тут баловство, — мрачно сказал он.

По лестнице Пейн взлетел, перепрыгивая через ступеньки. И давил на звонок, пока Лора Николс не открыла дверь.

— Боб! — удивленно моргнула она. — Чему обязана…

Отодвинув ее с дороги, Пейн зашел в дом.

— Надеюсь, я тебе не помешал.

— Нет, но…

— Дело на миллион. Мне нужна помощь. На тебя можно рассчитывать?

— На меня? — Лора закрыла за ним дверь.

Ее уютная квартирка утопала в тенях. Около зеленого дивана горела единственная лампа. Плотные шторы были задернуты. В углу тихонько напевал граммофон.

— Подозреваю, что схожу с ума. — Диван скрипнул под весом Пейна. — Нужно выяснить

наверняка.

— Чем я могу помочь? — Лора с сигаретой в зубах медленно подошла к нему, сложив руки на груди. Взмахом головы отбросила непослушную прядь. — Введи меня в курс дела.

Пейн благодарно улыбнулся девушке.

— Только не падай. Мне надо, чтобы ты завтра, с утра пораньше, отправилась в центр и…

— Завтра с утра я работаю. На этой неделе мы запускаем новую серию репортажей.

— Черт бы с ними. Отпросишься. Иди в центральную библиотеку. Если там тебе не помогут, иди в главный суд округа и перерой там налоговые записи. Ищи, пока не найдешь.

— Что не найду?

Пейн задумчиво раскурил сигарету.

— Упоминание поселка под названием Мейсон-Хейтс. Я точно о нем слышал. Когда-то давным-давно. Уловила суть? Ищи в старых атласах. В подшивках газет. В старых журналах. Отчетах. Планах застройки. Законопроектах.

Лора тихо опустилась на подлокотник дивана.

— Ты серьезно?

— Более чем.

— Как глубоко копать?

— Лет на десять назад.

— Господи боже! Я там…

— Ищи, пока не найдешь. — Пейн решительно встал. — Увидимся.

— Уходишь? А как же сводить даму в ресторан?

— Прости. Дела, сплошные дела.

— Какие такие дела?

— Поеду в Мейсон-Хейтс.

Вдоль путей расстилались бескрайние поля, лишь кое-где стояли одинокие фермы. На фоне вечернего неба уныло торчали телефонные столбы.

Пейн посмотрел на наручные часы. Осталось недолго. Поезд въехал в очередной поселок. Пара бензоколонок, придорожные ларьки, магазин телевизоров. Показалась станция. Завизжали тормоза. Льюисбург. На выход пошли несколько пассажиров, мужчины в пальто, с газетами в руках. Двери захлопнулись. Перрон поплыл назад.

Откинувшись на сиденье, Пейн с головой ушел в думы. Критчет исчез, когда разглядывал карту. В первый раз он пропал, когда Джейкобсон показал ему прейскурант… Когда он своими глазами убедился, что Мейсон-Хейтс не существует. Можно ли за это уцепиться? События никак не хотели складываться в осмысленную картину.

Пейн перевел взгляд за окно. Время. Сейчас будет видно, что здесь есть или ничего нет. По ту сторону стекла чернели в сумерках бесконечные поля. Холмы и равнины. Телефонные столбы. Далекими пятнами по шоссе пролетали машины.

Ни единого намека на Мейсон-Хейтс.

Поезд с ревом катил вдаль. Пейн посмотрел на часы. Прошла уже пятьдесят одна минута. Снаружи ничего не было. Сплошные поля.

Он прошел по вагону и подсел к кондуктору, седовласому мужчине в летах.

— Вы слышали когда-нибудь о местечке Мейсон-Хейтс?

— Нет, сэр.

Пейн показал удостоверение.

— Вы точно уверены, что поселение с таким названием вам неизвестно?

— Абсолютно, мистер Пейн.

— Как давно вы работаете на этом маршруте?

— Одиннадцать лет, мистер Пейн.

Пейн доехал до следующей остановки, до Джексонвилля. Сошел на перрон и пересел на поезд, идущий назад, в город. Солнце зашло. На небе растаяли последние закатные лучи. В темноте за окном плыла все та же картина.

Он напрягся, задержал дыхание. Осталась ми-

нута. Сорок секунд. Есть там что-нибудь? Поля. Унылые столбы. Мертвая пустота между поселками…

Между поселками? Поезд летел вперед, разгоняя тьму. Пейн вперился в пейзаж. Что это там такое? Вроде бы что-то виднеется?

Над полями на добрую милю вытянулось облако полупрозрачного тумана. Что это, дым от локомотива? Так он же дизельный. Грузовик проехал по шоссе? Траву жгут? Но на полях не было выгоревших мест.

Вдруг поезд стал тормозить. Пейн напрягся. Взвизгнули тормоза, вагон заходил ходуном. И замер.

Высокий мужчина в светлом плаще встал и надел шляпу. Пейн завороженно следил, как долговязая фигура, спрыгнув из вагона на землю, стремительно шагает по темному полю. Человек целеустремленно шел к облаку серой дымки.

Ноги его оторвались от земли на добрый фут. Шагая по воздуху, мужчина свернул направо и взлетел еще выше, уже фута на три. Перед ним выросла стена тумана. Человек нырнул в нее — и исчез.

Пейн бросился к дверям, но поезд уже тронулся. Снова за окном поплыли поля. К стене вагона

привалился кондуктор, пухлощекий юнец.

— Слушай, — проскрежетал Пейн. — Это что за остановка была!

— Прошу прощения, сэр?

— Остановка! Это где вообще есть?

— Мы всегда здесь останавливаемся. — Кондуктор запустил руку в карман и неторопливо достал оттуда целую пригоршню расписаний. Покопавшись в них, выбрал одно и протянул Пейну. — Поезд Б всегда останавливается в Мейсон-Хейтс. А вы что, не знали?

— Нет!

— Там все записано. — Юнец снова уткнулся носом в желтую прессу. — Всегда здесь останавливаемся. Чего орать-то?

Пейн дрожащими руками открыл расписание. И впрямь, Мейсон-Хейтс стоял между Джексонвиллем и Льюисбургом. Ровно в тридцати милях от города.

Облако серого дыма. Быстро обретающее форму. Словно материализуется нечто новое. А ведь правда кое-что появилось.

Мейсон-Хейтс!

Следующим утром он заглянул к Лоре. Та в светло-розовом свитере и темных брюках сидела за журнальным столиком. Перед ней высилась

стопка бумаг, рядом лежали карандаш и ластик, стоял стакан солодового молока.

— Ну что, как результаты? — с места в карьер начал Пейн.

— Выяснила все, что ты просил.

— Поделишься?

— Это долгая история. — Лора похлопала по записям. — Самое важное я выписала.

— Расскажи коротенько.

— Семь лет назад окружной совет поставил на голосование проект трех новых спальных пригородов. Одним из них и был Мейсон-Хейтс. Споры разгорелись не на шутку. Торговые круги выступили резко против, мол, магазины лишатся клиентуры.

— Продолжай.

— Баталии кончились не скоро. Наконец приняли положительное решение по двум поселкам из трех. Уотервилль и Сидер-Гроувз. Мейсон-Хейтс вычеркнули из списка.

— Ясно, — задумчиво пробормотал Пейн.

— Таков был компромисс: два поселка вместо трех. И Мейсон-Хейтс принесли в жертву. Те два одобренных построили мгновенно. Да ты и сам знаешь. Мы как-то были проездом в Уотервилле. Неплохое местечко.

— Но Мейсон-Хейтс вычеркнули из списка.

— Именно.

Пейн почесал подбородок.

— Вот оно как, значит.

— Собственно, конец истории. Ты понимаешь, что я убила на все про все полдня? Теперь ты *обязан* пригласить меня на ужин. Прямо сегодня. Может, пора найти другого мужика? Я начинаю думать, что ты — не такая уж и выгодная партия.

Пейн рассеянно кивнул.

— Семь лет назад. — Тут его осенила внезапная мысль. — Голосование! Скольких голосов не хватило Мейсон-Хейтс?

Лора сверилась с записями.

— Проект отклонили с перевесом в один голос.

— Один голос. Семь лет назад. — Пейн пошел к дверям. — Спасибо, милая. Наконец-то все обретает смысл. Да еще какой!

У подъезда он поймал такси и попросил отвезти его к вокзалу. Мимо пролетали улицы и вывески, люди и машины.

Интуиция его не подвела. Он слышал это название. Семь лет назад. Яростные споры вокруг проекта трех пригородов. Два поселка получили одобрение, третий остался только на бумаге.

Но спустя семь лет он воплотился сам по се-

бе. И поселок, и вместе с ним — целый пласт неопределенной реальности. Почему? Изменилось прошлое? Произошел сдвиг во временном континууме?

Эта гипотеза все объясняет. Мейсон-Хейтс не хватило единственного голоса. Может, во времени есть нестабильные участки. И среди них — тот самый период, семь лет назад. Вдруг он так и не «застыл» до конца? Странная мысль: событие меняется, уже став прошлым.

Тут Пейна подбросило — взгляд зацепился за невзрачное здание на другой стороне дороги. Провожая вывеску, Пейн ел глазами каждую букву.

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ БРЭДШОУ.
НОТАРИУС

Именно здесь работает Критчет. Интересно, эта контора тоже исчезает? Или надежно осела в реальности? По нервам прокатилась волна беспокойства.

— Давай побыстрее, я спешу, — приказал Пейн таксисту.

Когда поезд затормозил на Мейсон-Хейтс, Пейн сразу бросился к дверям. Едва смолк скрип тормозов, как он выскочил на щебенку насыпи и

оглянулся по сторонам.

Мейсон-Хейтс сиял на солнце, ровные ряды домов протянулись во все стороны. В центре торчал шатер театра.

Даже свой театр есть. Пейн перебрался через рельсы и пошел в поселок. На пути у него лежала автостоянка. Миновав асфальтовое поле и бензоколонку, он вышел на тротуар центральной улицы города. Впереди по обе стороны выстроились магазины. Скобяные товары. Две аптеки. Сто мелочей для дома. Современный универмаг.

Сунув руки в карманы, Пейн брел куда глаза глядят. А глядели они на Мейсон-Хейтс. Впереди показался высокий, необъятный жилой дом. Дворник моет крыльцо. Все такое новенькое, современное. Дома, магазины, асфальт под ногами. Парковочные счетчики. Полицейский в коричневой форме выписывает штраф. Вдоль дороги выстроились деревья. Аккуратно подстриженные.

Перед супермаркетом стоял лоток с апельсинами и виноградом. Подцепив виноградину, Пейн отправил ее в рот. По языку растеклась сочная сладость. Ягода была совершенно реальной. А ведь еще вчера здесь простиралось голое поле.

Пейн зашел в аптеку. Покрутил в руках жур-

налы, сел к прилавку и попросил у румяной официанточки чашку кофе.

— Милый у вас поселок, — сказал он, когда та принесла заказ.

— Мне тоже нравится.

— А вы… давно работаете здесь?

— Три месяца.

— Три месяца? — Пейн окинул взглядом невысокую блондинку, так и пышущую здоровьем. — А сами живете в Мейсон-Хейтс?

— Конечно же.

— Давно?

— Ну, пару лет точно.

Официантка пошла обслуживать солдата, присевшего на другом конце прилавка. Пейн сидел, курил, глазел на прохожих сквозь витрину. Самые обычные люди. Мужчины, женщины. Женщин больше. Многие с сумками или проволочными тележками. Туда-сюда сновали машины. Сонный пригород. Современный, для населения чуть выше среднего класса. Приличное место. Никаких трущоб. Опрятные домики. Газоны, магазины с неоновыми вывесками.

В аптеку, хохоча и пихая друг друга, ввалилась орава старшеклассников. Две девочки в ярких кофточках сели рядом с Пейном и заказали ли-

монад. До него долетали обрывки их веселого трепа.

Пейн мрачно смотрел на школьников и думал свою думу. Да, в их реальности сомневаться не приходится. Помада, ногти крашеные. Кофточки, охапки учебников. Полная аптека молодежи.

Он устало потер лоб. Снова вернулось ощущение, что он сошел с ума. Поселок был совершенно, абсолютно настоящий, словно всегда здесь был. Не могло же все это возникнуть из ничего, из облака серого дыма. Пять тысяч человек, дома, улицы, магазины.

Магазины. Страховая компания Брэдшоу.

По спине побежали мурашки. В мозгу полыхнула догадка. Новая реальность пускает побеги за пределы Мейсон-Хейтс. Город тоже меняется. Страховая компания Брэдшоу. Там работает Критчет.

Отдельно от города Мейсон-Хейтс существовать не может. Они связаны. Пять тысяч человек переехали оттуда сюда. Они где-то работают, где-то обедают, с кем-то общаются.

Насколько глубоко перемены затронули город?

Пейн бросил на прилавок монетку и, одолев дверь, побежал на станцию. Надо срочно возвращаться. Как там Лора, цела ли? Не пропала? А сам

он в безопасности?

От страха перехватило дыхание. Лора, все, нажитое нелегким трудом, его планы, надежды, мечты. Черт с ней, с загадкой Мейсон-Хейтс. Его собственная жизнь под угрозой. Необходимо убедиться, что его личный мир не смыли круги перемен, расходящиеся от Мейсон-Хейтс.

— Куда едем? — спросил таксист, когда Пейн выскочил из дверей вокзала.

Тот назвал адрес, и такси влилось в поток машин. Пейн ерзал на сиденье. Мимо пролетали офисные здания. Клерки уже потянулись с работы, они заполонили все улицы и кучковались на каждом углу.

Насколько сильны перемены? Вот этот супермаркет, он всегда здесь стоял? А рядом приютилась лавка чистильщика сапог, раньше Пейн ее не замечал.

МЕБЕЛЬ МОРРИСА

Этого магазина он точно не помнил. Но какой отсюда вывод? В голове все смешалось. Как отличить новое от старого?

Такси затормозило у подъезда. На миг Пейн замер, озираясь. На углу квартала ставил тент

хозяин магазина итальянской кулинарии. Этот продуктовый был здесь раньше?

Пейн не помнил.

А куда делся мясной рынок на той стороне улицы? Теперь там выстроились в ряд аккуратные домики. Выглядят так, будто торчат здесь с незапамятных времен. Был рынок или не было? Дома стояли как влитые.

Через квартал на доме блестел полосатый столбик парикмахерской. Раньше тут была парикмахерская?

Может, да. А может, и нет. Все текло, все менялось. Что-то появлялось, что-то исчезало. Память, она же слепок прошлого. Как ей верить-то? На что опереться?

Ужас сковал его. Лора. Смысл его жизни…

Пейн забежал на крыльцо и толкнул дверь подъезда. Взлетел по лестнице на второй этаж. Квартира была не заперта. Сердце подкатило к горлу. Входя внутрь, он молча возносил молитвы.

В гостиной было тихо и темно. Яркий луч пробивался в узкую щель между шторами. Выпученными глазами Пейн обвел комнату. Голубой диван, стопка журналов на подлокотнике. Низенький столик из светлого дуба. Телевизор. И

ни души.

— Лора! — выдохнул он.

Лора, тревожно озираясь, выскочила из кухни.

— Боб! Ты уже дома? Что-то случилось?

Напряжение ушло, будто из тела выдернули стержень.

— Привет, дорогая. — Он поцеловал Лору, прижал к груди. Она была теплой, материальной, самой настоящей в целом мире. — Нет, все в порядке. В полном порядке.

— Точно?

— Точно, точно.

Дрожащими руками Пейн стянул плащ и бросил на диван. Вокруг царила привычная обстановка, и каждый знакомый предмет придавал ему уверенности. Вот голубой диван с дырками от сигарет на ручке. Потертая скамеечка для ног. Стол, за которым он работает по ночам. За книжной полкой притулились удочки.

Большой телевизор, купленный совсем недавно, в прошлом месяце. И он на месте, надо же.

Его жизнь, его пожитки, все сохранилось. Ничего не пропало.

— Ужина придется подождать с полчасика, — беспокойно проворчала Лора, развязывая фартук. — Я тебя не ждала в такую рань. Сижу

весь день, не знаю, чем себя занять. Почистила плиту. Заходил коммивояжер, оставил образец нового чистящего средства.

— Ну и ладно. — Пейн разглядывал любимую репродукцию Ренуара на стене. — Не суетись. Так приятно видеть, что все на месте. Я…

В спальне громко заплакал ребенок.

— Ой, мы разбудили Джимми, — дернулась Лора.

— Джимми?

— Милый, ты что, забыл, как зовут сына? — засмеялась она.

— Нет, конечно, — недовольно проворчал Пейн. Следом за Лорой он медленно зашел в спальню. — Знаешь, мелькнуло чувство, что все вокруг не такое. Странное, незнакомое. — Он нахмурился и потер лоб. — Будто все плывет перед глазами.

Стоя у колыбели, они смотрели на малыша. А глазки Джимми следили за мамой и папой.

— Может, тебе напекло голову? — предположила Лора. — Сегодня на улице жуткая жара.

— Скорее всего. Ну, сейчас я в порядке. — Пейн протянул руку и погладил ребенка. Другой рукой прижал к себе жену. — Пожалуй, что и впрямь напекло голову.

Он посмотрел в глаза любимой женщине и

улыбнулся.

Экспонат с выставки

Название рассказа: Экспонат с выставки (Exhibit Piece)

Название эпизода сериала: Настоящая жизнь (Real Life)

Рассказ впервые издан в журнале If за август 1954 года

— Что это на вас за странный костюм за такой? — поинтересовался механический водитель робовтобуса.

Машина отодвинула дверь и подъехала к тротуару.

— Что за круглые штучки? Для чего они?

— Это пуговицы, — охотно объяснил Джордж Миллер. — Они могут быть декоративными, но чаще имеют практическую нагрузку. Это старинный костюм двадцатого века. Я его ношу по долгу службы.

Он заплатил роботу за проезд, прихватил «дипломат» и быстро зашагал по тротуару к Агентству по делам истории. Главное здание уже открыли для публики, одетые в комбинезоны мужчины и женщины уже бродили по

выставкам. Миллер зашел в лифт для персонала, с трудом втиснулся между двумя здоровенными инспекторами из отдела Дохристианских культур, и лифт повез его наверх, на этаж Середины Двадцатого века.

— Доброго утречка, — пробормотал он, приветствуя инспектора Флеминга у выставки атомного оборудования.

— И вам того же, — резко ответил Флеминг. — Миллер, послушайте, что я вам хочу сказать. Вот сейчас скажу — и больше этот вопрос поднимать не буду, так и знайте. Вот сами подумайте: а что, если бы все одевались так же, как вы? Между прочим, наше правительство, чтоб вы знали, устанавливает четкие правила насчет одежды, в которой могут появляться граждане. Черт бы побрал эти ваши анахронизмы, вы что, не можете обойтись без дурацкого маскарада? И — боже правый! — что у вас в руках?! Иисусе, да это же точь-в-точь раздавленная ящерица из юрского периода!

— Это чемоданчик-«дипломат» из кожи аллигатора, — объяснил Миллер. — Я ношу в нем бобины с данными для исследования. Между прочим, «дипломат» являлся важным символом статуса и авторитета в менеджерском классе

позднего Двадцатого века.

И он щелкнул застежками, открывая чемоданчик.

— Вот вы, Флеминг, никак понять не можете. А ведь я приучаю себя к ношению вещей из исследуемого периода не просто так! Именно таким образом, в силу привычки, интеллектуальное любопытство трансформируется в подлинную эмпатию! Вы часто замечаете, что я некоторые слова произношу странно. А я, между прочим, имитирую акцент американского бизнесмена времен президента Эйзенхауэра! Ферштейн?

— Чего? — ошарашенно пробормотал Флеминг.

— Это я сленговое словечко из двадцатого века употребил!

И Миллер принялся выкладывать катушки на стол.

— Может, вам что-нибудь подсказать? А если нет, позвольте мне, пожалуйста, приступить к работе. Я тут обнаружил доказательства тому, что американцы Двадцатого века самостоятельно укладывали плитку, но — представьте себе! — вовсе не ткали одежду! Я бы хотел изменить кое-что в экспозиции…

— Все вы фанатики, все как один, — проскрипел Флеминг. — Ис-с-сторики… копаетесь в пыльных

артефактах двухсотлетней давности, а до настоящего вам и дела нет! В голове только всякие идиотские штуки, копирующие идиотские штуки из пыльного прошлого!

— А мне моя работа нравится, — примирительным тоном сказал Миллер.

— Да я ж не на твою работу жалуюсь! Просто есть же еще что-то, кроме работы! Ты же в социуме живешь и, как единица социума, имеешь политико-социальные обязанности! Так что, Миллер, считай, что я тебя предупредил.

В Совет Директоров уже поступали сигналы насчет твоих странностей. Нет, конечно, рвение на работе мы всячески приветствуем, но… — тут Флеминг красноречиво прищурился, — ты слишком далеко заходишь, Миллер.

— Да не будет у меня другого господина, кроме искусства, — торжественно произнес Миллер.

— Чего-чего?! Кроме кого-кого?

— Кроме искусства. Это слово из языка двадцатого века. — И Миллер оглядел собеседника с нескрываемым превосходством: — Вы просто крохотный винтик в огромной бюрократической машине. Функция безличного культурного сообщества. У вас нет собственных представлений о жизни. А в двадцатом веке у каждого человека

были представления о прекрасном. О том, как и что можно делать своими руками. Они испытывали гордость, видя то, что мастерили. А вам эти слова ничего не говорят. У вас даже души нет — а это, кстати, другое понятие из золотого века, каким был век двадцатый, когда люди были свободны и могли говорить то, что думают.

— Миллер, не забывайся! — Флеминг даже побледнел от испуга и понизил голос. — Чертовы ученые… Живете, уткнувшись в свои катушки с лентами, жизни ни черта не видите! Смотри, доболтаешься до того, что нас всех из-за тебя по головке не погладят! Ты можешь сколько угодно носиться со своим драгоценным двадцатым веком. Но помни — прошлое, оно и есть прошлое. Оно прошло.

Все, нет его, похоронили. Времена меняются. Общество прогрессирует! — И он нетерпеливо обвел рукой экспозицию. — Это всего лишь неумелая имитация того, что там на самом деле было!

— Ты что же, подвергаешь сомнению результаты моих исследований? — взорвался Миллер. — Здесь каждый экспонат абсолютно историчен! Я регулярно обновляю экспозицию — по мере получения новых данных! А я о двадцатом веке

знаю все!

Флеминг покачал головой и вздохнул:

— Бесполезно с тобой разговаривать.

И он развернулся и устало зашаркал к выходу с этажа, к эскалатору вниз.

Миллер степенно поправил воротник, подтянул узел яркого, вручную расписанного шелкового галстука. Огладил на себе синий полосатый костюм и умело разжег трубку с двухсотлетним табаком. И вернулся к своим катушкам.

Да что к нему этот Флеминг прицепился, в самом-то деле? Флеминг… Воплощение официоза, представитель строго иерархической структуры, которая опутала всю планету серой клейкой паутиной… они запустили свои лапы в каждое здание, в каждый дом! Заводы, профессиональные сообщества, даже семьи — никто от них не избавлен! Миллер остановил стример, прекратив скармливать ленту машине, и лицо его приобрело мечтательное выражение. Какое было время! Эпоха индивидуализма и мужественности! Да, тогда мужчины были настоящими мужчинами, не то что сейчас…

И вот именно в этот момент, когда он начал проникаться несказанной красотой исследуемого периода, послышались странные, необъяснимые

звуки. Они доносились от центра экспозиции, прямо из середины тщательно спланированного лабиринта экспонатов.

Кто-то забрался внутрь!

Он прекрасно слышал голоса — кто-то ходил среди интерьеров. Кто-то… или что-то. Так или иначе, этот непонятно кто сумел пролезть через барьер безопасности, отделявший экспонаты от публики. Миллер выключил стример и медленно поднялся на ноги. Его трясло с ног до головы, но он осторожно продвигался к экспозиции. Миллер отключил барьер и выбрался по лесенке на бетонную дорогу. Внизу, в проходе стояли посетители. Они удивленно заморгали при виде странно одетого человека, который пробирался среди всяких штук из двадцатого века — а потом и вовсе скрылся среди них.

Тяжело дыша, Миллер крался по «тротуару», затем свернул на тщательно выметенный и ухоженный гравий подъездной дорожки. Может, это кто-то из теоретиков, выдвиженец Совета Директоров? Рыскает тут в поисках компромата… Мало ли что тут можно нарыть… Где-то допущена оплошность, что-то неаккуратно смонтировано — и пошло-поехало. На лбу выступил пот, и гнев обернулся удушающим страхом. По правую

руку — клумба. Чайные розы, низенькая поросль фиалок. За клумбой — влажный зеленый газон. Вон белоснежный гараж, дверь наполовину опущена. За ней — обтекаемый силуэт «Бьюика» 1954 года. А вот и дом.

Надо быть осторожнее. Если это и впрямь кто-то из Совета Директоров, его поступок может быть истолкован как противодействие официальной иерархии. Может, это кто-то из начальства. Возможно, сам Эдвин Карнап, Президент Совета. Самый высокопоставленный чиновник нью-йоркского отделения Всемирного Директората. Миллера трясло, но он поднялся по трем цементным ступеням и взошел на крыльцо типичного дома двадцатого века, занимающего центр экспозиции.

Домик был милым и небольшим. Если б он жил в двадцатом веке, точно бы хотел поселиться в таком. Три спальни, одноэтажный, типичный калифорнийский проект. Он открыл входную дверь и вошел в гостиную. Камин у дальней стены. Темно-бордового цвета ковры. Диван, мягкое кресло. Низкий деревянный журнальный столик со стеклянной столешницей. Медные пепельницы. Зажигалка, стопка журналов. Торшеры — тоненькие, из пластика и металла. Стеллаж с книгами.

Телевизор. Венецианское окно, выходящее в сад. Миллер прокрался в коридор.

Интерьер дома выглядел на удивление цельным. Из напольного обогревателя струилось приятное тепло. Он заглянул в первую спальню. Комната принадлежала женщине — настоящий будуар. Шелковое покрывало на кровати. Накрахмаленные белоснежные простыни. Тяжелые занавески на окнах. Туалетный столик. Флакончик и бутылочки. Большое круглое зеркало. В приоткрытом шкафу видна одежда. На спинке кресла висит халат. Под креслом — шлепанцы. Нейлоновые чулки аккуратно разложены в изножье кровати.

Миллер прошел дальше по коридору и заглянул в соседнюю комнату. Яркие обои с клоунами и слонами и канатоходцами. Детская. Две кровати для двух мальчиков. Модели самолетов. Комод, на комоде радио, пара расчесок, учебники, флажки спортивных команд, знак «Парковка запрещена», фотографии, засунутые в рамку зеркала. Кляссер с марками.

И здесь никого.

Миллер заглянул в современную ванну, даже в душ, выложенный желтой плиткой. Он прошел через столовую, сунул нос на ведущую в

полуподвальный этаж лестницу — внизу стояли стиральная машина и сушилка. Открыл заднюю дверь и осмотрел участок за домом. Газон, мусоросжигатель. Пара низеньких деревьев, за ними трехмерная проекция других домов, уходящих к невероятно похожим на реальные голубоватым холмам. И опять — никого. На участке ни души. Он закрыл дверь и пошел обратно.

И тут с кухни донесся смех.

Женский смех. И звяканье ложек и тарелок. И запахи. Он прекрасно знал эпоху, однако ему понадобилось некоторое время, чтобы опознать их. Жареный бекон и кофе. И горячие оладушки. Кто-то завтракал. Причем завтрак был такой, как в двадцатом веке.

Он пробрался обратно в коридор, мимо спальни мужчины — на полу валялись разбросанные ботинки и одежда — к двери в кухню.

За столиком из пластика и хромированного металла сидели симпатичная женщина под сорок и два мальчика-подростка. Они уже закончили завтракать, и мальчишки нетерпеливо ерзали. В окно над мойкой просачивался солнечный свет. Электронные часы показывали полдевятого. В углу радостно чирикало радио. В середине стола стоял большой кофейник, а вокруг живописно

расположились пустые тарелки, стаканы с молоком и столовые приборы.

На женщине — белая блузка и твидовая юбка в клетку. На мальчишках — выцветшие голубые джинсы, толстовки и теннисные тапочки. Они его не заметили. Миллер застыл в дверном проеме, а женщина и дети все так же смеялись и болтали.

— Вы должны спросить разрешения у отца, — говорила женщина, пытаясь быть строгой, но едва не прыская со смеху. — Давайте его дождемся.

— А он уже разрешил! — запротестовал один из мальчиков.

— Ну тогда спроси его снова.

— Да он всегда по утрам такой ворчливый…

— Но не сегодня. Он хорошо выспался. Сенная лихорадка не беспокоила — доктор прописал ему новый антиаллергический препарат.

Она посмотрела на часы:

— Дон, иди взгляни, что он там делает. Так и на работу недолго опоздать.

— Он пошел газету искать. — Один из мальчиков отодвинул стул и встал. — Ее опять кинули мимо крыльца, и она свалилась в клумбу.

Мальчик развернулся к двери, и Миллер понял, что стоит и смотрит на них. И вдруг в голове

мелькнуло: а ведь у мальчика знакомое лицо! Черт, он ведь его знает… или знал? Словно смотришь на знакомца в юности… Он весь напрягся, ожидая, что мальчик врежется в него, но тот вовремя притормозил:

— Тьфу ты, — улыбнулся мальчик. — Ты меня испугал.

Женщина быстро взглянула на Миллера:

— Ты где застрял, Джордж! Иди кофе допивай!

Миллер медленно прошел в кухню. Женщина допивала кофе, оба мальчика уже вскочили и нетерпеливо обступили его.

— Ты же сказал, что на выходных я могу пойти с ребятами из школы в поход к Рашен-ривер! — заныл Дон. — Ты сказал, что я могу взять напрокат спальник в спортивном центре, потому что мой ты отдал Армии Спасения из-за аллергии на капок!

— Д-да, — неуверенно пробормотал Миллер.

Дон. Да, мальчика зовут Доном. А его брата — Тедом. Но откуда он это знает? Женщина встала из-за стола и принялась собирать грязную посуду в мойку.

— Они говорят, ты разрешил, — сказала она через плечо.

Тарелки звякали о стенки мойки, она побрыз-

гала их жидкостью для мытья посуды.

— Но вспомни, как они сказали, что ты им разрешил прокатиться на машине, а на самом деле ничего не разрешал!

Миллер обессиленно опустился на стул. И принялся растерянно крутить в руках трубку. Потом положил ее в медную пепельницу и внимательно оглядел рукав костюма. Что происходит? Голова закружилась. Он подскочил и бросился к окну над мойкой.

Дома. Улицы между домами. Холмы вдалеке. Люди ходят, разговаривают. Какой реалистичный трехмерный задник, однако… А если это не задник?! Вдруг… И вообще, *что происходит?*

— Джордж, что с тобой? — спросила Марджори, повязывая красный клеенчатый фартук. В раковину полилась горячая вода. — Ты бы вывел машину из гаража. На работу пора! Сам же вчера говорил, что старик Дэвидсон орал на всех, что, мол, на работу опаздывают, а потом у кулера с водой стоят и треплются в рабочее время…

Дэвидсон. Еще одно знакомое имя отозвалось эхом в голове Миллера. Тут же перед глазами возникла четкая картинка. Высокий седой старик, худой и сердитый. Из кармана жилетки свешивается цепочка от часов. А вот и офис — «Юнайтед-

Электроник». Поставки электрооборудования по всей стране. Двенадцатиэтажное здание в центре Сан-Франциско. В вестибюле киоск с газетами и сигарами. На улице сигналят машины. Парковки переполнены. В лифте толпятся секретарши — глазки горят, на девушках туго облегающие свитерки, в воздухе витает аромат духов.

Он поплелся прочь из кухни, через коридор, мимо своей спальни, мимо спальни жены — в гостиную. Входная дверь оказалась открытой, и он вышел на крыльцо.

Воздух встретил его холодом и свежестью. Ясное и погожее апрельское утро. На газоне еще не просохла роса. По Вирджиния-стрит ехали машины — к Шэттак-авеню. Ну да, движение плотное — утро, все на работу едут. На другой стороне улицы Эрл Келли приветственно помахал «Окленд-Трибьюн», направляясь к автобусной остановке.

Вдалеке Миллер прекрасно видел Бэй-Бридж, острова Йерба-Буэна и Треже. А за заливом расстилался Сан-Франциско. Через несколько минут он уже будет ехать по мосту на своем «Бьюике» на работу. Точно так же, как тысячи других бизнесменов в полосатых костюмах.

Тед протолкнулся мимо и тоже вылез на крыль-

цо.

— Ну так что? Можно нам в поход, а?

Миллер облизнул разом высохшие губы.

— Тед, ты… вот что. Тебе ничего странным не кажется?

— Что именно?

— Ну… не знаю. — И Миллер обеспокоенно затоптался. — Сегодня пятница, правильно?

— Ну да.

— Вот и я так думал.

Но как и откуда он знал, что сегодня пятница? Как он вообще что-то знает про эту реальность? Хотя, конечно, сегодня пятница, что же еще. И неделя выдалась тяжелой — старик Дэвидсон подгонял всех и очень сердился. Особенно в среду, когда из-за забастовки не сумели вовремя доставить заказ для «Дженерал-Электрик».

— Я вот что хочу спросить, — сказал Миллер сыну. — Этим утром… в общем, я ведь вышел из кухни за газетой?

Тед покивал:

— Ну да. А что?

— Я встал и вышел из кухни. *Сколько времени я отсутствовал?* Недолго ведь, правда?

Он судорожно искал нужные слова, но в голове, как в лабиринте, бродили разрозненные мысли.

— Я сидел с вами за столом и завтракал, а потом встал и пошел искать газету. Правильно? А потом пришел назад. Правильно?

Жуть какая, ничего не понятно! В отчаянии он почти прокричал:

— Сегодня утром я проснулся, побрился и оделся. Позавтракал. Оладьями и кофе. И беконом. Да или нет?!

— Все правильно, — охотно согласился Тед. — И чего?

— Все как всегда, правда?

— Ну, разве что мама оладушки печет только по пятницам.

Миллер медленно кивнул:

— Точно. Оладьи по пятницам. Потому что твой дядя Фрэнк завтракает с нами по выходным и он терпеть не может оладьи, и потому мы их не печем по субботам и воскресеньям. Фрэнк — брат Марджори. Он служил в морской пехоте в Первую мировую войну. В капральском чине.

— Ну все, пока, — сказал Тед — Дон тоже вышел на крыльцо. — До вечера, пап.

Зажав под мышкой учебники, мальчишки рванули к огромному современному зданию старшей школы в центре Беркли.

Миллер снова зашел в дом и принялся маши-

нально рыться в шкафу — где же «дипломат»? Черт, вот так всегда, когда он нужен… там же все документы по заказу Трок-мортона. Дэвидсон голову ему оторвет, если «дипломат» где-то потерялся — как в прошлый раз, когда они отмечали в «Трю-Блю» победу «Янкиз» в серии. Да где же, черт побери, этот чертов чемодан?

И тут он вспомнил и очень медленно выпрямился. Конечно. Он оставил его у письменного стола. Он бросил его там — вынул ленты с данными исследования и оставил «дипломат» на столе. Там он и лежал, пока они разговаривали с Флемингом. В Агентстве по делам истории.

Он вышел на кухню и подошел к жене.

— Знаешь, Марджори, — хрипло выдавил он. — Я, пожалуй, сегодня с утра в офис не поеду.

Марджори резко обернулась — встревожилась:

— Джордж, что-то случилось?

— Я… что-то я совсем запутался.

— Опять сенная лихорадка?

— Нет. Дело… в памяти. Помнишь, родительский комитет порекомендовал миссис Бентли психиатра? После того, как у ее мальчика случился припадок? — И он принялся рыться в своей разворошенной памяти. — Грюнберг, вот. Принимает в здании «Медикал-Дентал».

И он пошел к двери.

— Я к нему поеду. Что-то… не так. Плохо все, одним словом. И я не знаю, что со мной.

Адам Грюнберг оказался крупным мужчиной под пятьдесят, с курчавыми темными волосами и в роговых очках. Миллер закончил рассказывать, Грюнберг прокашлялся, снял пылинку с рукава своего костюма от «Брукс-Бразерз» и задумчиво спросил:

— А вы не припомните, может, пока вы искали газету, что-то случилось? Мало ли, несчастный случай или что-то в этом роде. Давайте попробуем вспомнить все — в деталях, ничего не упуская. Вот вы встали из-за стола, вышли на крыльцо. И принялись искать газету в кустах. А потом?

Миллер растерянно потер лоб:

— Не знаю. У меня все в голове перепуталось. Я не помню, как искал газету. Я помню, как вернулся в дом. После этого все понятно и ясно. А вот до этого я помню только Агентство по делам истории и ссору с Флемингом.

— А что там за разговор у вас был по поводу «дипломата»? Попытайтесь снова припомнить.

— Флеминг сказал, что он похож на сплющенную ящерицу из юрского периода. А я сказал…

— Нет. Я имею в виду другой момент — как вы

искали его в стенном шкафу и не нашли.

— Я искал его — и не нашел. Естественно. Потому что «дипломат» остался на моем столе в Агентстве по делам истории. На этаже Двадцатого века. Рядом с экспонатами.

Лицо Миллера страдальчески сморщилось.

— О боже, Грюнберг… А что, если все это — только *выставка?* Экспозиция, а не настоящая жизнь! И вы тоже нереальны. Вдруг мы с вами — экспонаты?!

— Ну это было бы весьма неприятной новостью, правда? — отозвался Грюнберг со слабой улыбкой.

— Во сне люди не отличают сон от яви — пока не проснутся, — отрезал Миллер.

— Значит, я вам снюсь, — успокаивающе проговорил Грюнберг. — Кстати, спасибо вам за это.

— А я здесь не потому, что вы мне нравитесь! Я здесь потому, что я терпеть не могу Флеминга и Агентство в целом!

Грюнберг не отступился:

— Хорошо, вот Флеминг. Вы не припоминаете — думали вы о нем до того, как пошли искать газету?

Миллер поднялся на ноги, принялся расхаживать по роскошному кабинету в проходе между

огромным столом орехового дерева и кожаными креслами.

— Я должен сказать себе правду. Я — экспонат. Точная копия предмета из прошлого. Флеминг что-то такое говорил — мол, такое со мной когда-нибудь обязательно приключится…

— Сядьте, мистер Миллер, — сказал Грюнберг — мягко, но весьма решительно.

Миллер покорно опустился в кресло, и Грюнберг продолжил:

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Вам кажется, что вокруг вас все не настоящее. Что-то вроде постановки в театре.

— Нет. Что-то вроде экспозиции на выставке.

— Да, экспозиция в музее.

— В Агентстве по делам истории Н'Йорка. Уровень Р, уровень Двадцатого века.

— И в дополнение к этому общему ощущению… мгм… бесплотности, вас посещают отчетливые воспоминания, принадлежащие людям не из нашего мира. Из другой реальности, внутри которой заключена наша. Точнее, реальности, внутри которой наш мир подобен… сновидению. Игре теней.

— Этот мир вовсе не похож на игру теней. — И Миллер свирепо треснул по кожаному подлокот-

нику. — Этот мир совершенно реален. Вот что меня беспокоит! Я прошел внутрь экспозиции, чтобы понять, кто там шумит, и теперь не могу выбраться обратно! Господи, неужели мне теперь бродить среди экспонатов до конца жизни?

— Ну вы же понимаете, что подобные ощущения так или иначе испытывают все люди. Особенно в тяжелые жизненные периоды. А где — кстати — газета? Вы ее нашли?

— А что такого? При чем тут…

— Вас злит упоминание о ней? Я смотрю, вы раздражены.

Миллер устало покачал головой:

— Нет. Оставим это.

— Ну конечно, ведь это пустяковое дело. Мальчишка-разносчик забрасывает газету в кусты, потому что каждый раз промахивается мимо крыльца. Это вас злит. И повторяется — снова и снова. И, как назло, происходит все это ранним утром, как раз когда вы собираетесь на работу. И в результате крохотная проблема вырастает в символ ежедневно испытываемой фрустрации и неудовлетворенности работой. Да и жизнью в целом.

— Вот если честно, мне плевать на газету. — Миллер посмотрел на часы. — Мне пора идти —

уже почти двенадцать. Старик Дэвидсон голову мне оторвет, если я не появлюсь в офисе к… — Тут он осекся. — Вот. Опять. Опять!

— Что именно?

— Это! Все это! — Миллер отчаянно затыкал пальцем в окно. — Все это! Весь этот чертов мир! Эта… *выставка!*

— У меня есть для вас рекомендация, — медленно проговорил доктор Грюнберг. — И я ее выскажу вам — а вы вольны принимать ее или нет. Если не понравится — не следуйте ей.

И он поднял на Миллера хитрый взгляд настоящего профессионала:

— Вы видели, как дети играют с пластмассовыми космическими кораблями?

— О боже, — горько пробормотал Миллер. — Да я видел, как в Ла-Гуардия приземляются и взлетают торговые космические суда, перевозящие грузы с Земли на Юпитер!

Грюнберг слабо улыбнулся:

— Пожалуйста, не отвлекайтесь. Я хочу задать вам вопрос. У вас напряженная ситуация на работе?

— В смысле?

— Было бы замечательно, — мягко сказал Грюнберг, — жить в прекрасном мире будуще-

го. В котором всю работу за нас делают роботы, а космические корабли перевозят грузы. А мы просто сидим и наслаждаемся жизнью. Ни о чем не волнуемся, ни о чем не заботимся. И никакой неудовлетворенности не испытываем.

— Моя должность в Агентстве по делам истории предполагает массу волнений. И я то и дело испытываю неудовлетворенность, чтобы вы знали. — И Миллер резко поднялся. — Послушайте, Грюнберг. Либо все это выставка на уровне Р в Агенстве, либо я бизнесмен средней руки, провалившийся в собственный фантазийный мир. И на данный момент я не понимаю, где я и кто я. То мне кажется, что все это — реальность, то…

— А мы можем легко разрешить ваши сомнения, — сказал Грюнберг.

— Как?

— Вы же искали газету. Вот вы идете по дорожке. Выходите на газон. *Так где лежала газета?* На дорожке? На крыльце? Попробуйте вспомнить.

— А мне не нужно ничего вспоминать. Я стоял на мостовой. На дороге. Я только что перепрыгнул через ограждение, отключив защитные экраны.

— На дороге. Вот и вернитесь в тот миг. И в то самое место.

— Зачем?

— Чтобы вы могли осознать сами: на той стороне ничего нет!

Миллер сделал глубокий медленный вдох:

— А если все-таки есть?

— Нет, там нет ничего. И быть не может. Вы же сами сказали: либо этот мир реален — либо тот. А этот мир — реален. — И Грюнберг убедительно постучал по массивной ореховой столешнице. — Эрго, на другой стороне нет ничего.

— Да, — отозвался Миллер после минутного молчания. И тут на его лице отобразилось некое странное выражение — и там осталось. — А вы, доктор, обнаружили ошибку в моих рассуждениях.

— Ошибку? — удивился Грюнберг. — Какую?

Миллер пошел к двери:

— Да, так и есть. Я задавался ложными вопросами. Пытаясь понять, какой из миров реален. — И он развернулся и грустно улыбнулся доктору Грюнбергу. — А они, естественно, оба реальны.

Он подозвал такси и поехал домой. Дома никого не было. Мальчики в школе, Марджори уехала в центр города за покупками. Он дождался, когда улица опустеет, а потом вышел из дома и пошел по дорожке к мостовой.

Миллер нашел то самое место сразу. Воздух

пошел волной, заблестел — вот оно. Слабое место в ткани реальности прямо над линией парковочной разметки. Сквозь смутное пятно проступали контуры предметов.

А ведь он прав. Вот он, другой мир — вполне себе существующий. Реальный, как мостовая под ним.

Пятно перечеркивала длинная металлическая трубка. Ну да, это же ограждение, которое он перепрыгнул, чтобы пройти внутрь экспозиции. А за ней — защитный экран. Выключенный, понятное дело. А за ним — остальное пространство уровня и внешние стены здания Агентства.

Миллер осторожно вступил в едва заметное марево. И сразу погрузился в блесткую туманную непрозрачную субстанцию. Контуры предметов за маревом обозначились яснее. А вот кто-то идет — в темно-синем комбинезоне. Какие-то любопытные посетители осматривают выставку. Человек в комбинезоне прошел и скрылся из поля зрения. А вот и его стол. Стример, рядом стопка катушек. А у стола — да, у стола лежит чемоданчик. Точно, там-то он его и оставил.

А пока он стоял и думал, не сходить ли за чемоданчиком, появился Флеминг.

По какому-то наитию Миллер отступил через

слабое место. Флеминг подходил все ближе, и лицо у него было крайне неприятное. Так или иначе, Миллер уже твердо стоял на бетонной мостовой. Флеминг остановился прямо перед местом перехода — красное лицо кривилось от возмущения.

— Миллер, — мрачно выдавил он. — А ну вылезай оттуда.

Миллер рассмеялся:

— Флеминг, будь другом, подкинь мне чемоданчик. Во-он ту вон странную штуку, которая на столе лежит. Я его тебе показывал — помнишь?

— А ты прекрати дурачиться и слушай! — рявкнул Флеминг. — Дело серьезное. *Карнап в курсе.* Мне пришлось его проинформировать.

— Ну ты же у нас молодец. Начальство любишь и уважаешь.

Миллер наклонился, чтобы раскурить трубку. Вдохнул и выпустил большое облачко табачного дыма — через слабое место, на Р-уровень. Флеминг закашлялся и попятился.

— Это что еще такое? — требовательно вопросил он.

— Табак. Здесь такого полно. Часто встречающаяся штука в двадцатом веке. Ты о таком и не слыхал небось, — ты же вторым веком до Р.Х.

занимаешься, периодом эллинизма. Не знаю, понравится ли тебе там. С канализацией, знаешь ли, проблемки были. Да и продолжительность жизни тоже оставляла желать лучшего. Коротковатая была, знаешь ли.

— Ты о чем?

— А вот в эпоху, которой занимаюсь я, продолжительность жизни как раз весьма приличная. Жаль, ты не можешь увидеть мою ванную. Желтая плитка, представляешь? Душ! У нас в комнатах отдыха при Агентстве нет ничего подобного.

Флеминг скривился и кисло пробурчал:

— В общем, ты оттуда вылезать не хочешь.

— Здесь совсем не плохо, — беззаботно проговорил Миллер. — А мой уровень жизни получше, чем у многих. Вот послушай: у меня есть очень симпатичная жена. Брак не просто разрешен, он поощряется! У меня двое детей — мальчиков, и они на выходных отправляются в поход на Рашн-ривер. И они живут со мной и моей женой — их не забрали! У государства нет таких полномочий. А еще у меня новый «Бьюик»…

— Бред, — сказал, как сплюнул, Флеминг. — Галлюцинаторный бред.

— А ты уверен?

— Да ты вконец рехнулся! Я всегда знал, что ты

эскапист и боишься реального мира! Посмотри на себя — ты прячешься от жизни за своими старинными штучками! Я, например, жалею, что стал теоретиком. Надо было в инженеры идти… — И Флеминг презрительно скривил губы. — Ты сошел с ума, вот что. Даже не понимаешь, что стоишь посреди искусственно возведенной экспозиции, которая находится в собственности Агентства по делам истории. Что все это — не более чем набор из пластика и металлических штыречков! Копии старинных вещей, но не они сами! А тебе, видите ли, там больше нравится, чем в реальном мире.

— Странно, — задумчиво проговорил Миллер. — Сдается мне, что я слышал подобное — причем сегодня. Вы ведь не знакомы с доктором Грюнбергом, правда? Он психиатр.

Директор Карнап вступил в зал, не соблюдая протокола и формальностей. Его сопровождала обычная свита из помощников и экспертов. Флеминг быстренько ретировался. Миллер понял, что стоит лицом к лицу с одним из самых влиятельных людей двадцать второго века. Ухмыльнулся и протянул руку для рукопожатия.

— Ты! Идиот! Придурок! — прорычал Карнап. — А ну вылезай оттуда — а то силком выволочем!

Учти — не вылезешь сам, считай, конец тебе. Ты знаешь, что делают с личностями с запущенными формами психоза? Слышишь меня или нет? Тебе эвтаназия светит! Даю тебе последний шанс вылезти из этой дурацкой экспозиции…

— Прошу прощения, — сказал Миллер, — но это не экспозиция.

На грубом широком лице Карнапа проступило неподдельное удивление. Настолько сильное, что начальство на мгновение перестало выглядеть как массивный памятник самому себе.

— Ты что же, и вправду считаешь, что…

— Это портал. Для перемещений во времени, — спокойно проговорил Миллер. — Вы не можете меня отсюда вытащить, Карнап. Потому что не сможете до меня добраться. Я в прошлом — далеком прошлом, меня отделяют от вас двести лет. Я нахожусь в континууме, отстоящем от вашего по временной шкале. Я обнаружил путь перехода и перешел в другой пространственно-временной континуум. И здесь вы совершенно бессильны.

Карнап с экспертами сбились в тесную кучку для того, чтобы быстро обсудить технические детали. Миллер терпеливо ждал. Времени было полно — он ведь решил, что в офис поедет только в понедельник.

Через некоторое время Карнап снова подошел к месту перехода — от ограждения он предусмотрительно держался подальше.

— Интересная у тебя теория, Миллер. Характерная для страдающих психозом личностей, кстати: вы подводите прекрасную логическую базу под галлюцинации. Априори к твоей теории невозможно придраться. Она внутренне непротиворечива. Вот только…

— Вот только что?

— Вот только она не соответствует действительности.

К Карнапу вернулась его уверенность в себе. Похоже, он наслаждался диалогом.

— Ты думаешь, что и в самом деле оказался в прошлом. Да, экспозиция точно передает его атмосферу — причем в мельчайших деталях. Такого ни в одной другой экспозиции нет. Прекрасная работа, Миллер.

— Я старался, — польщенно пробормотал он.

— Ты носил старинные костюмы и даже в речи употреблял старинные обороты. Ты сделал все, чтобы остаться в своем ненаглядном прошлом. Полностью посвятил себя работе.

И Карнап со значительным видом постучал ногтем по ограждению.

— Жаль, Миллер. Очень жаль будет разбирать столь аккуратно собранную экспозицию.

— Я понял, что вы хотите сказать, — подумав, отозвался Миллер. — И я полностью с вами согласен. Я горжусь тем, что сделал, — и мне будет и вправду больно видеть, как уничтожат плоды моих трудов. Но это не принесет вам никакой пользы. Вы просто закроете портал перехода, вот и все.

— Ты уверен?

— Ну да. Эта экспозиция — мост, соединяющий нас с прошлым. Я прошел по этому мосту через экспозицию, но я сейчас не в ней. Я не в экспозиции, понимаете меня, нет?

И Миллер напряженно улыбнулся.

— Разбирайте ее сколько хотите — до меня вам не добраться. Но если так хочется — пожалуйста, запечатайте меня в том времени. Я обратно не рвусь, чтоб вы знали. Жаль, что вы не можете увидеть то, что я вижу, Карнап. Здесь очень хорошо. Свобода. Перспективы. Ограниченное в своих полномочиях правительство, подотчетное народу. Если не нравится работа — всегда можно ее сменить. И эвтаназии нет. Идите ко мне, Карнап. Я вас познакомлю с женой.

— Мы до тебя доберемся, — прорычал Кар-

нап. — И тебя выволочем, и с бредовыми твоими идеями разберемся!

— Вот уж не думаю, что «бредовые идеи» испугаются ваших угроз. Грюнберг не испугался, во всяком случае. Да и Марджори…

— Мы уже начали разбирать экспозицию! — спокойно сказал Карнап. — Мы будем делать это постепенно — вещь за вещью. Не станем ломать все сразу. Будем разбирать медленно — чтобы ты оценил, насколько исследовательски скрупулезно и — *артистично* мы демонтируем твой воображаемый мир.

— Вы зря теряете время, — сказал Миллер.

Повернулся и пошел прочь, сошел на гравиевую подъездную дорожку и поднялся на крыльцо дома. В гостиной он плюхнулся в мягкое кресло и включил телевизор. Потом вышел на кухню и вытащил из холодильника ледяную банку пива. И радостно понес ее обратно — в безопасную и уютную гостиную.

А когда усаживался перед телевизором, вдруг увидел что-то такое свернутое на низеньком журнальном столике.

Он криво усмехнулся. Да вот же она, утренняя газета, которую он обыскался. Марджори, как всегда, прихватила ее и занесла в дом — вместе

с молоком. И, конечно, забыла ему об этом сказать. Он довольно зевнул и потянулся к газете. Довольный и уверенный, он развернул ее — и прочел набранный крупными черными буквами заголовок.

Россия официально объявила о создании кобальтовой бомбы. Конец света не за горами.

Человек

Название рассказа: Человек (Human Is)

Название эпизода сериала: Человек (Human Is)

Рассказ впервые издан в зимнем выпуске журнала Startling Stories за 1955 год

В голубых глазах Джилл Херрик стояли слезы. Она уставилась на мужа и, едва живая от ужаса, простонала:

— Ты… Да ты просто чудовище!

Лестер Херрик продолжал раскладывать кипы отчетов и графиков в аккуратные стопки.

— «Чудовище» — это оценочное суждение, не содержащее фактической информации, — заявил он и загрузил пленку с отчетом по центаврианским паразитам в настольный сканер. — Всего лишь мнение, эмоциональная оценка — ничего более.

Джилл поплелась обратно на кухню. Вялым жестом включила плиту. За стеной загудели транспортеры — поволокли из подземных хранилищ продукты к ужину.

Она сделала последнюю попытку.

— А если совсем ненадолго? — взмолилась

Джилл. — Хотя бы…

— Хотя бы на месяц? Нет. Приедет — скажешь ему. А не хватит смелости, я сам скажу. И так работы много — детей мне здесь еще не хватало. Отчет по Бетельгейзе-Одиннадцать сдавать через десять дней. — Лестер опустил в сканер пленку по окаменелостям Фомальгаута. — А твой брат что? Почему он не занимается собственным сыном?

Джилл вытерла покрасневшие глаза.

— Ты что, не понимаешь? Я так скучаю по Гасу! Это я упросила Фрэнка его отпустить. А ты…

— Скорее бы мальчик подрос — уж правительство о нем позаботится. — Тонкие черты Лестера исказила раздраженная гримаса. — Черт возьми, Джилл, когда будет ужин? У нас что-то с плитой?

— Почти готово. — Огонек на печи горел красным.

Робот-слуга выкатился из стены и замер в ожидании.

Джилл села и воинственно прочистила носик. Лестер невозмутимо трудился в гостиной. Работа. Исследование. День за днем. Продвигается замечательно — тут уж сомнений нет. Худощавое тело Лестера пружиной согнулось над экраном сканера, а холодные серые глаза лихорадочно впитывали информацию, анализировали ее, оце-

нивали… Весь его когнитивный аппарат работал как хорошо смазанный механизм.

Губы Джилл задрожали от жестокой обиды. Гас… Малыш Гас. Ему-то как скажешь? Слезы снова выступили в уголках глаз. Она больше никогда не увидит его милые пухлые щечки. Гасу к ним больше нельзя — детская возня и смех мешают Лестеру. Тормозят ход исследования.

Индикатор на печи позеленел. Поднос выскользнул прямо в руки робота, и мелодичный звон возвестил, что ужин готов.

— Слышу, — буркнул Лестер. Он резко выключил сканер и поднялся. — Наверное, он явится во время еды.

— Я могу вызвать Фрэнка по видео…

— Нет уж. Сразу с этим и покончим. — Лестер нетерпеливо мотнул головой, указывая слуге: — Ставь сюда, — и раздраженно поджал губы. — Черт, да пошевеливайся же ты! Мне работать надо!

Джилл чуть не расплакалась.

Малыш Гас появился к самому концу ужина.

— Гасси! — радостно воскликнула Джилл и кинулась к нему с распростертыми объятиями. — Как здорово, что ты приехал!

— Осторожно, у меня тигр, — сообщил Гас, вы-

пуская на ковер серого котенка, который тут же юркнул под диван. — Это он прячется.

Лестер моргнул и перевел взгляд с мальчика на торчащий из-под дивана кончик серого хвоста.

— Какой же это тигр? Просто уличный кот.

Гас был задет за живое.

— Тигр. У него полоски, — сердито ответил он.

— Тигры желтые, и они гораздо больше. Привыкай называть предметы их настоящими именами.

— Лестер, прошу тебя… — взмолилась Джилл.

— Помолчи, — сердито бросил муж. — Гас уже достаточно взрослый, чтобы отбросить детские иллюзии и трезво воспринимать реальность. Куда смотрят психотестеры? Почему не корректируют всю эту детскую чушь?

Гас схватил своего «тигра».

— Не тронь его!

Лестер разглядывал котенка, и на его губах играла странная холодная улыбка.

— Давай как-нибудь съездим в лабораторию, Гас. Там у нас много кошек — на них проводят исследования. На кошках, на морских свинках, на кроликах…

— Лестер! — ахнула Джилл. — Да как ты можешь!

Тот визгливо рассмеялся, вскочил из-за стола и вернулся к работе.

— Все, идите отсюда. Мне нужно закончить отчеты. Не забудь сказать Гасу.

Гас встрепенулся.

— Что сказать? — Щеки его раскраснелись, глаза заблестели. — Что, что сказать? Секрет?

Сердце Джилл обливалось кровью. Она решительно обняла мальчика за плечи.

— Пойдем, Гас, посидим в саду, и я все тебе расскажу. Да, и вот что… Захвати тигра.

Что-то щелкнуло. Загорелся экран срочной видеосвязи. Лестер тут же вскочил.

— Тишина! — Тяжело дыша, он бросился к передатчику. — Всем молчать!

Джилл с Гасом замерли в дверях. Секретная депеша выползала из отверстия в приемный лоток. Лестер схватил ее, вскрыл и впился глазами в сообщение.

— Что там? — спросила Джилл. — Какие-то неприятности?

— Неприятности? — Лестер так и сиял. — Вовсе нет. — Он бросил взгляд на часы. — Время, время… Так, мне понадобится…

— Что случилось?

— Я уезжаю недели на две-три. Съемка местно-

сти на Рексоре-Четыре.

— Рексор-Четыре? — Джилл восхищенно захлопала в ладоши. — Всегда мечтала попасть на какую-нибудь из старых планет, посмотреть руины древних городов! Лестер, а можно мне с тобой? Возьми меня! Мы никогда вместе не отдыхали, ты вечно обещаешь…

Лестер Херрик пораженно уставился на жену.

— Тебя? Взять тебя? — Он противно рассмеялся. — Пошевеливайся, собери мои вещи. Я так долго этого ждал. — Лестер довольно потер руки. — Мальчишка может остаться — но только до моего возвращения. Рексор-Четыре! Поверить не могу!

— Смирись с этим, — сказал Фрэнк. — Он же ученый.

— Плевать, — ответила Джилл. — Я от него ухожу. Сразу, как только вернется с Рексора-Четыре. Решено.

Они сидели на лужайке крошечного садика. Брат молчал, погрузившись в раздумье и вытянув ноги перед собой.

— Что ж, в таком случае сможешь опять выйти замуж. Ты ведь еще считаешься способной к деторождению?

Джилл кивнула:

— Еще бы. У меня-то по этой части все нормально. Может, найду кого-нибудь, кто любит детей.

— Ты много думаешь о детях, — заметил Фрэнк, — и Гасу у тебя нравится. А вот Лестера он не любит. Лес его прямо изводит.

— Знаю. Неделю он в отъезде, и это просто рай какой-то. — Джилл, очаровательно покраснев, пригладила свои мягкие светлые волосы. — Так весело. Я будто ожила.

— Когда он вернется?

— Вот-вот. В любой момент. — Джилл сжала кулачки. — Мы женаты пять лет, и с каждым годом все хуже и хуже. Он… он словно не человек. Вечно холодный, безжалостный. С утра до ночи — только работа.

— Лес честолюбив, он рвется к вершине. — Фрэнк лениво закурил. — Карьерист. И ведь прорвется… Чем он занимается?

— Токсикологией. Разрабатывает для военных новые яды. Это он придумал распылять на Каллисто раствор негашеной извести и медного купороса.

— Узкая область. Взять вот меня. — Фрэнк расслабленно прислонился к стене. — Специалистов по межпланетному праву — тысячи. Сколько ни трудись, о тебе и не вспомнят. Я просто живу,

работаю — и хорошо. Мне много не надо.

— Вот бы и Лестер так же.

— Вдруг он изменится?

— Он — никогда! — зло бросила Джилл. — Теперь-то я в этом не сомневаюсь, потому и решила твердо — ухожу. Он останется таким до самой смерти.

С Рексора-четыре Лестер Херрик вернулся другим человеком. Сияя от радости, он протянул роботу свой чемодан с антигравом.

— Благодарю.

Джилл так и ахнула.

— Лес! Ты что…

Лестер с легким кивком снял шляпу.

— Привет, дорогая. Отлично выглядишь. А глаза… Они у тебя синие-синие — так и сверкают, словно заповедное озеро, куда сбегают горные ручьи. — Он принюхался. — Что за запах? Неужели меня ждет дивное угощение?

— Лестер… — Джилл недоверчиво зажмурилась. В ее груди разгорался робкий огонек надежды. — Лестер, что с тобой? Ты… ты так изменился.

— Разве? — удивился Лестер. Теперь он бродил по дому, время от времени восхищенно ахая: — До чего милый домик! Такой уютный. Ты даже

не представляешь, как здесь здорово! Честное слово.

— Поверить не могу, — отозвалась Джилл.

— Во что?

— В то, что ты это серьезно. Что ты так изменился. Что раньше ты был другим.

— И каким же?

— Злым. Злым и жестоким.

— Я? — Лестер нахмурился, потирая подбородок. — Интересно... — Тут его лицо просветлело. — Ну, это все в прошлом. А что на ужин? Умираю от голода.

Отправляясь на кухню, Джилл бросила на мужа неуверенный взгляд.

— Да все что хочешь. Ты же знаешь, у нас плита с самым полным выбором блюд.

— Да-да, — тут же отозвался Лестер. — Быть может, попробуем говяжье филе средней прожарки с луковыми кольцами и грибным соусом? И горячий кофе со свежими булочками. А на десерт — мороженое и яблочный пирог.

— А ведь раньше тебе было все равно, что есть, — задумчиво произнесла Джилл.

— Правда?

— Ты говорил: скорей бы ввели всеобщее внутривенное питание. — Она внимательно смотрела

на мужа. — Лестер, что произошло?

— Ничего. Честное слово. — Он небрежно схватил трубку и разжег ее — быстро, но как-то неуклюже. Табак просыпался на ковер, и Лестер стремительно нагнулся его собрать. — Пожалуйста, не обращай на меня внимания. Давай я помогу тебе готовить или… или еще что-нибудь сделаю?

— Не надо, — ответила Джилл. — Я справлюсь. Если хочешь, пока поработай.

— Поработай?

— Ну да. Над своим исследованием про токсины.

— Про токсины! — Лестер выглядел озадаченным. — Бога ради… Токсины… Да черт бы их побрал!

— Что-что, милый?

— Слушай, я что-то устал. Потом поработаю. — Лестер бесцельно бродил по комнате. — Посижука я просто и порадуюсь, что вернулся домой с этого жуткого Рексора-Четыре.

— Он правда жуткий?

— Просто мрак. — Лестера передернуло от отвращения. — Сухой и мертвый. Древний. Выбеленный солнцем и ветром до самых костей. Страшное место, милая.

— Как жаль. А я так хотела слетать на Рексор-Четыре.

— Боже упаси, — с чувством воскликнул Лестер. — Нет, милая, оставайся здесь, со мной. Будем жить вдвоем. — Муж пошарил глазами по комнате. — Да, вдвоем. Терра — восхитительная планета. Влажная, так и кишит жизнью. — Он просто сиял. — То, что нужно.

— Я не понимаю, — сказала Джилл.

— Расскажи-ка все, что помнишь, — попросил Фрэнк. Его робокарандаш замер в боевой готовности. — Про все перемены, которые заметила. Очень интересно.

— Но зачем?

— Просто так. Давай. Говоришь, ты сразу что-то почувствовала? Поняла, что он изменился?

— Да, сразу заметила. Выражение лица. Не жесткое, деловое, как раньше, — а такое милое… Расслабленное. Доброе. Спокойное какое-то…

— Ясно. Дальше.

Джилл нервно заглянула в дом через открытую дверь.

— Он же нас не услышит?

— Нет, он в гостиной, играет с Гасом. Сегодня они венерианские люди-выдры. Лес устроил в лаборатории настоящую горку — чтобы, как выдры,

скатываться на брюхе. Я сам видел.

— Его речь.

— Что?

— То, как он говорит. Какие слова выбирает. Раньше он ни за что бы так не сказал. Новые фразы. Метафоры. Мы пять лет живем вместе, и он никогда не употреблял метафор. Говорил, что они неточные, искажают смысл. И еще…

— Еще — что? — Карандаш деловито поскрипывал.

— Еще слова — они странные. Старые. Так сейчас не говорят.

— Архаичная фразеология? — настороженно переспросил Фрэнк.

— Да. — Джилл мерила шагами крошечную лужайку, засунув руки в карманы синтетических шорт. — И еще очень правильные. Как будто…

— Как будто из книжки?

— Точно! Ты тоже замечал?

— Да уж, замечал, — мрачно подтвердил Фрэнк. — Давай дальше.

Джилл замерла.

— Что у тебя на уме? Есть какое-то объяснение?

— Нужно больше фактов.

Она задумалась.

— Он играет с Гасом. Играет, шутит. А еще он ест.

— Раньше не ел?

— Как сейчас — нет. Теперь для него еда — в радость. Сам заходит на кухню, пробует то одно, то другое. Его не оттащить от плиты — вечно готовит всякие хитрые блюда.

— Мне показалось, он прибавил в весе.

— Набрал десять фунтов. Ест с улыбкой, смеется. Всегда вежливый… — Джилл застенчиво отвела глаза. — Не просто вежливый — романтичный. А раньше утверждал, что это иррационально. И работой своей больше не интересуется. Забросил исследование токсинов.

— Понятно. — Фрэнк закусил губу. — Еще что-нибудь?

— Одна вещь никак не дает мне покоя.

— Что за вещь?

— У него какие-то странные провалы…

Ее прервал громовой хохот. Из дома вылетел совершенно счастливый Лестер Херрик, а за ним по пятам — Гас.

— У нас важное объявление! — крикнул Лестер.

— Об-лив-ление, — вторил ему Гас.

Фрэнк сложил свои заметки и сунул в карман.

Туда же прыгнул и карандаш.

— Что за объявление? — спросил он, медленно поднимаясь.

— Давай ты.

Лестер взял Гаса за руку и подвел поближе.

Пухлое краснощекое личико серьезно нахмурилось.

— Я буду жить у вас, — заявил мальчик, озабоченно следя за выражением лица Джилл. — Лестер сказал, можно. Так можно? Можно, тетя Джилл?

Сердце от радости чуть не выпрыгнуло у нее из груди. Джилл посмотрела на Гаса, потом на Лестера.

— Ты… Ты правда не против? — спросила она еле слышно.

Лестер крепко обнял ее и тихо сказал:

— Конечно.

В его глазах она видела теплоту и сочувствие.

— Милая, мы бы ни за что не стали шутить такими вещами.

— Не станем шутить такими вещами! — радостно воскликнул Гас. — Ни за что!

Они втроем стояли совсем близко, Фрэнк же, с мрачным видом, — чуть в стороне. Заметив это, Джилл тут же бросилась к нему.

— Что такое? — пролепетала она. — Что-то не…

— Когда закончите, — обратился он к Лестеру Херрику, — тебе придется проехать со мной.

Словно ледяная рука стиснула сердце Джилл.

— В чем дело? Я тоже поеду?

Фрэнк покачал головой и с угрожающим видом двинулся к Лестеру.

— Все, Херрик, хватит. Пришло нам с тобой время прокатиться.

Трое агентов замерли рядом с Херриком, напряженно сжимая виброружья.

Дуглас, директор Федерального межпланетного агентства, долго разглядывал Лестера.

— Ты уверен? — наконец спросил он.

— Абсолютно, — заявил Фрэнк.

— Когда он вернулся с Рексора-Четыре?

— Неделю назад.

— Изменения были очевидны?

— Жена заметила сразу. Все произошло на Рексоре — тут сомнений нет. — Фрэнк многозначительно помолчал. — И вы понимаете, что это значит.

— Понимаю.

Дуглас медленно обошел сидящего мужчину, рассматривая его со всех сторон.

Лестер Херрик молчал. Аккуратно сложенное

пальто лежало у него на коленях. Бесстрастное лицо выражало полное безразличие, а руки расслабленно покоились на кремовом набалдашнике трости. Он был одет в серый мягкий костюм с галстуком в тон, рубашку с запонками и начищенные до блеска черные туфли. До сих пор Лестер не проронил ни слова.

— Они работают просто и надежно, — заговорил Дуглас. — Психика исходного носителя удаляется и помещается в некое хранилище, а на ее место мгновенно внедряется захватчик. Вероятно, Лестер Херрик не принял необходимых мер предосторожности и бродил по развалинам за пределами безопасной зоны без портативного щита — вот и попался.

Пленник поежился и прошептал:

— Мне очень хотелось бы связаться с Джилл. Она будет беспокоиться.

Фрэнк скривился от отвращения:

— О боже, оно все еще притворяется…

Дуглас еле сдерживался.

— Удивительное дело. Никаких физических изменений. Ни за что не догадаешься… — Лицо директора окаменело, и он подошел к сидящему вплотную. — Послушай, ты, кем бы ты себя ни называло… Ты меня понимаешь?

— Разумеется, — ответил Лестер Херрик.

— Думаешь, у тебя был хоть один шанс? Мы поймали остальных — их было десять, еще до тебя… Так далеко они не добрались. — Дуглас холодно усмехнулся. — Их прикончили из виброружей — всех до единого.

Лестер побледнел, на лбу выступил пот, который он тут же вытер, достав из нагрудного кармана шелковый платок.

— Вот как? — прошептал он.

— Нас не обманешь. На Терре каждый знает, как вы опасны. Удивительно, что тебе вообще удалось выбраться с Рексора. Надо полагать, Херрик проявил чрезмерную беспечность. Остальных схватили на борту корабля и прикончили прямо в космосе.

— У Херрика собственный корабль, — прошептал пленник, — и он не залетал на станцию контроля при входе в систему. Записи о прибытии не осталось, вот его и не проверяли.

— Прикончить тварь! — рявкнул Дуглас.

Агенты шагнули вперед и вскинули виброружья.

— Нет, — покачал головой Фрэнк. — Нельзя. Будет скандал.

— Как это? Почему нельзя? Остальных же…

— Остальных поймали в открытом космосе, а мы на Терре. Здесь действуют терранские законы, а не военные. — Фрэнк кивнул на пленника. — Оно в человеческом теле, а значит, подпадает под нормы гражданского права. Нам придется доказывать, что это не Лестер Херрик, а рексорианский лазутчик. А доказать — непросто. Впрочем, есть один способ…

— Какой же?

— Жена. Жена Херрика. Джилл Херрик предстанет перед судом и засвидетельствует различия между этим существом и Лестером Херриком. Думаю, ей поверят.

Близился вечер. Они ехали очень медленно. Ни Фрэнк, ни Джилл не проронили ни слова.

— Вот как, — наконец произнесла она. Ее лицо посерело, глаза ярко горели: ни слезинки, вообще ни следа чувств. — Я так и знала, что все слишком уж хорошо — так не бывает. — Джилл попыталась улыбнуться. — А ведь как чудесно было…

— Знаю, — отозвался Фрэнк. — Ужасно все получилось. Если бы…

— Зачем? Зачем он… Зачем оно забрало тело Лестера?

— Рексор-Четыре старая планета. Мертвая. Жизни там приходит конец.

— Да, точно. Он… Оно что-то такое говорило — про Рексор. Что ему повезло оттуда выбраться.

— Рексорианцы — жалкие обломки древней расы — давным-давно ищут способы покинуть планету. Их тела слишком слабы. Те, кто отправлялся на Венеру, гибли сразу. И вот, лет сто назад, они придумали такой способ.

— Но оно слишком много знает о нас. Говорит на нашем языке.

— Не совсем. Ты же заметила странную манеру выражаться. Понимаешь, у рексорианцев весьма смутные представления о человечестве. Этакий абстрактный идеал, который они извлекли из тех немногих терранских предметов, что как-то оказались на Рексоре. Большей частью из книг и всяких косвенных данных. Их знания основываются на старой терранской литературе, на романтических произведениях давних лет. Язык, обычаи, манеры — все из книг, отсюда и эта архаичность. Да, они изучили Терру, но недостаточно хорошо. — Фрэнк криво усмехнулся. — К счастью для нас, рексорианцы отстали лет на двести — вот мы их и ловим.

— И часто такое случается? Поверить не могу. — Джилл устало потерла лоб. — Это какой-то сон, который и осознать-то трудно. Я только-только

начинаю понимать…

— Галактика полна всевозможных форм жизни. Есть паразиты, есть просто смертоносные твари. На них не распространяется терранская этика. Приходится постоянно защищаться. Лестер забыл об осторожности — и эта тварь вышвырнула его из собственного тела.

Фрэнк посмотрел на сестру. Лицо Джилл по-прежнему было бесстрастно. Угрюмое, спокойное лицо с широко посаженными глазами. Она сидела очень ровно и смотрела прямо перед собой, аккуратно сложив руки на коленях.

— Можно устроить так, что тебе даже не надо будет являться в суд, — продолжал Фрэнк. — Передашь заявление по видео, и его примут как свидетельские показания. Заявления будет вполне достаточно. Федеральный суд всецело на нашей стороне, им просто нужно хоть на что-то опереться.

Джилл молчала.

— Что скажешь? — спросил Фрэнк.

— А что будет, когда суд вынесет решение?

— Расстреляем из виброружья. Рексорианец погибнет, а патрульный корабль высадит поисковую группу, и они найдут… ну… исходного владельца тела.

Джилл ахнула и пораженно посмотрела на брата:

— То есть…

— Да-да, Лестер жив. Его разум в специальном хранилище, где-то в развалинах на Рексоре. Мы заставим выдать его — они, конечно, будут отпираться, но никуда не денутся. Такое и раньше бывало. Лестер вернется в целости и сохранности. Все будет по-прежнему, и ты быстро забудешь весь этот кошмар.

— Понятно.

— Приехали.

Машина остановилась у здания Федерального межпланетного агентства. Фрэнк выскочил и открыл сестре дверь. Джилл медленно выбралась наружу.

— Все хорошо? — спросил Фрэнк.

— Да, все хорошо.

Сотрудники агентства пропустили их через пост контроля и повели длинными коридорами. Лишь каблучки Джилл постукивали в зловещей тишине.

— То еще местечко, — заметил Фрэнк.

— Неприятное.

— Это как полицейский участок — только очень большой и важный. — Фрэнк остановился.

У двери стояла охрана. — Пришли.

— Постой. — Джилл в страхе отшатнулась. — Я…

— Мы подождем, пока ты успокоишься. — Фрэнк жестом отпустил сопровождающего. — Я понимаю, как тебе тяжело.

Джилл постояла немного, опустив глаза. Наконец она глубоко вдохнула и, сжав кулачки, уверенно вздернула подбородок.

— Порядок.

— Готова?

— Да.

Фрэнк отворил дверь.

— Входи.

Директор Дуглас и трое агентов с надеждой обернулись к двери.

— Отлично, — с облегчением пробормотал Дуглас, — а то я уже начал беспокоиться.

Пленник медленно поднялся со стула, не забыв пальто. Его руки судорожно впились в набалдашник трости. Он молча смотрел на вошедшую с Фрэнком женщину.

— Это миссис Херрик, — сказал Фрэнк. — Джилл, это директор Дуглас, он возглавляет Федеральное межпланетное агентство.

— Мне о вас рассказывали, — слабым голосом

проговорила Джилл.

— Тогда вы знаете, чем мы занимаемся.

— Да, я знаю, чем вы занимаетесь.

— Очень неприятный инцидент. Такое случалось и раньше. Не знаю, что вам сообщил Фрэнк…

— Он ввел меня в курс дела.

— Отлично, — облегченно сказал Дуглас. — Такое сразу ведь и не объяснишь… В общем, вы понимаете, что нам нужно. Раньше их ловили в открытом космосе, там же уничтожали, потом возвращали тела владельцам. В этот раз придется действовать легально. — Дуглас взял видеорекордер. — Миссис Херрик, нужно, чтобы вы сделали заявление. Поскольку физических изменений не зарегистрировано, у нас нет прямых доказательств. Расскажите, как резко изменился характер вашего мужа, и мы представим эти показания суду.

Джилл медленно протянула руку и взяла протянутый прибор.

— Суд, вне всякого сомнения, примет ваше заявление и вынесет необходимое нам решение. Если не случится непредвиденных обстоятельств, мы все исправим, и ваш муж станет прежним.

Джилл молча смотрела на застывшего в углу

мужчину с пальто и тростью в руках.

— Станет прежним? — переспросила она. — О чем вы?

— Прежним, как будто никаких изменений не было.

Джилл обернулась к Дугласу, потом аккуратно поставила видеорекордер на стол и спросила:

— О каких таких изменениях вы говорите?

Дуглас побледнел и облизал губы. Все взгляды были устремлены на Джилл.

— Об изменениях в нем. — Дуглас указал на человека в углу.

— Джилл! — рявкнул Фрэнк. — Что с тобой? — Он стремительно шагнул к сестре. — Что ты вытворяешь? Ты же прекрасно знаешь, о каких изменениях идет речь!

— Странно, — задумчиво проговорила Джилл. — А я ничего и не заметила.

Фрэнк с Дугласом переглянулись.

— Не понимаю… — ошеломленно пробормотал Фрэнк.

— Миссис Херрик… — начал Дуглас.

Джилл подошла к мужчине, который все так же молча стоял в углу.

— Пойдем, милый? — предложила она, беря его под руку. — Ведь у моего мужа больше нет

причин здесь оставаться?

Мужчина с женщиной молча шли по темной улице.

— Пойдем домой, — сказала Джилл.

— Такой чудесный вечер, — ответил он и вдохнул полной грудью. — По-моему, это аромат весны. Разве нет?

Джилл кивнула.

— Я точно не знаю. Пахнет приятно: травой, землей, жизнью…

— Да.

— Пойдем пешком? Отсюда далеко?

— Не очень.

Джилл снова кивнула.

— Спасибо тебе. Признаться, я не ожидал такой…

Джилл резко повернулась:

— Как тебя зовут? По-настоящему?

Серые глаза мужчины сверкнули, и он вежливо, но сдержанно улыбнулся.

— Ты вряд ли сможешь за мной повторить. Просто не сумеешь издать нужных звуков…

Джилл промолчала, и они пошли дальше в глубокой задумчивости. Городские огни проступали из окружающей мглы желтыми пятнами.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— Думаю, что стану по-прежнему звать тебя Лестером, — ответила Джилл. — Если ты не против.

— Не против. — Он обнял ее, привлек к себе и нежно посмотрел ей в глаза. Тьма сгущалась, а они шли и шли, а желтые столбики по краям дороги освещали путь. — Зови как хочешь. Лишь бы ты была счастлива.

Вроде-как-папа

Название рассказа: Вроде-как-папа (The Father Thing)

Название эпизода сериала: Отец-двойник (The Father Thing)

Рассказ впервые издан в журнале The Magazine of F & SF за декабрь 1954 года

— Ужин готов! — скомандовала миссис Уолтон. — Сходи за отцом и напомни, чтобы он вымыл руки. И к тебе это тоже относится, молодой человек. — Она водрузила исходящий паром сотейник на аккуратно накрытый стол. — Найдешь его в гараже.

Чарльз замялся. Ему было всего восемь, а беспокоивший его вопрос был бы не по зубам даже студенту университета.

— Я… — неуверенно начал он.

— Что случилось? — Джун Уолтон услышала в голосе сына беспокойство, и ее почтенная грудь колыхнулась от накатившей тревоги. — Разве Тед не в гараже? Господи, да он ведь только что точил там секатор! Он ведь не ушел к Андерсонам? Я же сказала ему, что ужин практически на столе!

— Он в гараже, — ответил Чарльз. — Но он… сам с собой разговаривает.

— Сам с собой! — Миссис Уолтон развязала яркий пластиковый фартук и повесила его на дверную ручку. — Тед? Да он же никогда сам с собой не разговаривает! Пойди и позови его сюда. — Она разлила кипящий черный кофе по белым с синим фарфоровым чашечкам и начала раскладывать кукурузу в соусе. — Да что с тобой? Иди и скажи ему!

— Я не знаю, которому из них сказать! — отчаянно выпалил Чарльз. — Они оба одинаковые!

У Джун Уолтон дрогнули пальцы на алюминиевой кастрюльке, так что кукуруза опасно плюхнула.

— Молодой человек… — гневно начала она, но в этот момент в кухню вошел Тед Уолтон, шумно принюхиваясь и потирая руки.

— О! — радостно вскричал он. — Рагу из баранины!

— Из говядины, — пробормотала Джун. — Тед, ты чем там занимался?

Тед плюхнулся на свое место и развернул салфетку.

— Наточил секатор, стал как бритва. Смазал и наточил. Не советую трогать: руку отхватит.

Тед был привлекательным мужчиной тридцати с небольшим лет: густые светлые волосы, сильные руки, ловкие пальцы, квадратное лицо, яркие карие глаза.

— Аппетитно выглядит! Устал в конторе — пятница, понимаешь ли. Дела накапливаются, а к пяти надо все итоги подбить. Ал Маккинли говорит, что отдел сможет повысить эффективность на двадцать процентов, если правильно организовать обеденный перерыв: уходить по очереди, чтобы кто-то всегда был на месте. — Он приглашающе махнул Чарльзу рукой: — Садись и начнем.

Миссис Уолтон разложила зеленый горошек.

— Тед, — проговорила она, медленно садясь за стол, — тебя что-то беспокоит?

— Беспокоит? — Он моргнул. — Нет, ничего особенного. Все как обычно. А что?

Джун Уолтон встревоженно посмотрела на сына. Чарльз сидел на своем месте неестественно выпрямившись, бледный как мел и с ничего не выражающим лицом. Он не пошевелился, не развернул салфетку, даже к молоку не притронулся. Атмосфера была напряженной: она это почувствовала. Чарльз отодвинул свой стул от отцовского и нервно съежился на нем, стараясь

держаться как можно дальше от отца. Губы у него шевелились, но она не расслышала его слов.

— В чем дело? — вопросила она, наклоняясь к нему.

— Тот второй, — бормотал Чарльз себе под нос. — Вошел тот второй.

— Ты о чем, мой хороший? — громко спросила Джун Уолтон. — Какой второй?

Тед дернулся. На его лице промелькнуло странное выражение. Оно тут же исчезло, но на краткий миг лицо Теда Уолтона стало совершенно не знакомым. Нечто чужое и холодное на мгновение показало себя: дергающееся и извивающееся образование. Глаза размылись и провалились под пленкой архаичного блеска. Обычная внешность усталого немолодого мужа исчезла.

А потом все вернулось обратно… или почти вернулось. Тед ухмыльнулся и принялся сметать рагу, горошек и кукурузу. Он смеялся, размешивал кофе, подшучивал и ел. Но что-то было ужасно не так.

— Тот второй, — пробормотал бледный Чарльз. У него задрожали руки. Он вдруг вскочил и попятился от стола. — Уходи! — крикнул он. — Убирайся отсюда!

— Эй, — угрожающе пророкотал Тед, — что на

тебя нашло? — Он строго указал мальчику на его стул. — Изволь садиться и ужинать, молодой человек. Не зря же твоя мать старалась!

Чарльз повернулся и убежал из кухни наверх, к себе в комнату. Джун Уолтон охнула и расстроенно всплеснула руками:

— Да что это…

Тед продолжал есть. Лицо у него было мрачное, потемневшие глаза смотрели жестко.

— Этому парню, — проскрежетал он, — нужно кое-что усвоить. Наверное, нам с ним стоит немного побеседовать наедине.

* * *

Чарльз наклонился, прислушиваясь. Вроде-как-папа поднимался по лестнице, подходил все ближе и ближе.

— Чарльз! — гневно крикнул он. — Ты там?

Он не ответил. Бесшумно скользнув обратно в комнату, он закрыл дверь. Сердце у него колотилось. Вроде-как-папа уже добрался до площадки и вот-вот должен был войти в комнату.

Чарльз бросился к окну. Он был перепуган: в темном коридоре существо уже пыталось нашарить дверную ручку. Открыв окно, выбрался на крышу и с хриплым оханьем спрыгнул на

цветник, разбитый у парадной двери. Задыхаясь, он сделал пару шатких шагов, а потом резко выпрямился и отбежал от света, лившегося из окна — желтого пятна в вечерней темноте.

Он нашел гараж: строение было прямо перед ним, черный квадрат на фоне неба. Часто дыша, нашарил в кармане фонарик, а потом осторожно приподнял створку дверей и скользнул внутрь.

В гараже никого не было. Машина стояла у ворот. Слева был отцовский верстак. Молотки и пилы висели на деревянных стенах. В дальней части стояли газонокосилка, грабли, лопата и мотыга. Канистра керосина. Повсюду были приколочены номерные знаки. Пол был наполовину цементный, наполовину — земляной. Огромное масляное пятно расплылось по центру, пучки травы блестели, черно и жирно, в мерцающем свете фонарика.

Сбоку от ворот стоял большой мусорный бак. На крышке бака лежали пачки влажных газет и журналов, заплесневелых и волглых. Когда Чарльз начал их сдвигать, то почувствовал исходящую густую гнилостную вонь. Паучки спрыгнули на пол и начали разбегаться. Он затоптал их и продолжил осматриваться.

Увиденное заставило его закричать, выронить

фонарик и резко отпрыгнуть назад. Гараж моментально погрузился во мрак. Чарльз заставил себя нагнуться и показавшуюся вечностью секунду нашаривал в темноте среди пауков и сальных сорняков фонарик. Наконец он сумел направить луч найденного фонаря в бак, в колодец, который создал, отодвинув кипы журналов.

Вроде-как-папа запихнул его на самое дно бака. К опавшим листьям, рваному картону, гниющим обрывкам журналов и занавесок, к мусору, который его мать стаскивала с чердака, собираясь со временем сжечь. Это все еще было достаточно похоже на его отца, чтобы он понял, что именно видит. Он нашел это — и ему стало тошно. Он вцепился в край бака и зажмурился, собираясь с силами, чтобы снова посмотреть. В баке были останки его отца — его настоящего отца. Те части, которые вроде-как-папе не понадобились. Части, которые он выбросил.

Чарльз взял грабли и сунул в бак, чтобы поворошить останки. Они оказались сухими. Они потрескивали и ломались под граблями. Они были похожи на сброшенную змеиную кожу, шелушащуюся и рассыпающуюся, шуршащую при прикосновении. Пустая шкурка. Внутренности исчезли. То, что было важным. Осталось только

это — хрупкая, потрескавшаяся кожа, засунутая на дно мусорного бака мятым комком. Больше ничего вроде-как-папа не оставил: остальное он сожрал. Забрал внутренности — и занял место его отца.

Шум.

Он выронил грабли и метнулся к двери. Вроде-как-папа шел по дорожке к гаражу. Под его подошвами хрустел гравий: он двигался неуверенно.

— Чарльз! — сердито крикнул он. — Ты там? Только попадись мне, молодой человек!

Его пышнотелая нервничающая мать стояла в свете дверного проема.

— Тед, не обижай его. Он чем-то очень расстроен.

— Я не собираюсь его обижать, — прохрипел вроде-как-папа. Он остановился, чтобы зажечь спичку. — Просто немного с ним поговорю. Преподам ему урок вежливости. Выскочил из-за стола, вылез из окна, убежал в ночь…

Чарльз выскользнул из гаража. Огонек спички поймал его в движении — и вроде-как-папа взревел и рванулся к нему.

— Иди сюда!

Чарльз бросился бежать. Он знал местность

лучше вроде-как-папы: тот знал много чего, много чего получил, забрав внутренности его отца, но никто не знал двор лучше Чарльза. Он добежал до забора, забрался на него, спрыгнул на участок Андерсонов, метнулся мимо бельевых веревок, обежал их дом и вырвался на Кленовую улицу.

Там он скорчился, прислушиваясь и стараясь не дышать. Вроде-как-папа за ним не погнался и вернулся в дом. Или решил пройти по тротуару.

Он сделал глубокий дрожащий вдох. На месте стоять нельзя. Рано или поздно это существо его найдет. Он посмотрел по сторонам, убеждаясь, что никто на него не смотрит — и побежал быстрой рысцой.

* * *

— Чего тебе? — враждебно вопросил Тони Перетти. Тони было четырнадцать. Он сидел за столом в обшитой дубовыми панелями столовой Перетти, в окружении книг и раскатившихся карандашей. Рядом с ним лежал недоеденный сэндвич — ветчина на арахисовом масле — и стояла бутылка колы. — Ты Уолтон ведь?

Тони после школы работал в магазине бытовой техники Джонсона, где распаковывал кухонные плиты и холодильники. Он был рослый, с гру-

боватым лицом. Черные волосы, смуглая кожа, белые зубы. Пару раз он колотил Чарльза, как колотил и всех соседских мальчишек.

Чарльз дернулся.

— Слушай, Перетти. Помоги, а?

— Чего тебе? — Перетти стал раздражаться. — Фингал поставить?

Повесив голову и сжав кулаки, Чарльз отрывисто и сбивчиво объяснил, что случилось.

Когда он закончил, Перетти присвистнул.

— Шутишь?

— Это правда. — Чарльз мотнул головой. — Я тебе покажу. Пойдем покажу.

Перетти медленно поднялся на ноги.

— Ага, покажи. Хочу посмотреть.

Он принес из своей комнаты пневматическое ружье, и они тихо пошли по темной улице к дому Чарльза. Они почти не разговаривали. Перетти с серьезным лицом о чем-то размышлял. Чарльз все еще находился в шоке: голова была совершенно пустая.

Свернули к дому Андерсонов, прошли по заднему двору, вскарабкались на забор и осторожно слезли на задний двор Чарльза. Никакого движения, во дворе царит тишина. Дверь в дом закрыта.

Они заглянули в окно гостиной. Жалюзи были опущены, но тонкая полоска желтого света оставалась. На диване сидела миссис Уолтон, зашивая старую футболку. На ее широком лице отражались грусть и беспокойство. Она работала вяло, без интереса. Напротив нее расположился вроде-как-папа. Развалился в отцовском кресле, разувшись, углубившись в газету. Включенный телевизор сам себя развлекал в углу. Банка пива стояла на подлокотнике кресла. Вроде-как-папа сидел точно так же, как и настоящий отец: он много чему научился.

— Выглядит прямо как твой отец, — с подозрением прошептал Перетти. — Ты мне точно не заливаешь?

Чарльз отвел его в сарай и показал мусорный бак. Перетти запустил в него длинные загорелые руки и осторожно вытащил сухие, осыпающиеся останки. Они раскрывались, разворачивались, приобретали полное очертание его отца. Перетти разложил останки на полу и приладил отвалившиеся части. Останки были бесцветными. Почти прозрачными. Янтарно-желтыми, тонкими, как бумага. Сухими и совершенно безжизненными.

— Это все, — сказал Чарльз. У него на глаза навернулись слезы. — Это все, что от него осталось.

Внутренности у той штуки.

Перетти побледнел. Рваными движениями он запихнул останки обратно в мусорный бак.

— Это что-то! — пробормотал он. — Говоришь, видел их вместе?

— Разговаривали. На вид были совершенно одинаковые. Я убежал в дом. — Чарльз вытер глаза и зашмыгал носом: больше сдерживаться он не мог. — Эта штука съела его, пока я был дома. А потом пришла в дом. Притворилась им. Но это не он. Его убили и съели его внутренности.

Секунду Перетти молчал.

— Вот что я тебе скажу, — вдруг заговорил он. — Я о таком слышал. Гадкое дело. Надо шевелить мозгами и не бояться. Ты ведь не боишься, а?

— Нет, — с трудом выдавил Чарльз.

— Первым делом надо сообразить, как его убить. — Он встряхнул свой пневматик. — Не знаю, подействует ли он. Раз он смог схватить твоего отца, значит, он сильный. Твой ведь был здоровенный. — Перетти задумался. — Давай-ка пойдем отсюда. Он может вернуться. Говорят, убийцы всегда так делают.

Они ушли из гаража. Перетти пригнулся и снова заглянул в окно. Миссис Уолтон встала с места. Она что-то тревожно говорила. Звуки просачива-

лись в окно. Вроде-как-папа отшвырнул газету. Они ссорились.

— Господи! — крикнул вроде-как-папа. — Давай без глупостей!

— Что-то случилось, — простонала миссис Уолтон. — Что-то ужасное. Просто дай мне позвонить в больницу и проверить.

— Нечего звонить. Все с ним в порядке. Наверное, играет на улице.

— Он послушный и никогда не возвращается так поздно. Ты его расстроил и испугал! И я его понимаю. — Ее голос сорвался. — Что с тобой? Ты такой странный. — Она вышла в коридор. — Пойду обзвоню соседей.

Вроде-как-папа злобно смотрел ей вслед, пока она не ушла. А потом произошло нечто жуткое. Чарльз охнул — и даже Перетти тихо хмыкнул.

— Смотри! — прошептал Чарльз. — Что?..

— Ого! — отозвался Перетти, выпучив черные глаза.

Как только миссис Уолтон вышла из комнаты, вроде-как-папа обмяк в кресле. Он обвис. Рот у него открылся, глаза расфокусировались. Голова упала на грудь, словно у брошенной тряпичной куклы.

Перетти попятился от окна.

— Вот как, — прошептал он. — Вот оно как!

— Что это было? — вопросил Чарльз. Он был поражен и растерян. — Ему как будто отключили питание.

— Вот именно. — Перетти внушительно кивнул — суровый и потрясенный. — Им управляют извне.

Чарльза накрыл страх.

— Ты имел в виду — что-то вне нашего мира?

Перетти возмущенно мотнул головой:

— Вне дома! На дворе. Искать умеешь?

— Не очень-то. — Чарльз собрался с мыслями. — Но я знаю, у кого это здорово получается. — Он заставил себя вспомнить имя. — У Бобби Даниэльса.

— У того негритенка? Он хороший искатель?

— Лучший.

— Ладно, — решил Перетти, — пошли за ним. Надо найти ту штуку, которая вне дома. Это она все сотворила, управляет всем…

* * *

— Это где-то рядом с гаражом, — сказал Перетти щуплому узколицему негритенку, прячущемуся с ними в темноте. — Его захватили в гараже. Так что ищи там.

— В гараже? — переспросил Даниэльс.

— Вокруг гаража. Уолтон уже осмотрел гараж изнутри. Ищи вокруг него. Поблизости.

Рядом с гаражом была разбита небольшая цветочная клумба, а между гаражом и задней стеной дома среди всякого мусора находились заросли бамбука. Вышла луна: холодный туманный свет заливал все вокруг.

— Если не найдем быстро, — сказал Даниэльс, — мне надо будет уйти домой. Допоздна задерживаться нельзя.

Он был не старше Чарльза. Может, лет девять.

— Ладно, — согласился Перетти. — Тогда начинай искать.

Троица рассредоточилась и начала внимательно осматривать все вокруг. Даниэльс действовал невероятно быстро: его худенькое тельце буквально размазывалось. Он ползал среди цветов, переворачивал камни, заглядывал под дом, раздвигал стебли растений, проводил чуткими руками по листьям и веткам, зарывался в компост и сорняки. Не пропускал ни дюйма.

Перетти вскоре остановился.

— Посторожу. Тут может быть опасно. Вроде-как-папа может выйти и попробовать нам помешать.

Он устроился на заднем крыльце со своим пневматическим ружьишком, а Чарльз с Бобби продолжили поиски. Чарльз действовал медленно. Он устал и замерз до онемения. Это казалось невероятным: вроде-как-папа и то, что стало с его собственным отцом, настоящим отцом. Однако его подгонял ужас: а что, если такое произойдет с его матерью или с ним самим? Или со всеми? Может, со всем миром.

— Нашел! — объявил Даниэльс тоненьким голоском. — Идите все сюда, быстро!

Перетти поднял ружье и осторожно выпрямился. Чарльз подбежал и направил мерцающий луч фонарика на то место, где стоял Даниэльс.

Негритенок поднял кусок цемента. Во влажной гнилой почве свет отразился от металлического туловища. Узкая членистая тварь с бесчисленными кривыми лапами отчаянно закапывалась. Чешуйчатая, похожая на муравья: красновато-коричневый жук, стремительно исчезающий у них на глазах. Ряды его лапок скребли и хватали. Земля быстро раздавалась под ним. Яростно размахивая опасным хвостом, тварь ввинчивалась в созданный ею туннель.

Перетти бросился в гараж и схватил грабли. Ими он придавил жуку хвост.

— Быстрее! Пристрелите его из духовушки!

Даниэльс схватил ружье и прицелился. Первым выстрелом жуку оторвало хвост. Он начал отчаянно корчиться и извиваться: хвост бессильно обвис, несколько лап отломились. Он был длиной в фут и похож на гигантскую многоножку. Он отчаянно пытался сбежать в свою нору.

— Стреляй снова! — приказал Перетти.

Даниэльс возился с винтовкой. Жук извивался и шипел. Голова у него дергалась из стороны в сторону. Извернувшись, он укусил грабли, удерживаюшие его на месте. Мерзкие пятна глаз горели ненавистью. Только что он безуспешно нападал на грабли — и вдруг, совершенно неожиданно отчаянно задергался, заставив всех троих испуганно шарахнуться.

По мозгам Чарльза прошло какое-то жужжание. Громкий гул, металлический и резкий — как от миллиарда металлических проводов, которые одновременно заплясали и завибрировали. Его с силой отбросило прочь, звонкий металлический удар оглушил и ошарашил. Он неловко вскочил и попятился. Остальные сделали то же — бледные и потрясенные.

— Если его нельзя застрелить, — прохрипел Перетти, — то можно утопить. Или сжечь. Или

пробить ему мозг булавкой.

Он пытался удержать грабли, пригвоздить жука к месту.

— У меня есть банка формальдегида, — промямлил Даниэльс. Он неуверенно возился с ружьем. — Как эта штука работает? Я никак не…

Чарльз вырвал у него духовушку.

— Я его убью.

Он присел на корточки, одним глазом глядя сквозь прицел, положив палец на спуск. Жук бился и рвался. Его силовое поле ударяло по ушам, но мальчик не выпускал пневматическое ружье. Он начал напрягать палец…

— Так-так, Чарльз, — проговорил вроде-как-папа.

Сильные пальцы сомкнулись у него на запястьях, парализуя кисти. Он попытался высвободиться — и винтовка упала на землю. Вроде-как-папа оттолкнул Перетти. Паренек отскочил, а жук, освободившийся из-под граблей, победно уполз в свою нору.

— Тебя ждет трепка, Чарльз, — монотонно добавил вроде-как-папа. — Что на тебя нашло? Мать с ума сходит от беспокойства.

* * *

Он был рядом, прятался в тени. Пригнулся и наблюдал за ними из темноты. Его спокойный бесстрастный голос — жуткая пародия на отцовский — рокотал у мальчика над ухом, пока его безжалостно волокли к гаражу. Его холодное дыхание овевало ему лицо сладковато-ледяным запахом перегноя. Сила у него была чудовищная: Чарльз ничего сделать не мог.

— Не сопротивляйся, — спокойно сказал вроде-как-папа. — Пошли в гараж. Это для твоего же блага, Чарльз. Мне лучше знать.

— Ты его нашел? — тревожно окликнула его мать, открыв заднюю дверь.

— Да, нашел.

— И что сделаешь?

— Отшлепаю. — Вроде-как-папа поднял ворота гаража. — В гараже. — В полумраке на его губах появилась слабая улыбка: безрадостная, совершенно лишенная эмоций. — Иди в гостиную, Джун. Это отцовское дело. Ты же не любишь его наказывать.

Задняя дверь неохотно закрылась. Как только свет исчез, Перетти наклонился и зашарил в поисках пневматического ружья. Вроде-как-папа

моментально застыл.

— Идите домой, мальчики, — проскрежетал он.

Перетти неуверенно замер на месте, сжимая духовушку.

— Уходи, — повторил вроде-как-папа. — Брось свою игрушку и убирайся отсюда. — Он медленно двинулся к Перетти, удерживая Чарльза одной рукой: второй он потянулся к Перетти. — В городе пневматические винтовки запрещены, сынок. Твой отец знает, что у тебя есть? Городское правило. Отдай-ка ее мне, пока…

Перетти выстрелил ему в глаз.

Вроде-как-папа с ворчанием схватился за выбитый глаз, а потом резко выбросил руку в сторону Перетти. Перетти отбежал к въезду, пытаясь зарядить ружье. Вроде-как-папа рванулся вперед. Его сильные пальцы выхватили у Перетти ружье, и он молча разбил его о стену дома.

Чарльз вывернулся и быстро отбежал подальше. Где можно спрятаться? Вроде-как-папа стоял между ним и домом. Он уже снова приближался к нему: черная тень, осторожно продвигающаяся вперед, вглядывающаяся в темноту, пытающаяся его высмотреть. Чарльз отступал. Если бы нашлось хоть какое-то место, где можно спря-

таться…

Бамбук!

Он быстро заполз в заросли бамбука. Стволы были громадные, старые. Они сомкнулись за ним с тихим шорохом. Вроде-как-папа рылся в кармане. Он зажег спичку, а потом и целый коробок.

— Чарльз, — сказал он, — я знаю, что ты где-то здесь. Прятаться бесполезно. Делаешь себе только хуже.

С отчаянно бьющимся сердцем Чарльз скорчился в бамбуковых зарослях. Здесь гнили опавшие листья и мусор. Сорняки, отбросы, обрывки бумаги, коробки, старая одежда, доски, консервные банки, бутылки. Между ними ползали пауки и саламандры. Ночной ветер заставлял бамбук раскачиваться. Насекомые и грязь.

И кое-что еще.

Некая фигура — бесшумная неподвижная фигура, вырастающая из кучи отбросов, словно какой-то ночной гриб. Белая колонна, желеобразная масса, влажно поблескивающая в лунном свете. Паутина окутывала ее плесневым коконом. У нее были нечеткие руки и ноги. Неясная, наполовину сформировавшаяся голова. Черты лица еще не оформились. Вот только Чарльз понял, что это такое.

Вроде-как-мама. Растет здесь, в грязи и сырости, между гаражом и домом. За высокой стеной бамбука.

Она почти готова. Еще несколько дней — и она созреет. Пока это все еще была личинка, белая, мягкая, влажная. Солнце ее высушит и согреет. Позволит внешнему слою затвердеть. Сделает его темным и прочным. Она вылупится из кокона и однажды, когда его мать зайдет в гараж… Позади вроде-как-мамы была еще одна мягкая личинка, только недавно отложенная жуком. Маленькая. Только-только появившаяся. Он увидел, где именно открепился вроде-как-папа — то место, где он вырос. Он тут созрел. А в гараже с ним встретился папа Чарльза.

Чарльз начал проворно отступать от гниющих досок, отбросов и грязи, от влажных грибов и личинок. Он протянул подрагивающую руку к забору — и резко отпрянул.

Еще одна. Еще одна личинка. Поначалу он ее не заметил. Она была не белая. Она уже потемнела. Паутина, желеобразная мягкость, влажность исчезли. Она была готова. Она пошевелилась, вяло задвигала руками.

Вроде-как-Чарльз.

Стволы бамбука раздвинулись — и рука вроде-

как-папы крепко схватила мальчика за запястье.

— Оставайся прямо здесь, — сказал он. — Самое подходящее место для тебя. Не шевелись. — Второй рукой он начал срывать остатки кокона, окутывавшего вроде-как-Чарльза. — Я ему помогу. Еще немного слабоват.

Последний обрывок влажной серости был сорван — и вроде-как-Чарльз заковылял прочь. Вроде-как-папа расчистил неуверенно двигающейся твари дорожку к Чарльзу.

— Сюда, — проворчал вроде-как-папа. — Я его придержу. Когда поешь, станешь сильнее.

Рот у вроде-как-Чарльза открывался и закрывался. Он жадно потянулся к Чарльзу. Мальчик отчаянно вырывался, но громадная рука вроде-как-папы удерживала его на месте.

— Прекрати, молодой человек! — приказал вроде-как-папа. — Тебе же будет легче, если…

Тут он завизжал и затрясся. Выпустив Чарльза, он шатко попятился. Его тело стало конвульсивно сотрясаться. Он налетел спиной на стену гаража, дергая руками и ногами. Какое-то время он катался и бился в мучительном танце. Он скулил, стонал, пытался уползти. Спустя какое-то время он начал затихать. Вроде-как-Чарльз беззвучно осел. Он тупо валялся среди бамбука и

разлагающегося мусора: обмякшее тело, пустое бессмысленное лицо.

Наконец вроде-как-папа перестал шевелиться. Только бамбук тихо шелестел на ночном ветру.

Чарльз неловко поднялся с земли. Он вышел на зацементированную дорожку. Перетти и Даниэльс подошли ближе, испуганные и настороженные.

— Не трогай его! — резко приказал Даниэльс. — Он еще не умер. Надо немного подождать.

— Что вы сделали? — промямлил Чарльз.

Даниэльс поставил канистру с керосином и облегченно вздохнул.

— Нашлась в гараже. Мы, Даниэльсы, дома в Виргинии всегда травили комаров керосином.

— Даниэльс залил керосином нору жука, — пояснил потрясенный Перетти. — Это была его идея.

Даниэльс осторожно толкнул ногой скрюченное тело вроде-как-папы.

— Теперь он мертвый. Умер, как только умер жук.

— Наверное, остальные тоже умрут, — сказал Перетти. Он раздвинул бамбук, чтобы посмотреть на личинок, которые там и сям росли среди отходов. Когда Перетти ткнул вроде-как-Чарль-

за палкой в грудь, тот не пошевелился. — Этот мертв.

— Лучше подстраховаться, — мрачно заявил Даниэльс. Взявшись за тяжелую канистру, он подволок ее к началу зарослей. — Он там уронил часть спичек на дорогу. Принеси их, Перетти.

Они переглянулись.

— Точно, — тихо согласился Перетти.

— Надо бы включить шланг, — сказал Чарльз, — чтобы огонь не перекинулся.

— Давайте шевелитесь, — нетерпеливо бросил Перетти.

Он уже нырнул в темноту. Чарльз поспешно последовал за ним, и при свете луны они принялись искать спички.

Фостер, ты мертв!

Название рассказа: Фостер, ты мертв! (Foster, You're Dead!)

Название эпизода сериала: Безопасность превыше всего! (Safe & Sound)

Рассказ впервые издан в сборнике Star Science Fiction Stories No.3 (издательство Ballantine, 1955).

Это первый рассказ Филипа К. Дика, опубликованный на русском языке в СССР (журнал «Огонек», 1958 год).

В школе всегда была отчаянная тоска; сегодня же она казалась невыносимой. Майк Фостер закончил плести водонепроницаемую корзину и выпрямился. Ребята вокруг него все еще работали. За толстыми железобетонными стенами сияло холодное осеннее солнце, в прохладном воздухе окрестные холмы переливались зеленым и бурым. В небе над городом лениво кружили несколько наблюдателей НАТС.

Рядом с партой беззвучно возникла зловещая фигура миссис Каммингс.

— Фостер, ты закончил?

— Да, мадам, — ответил он торопливо, подвигая

корзину вперед. — Можно идти?

Миссис Каммингс придирчиво осмотрела его работу.

— А капкан сделал?

Майк пошарил в парте и извлек аккуратный капкан на мелкого зверя.

— Все готово, миссис Каммингс. И нож тоже.

Он продемонстрировал острое как бритва лезвие ножа, выточенное из корпуса развалившейся нефтеналивной цистерны.

Учительница взяла нож и привычно провела пальцем по лезвию.

— Плохо. Ты переточил, нож сразу же затупится. Ступай в главную оружейную лабораторию и посмотри, какие у них ножи. Потом доделай свой.

— Миссис Каммингс, — взмолился Майк Фостер, — неужели прямо сейчас? Можно я доделаю его завтра? Ну пожалуйста!

Весь класс следил за разговором с нескрываемым интересом. Майк залился краской — он терпеть не мог выделяться, но уйти надо любой ценой. Нельзя терять ни минуты!

— Завтра практика по раскопкам, — отрезала неумолимая миссис Каммингс. — У тебя не будет времени работать над ножом.

— Будет! — горячо заверил Майк. — После занятий.

— Нет, ты и так отстаешь по рытью. — Учительница критически осмотрела щуплую фигуру мальчика. — Нож заканчивай сегодня, а завтра весь день проведешь в поле.

— Какой от этого толк? — в отчаянии воскликнул Фостер.

— Копать должен уметь каждый, — терпеливо ответила миссис Каммингс. В классе захихикали, но после грозного взгляда учительницы шум утих. — Когда начнется война, поверхность земли будет покрыта развалинами и обломками. Чтобы выжить, нам придется копать, не так ли? Видели, как суслик подкапывает корни растений? Все превратятся в маленьких коричневых сусликов. Нужно учиться раскапывать развалины в поисках уцелевших вещей — наверху ничего не останется.

Майк Фостер съежился в комочек, нервно поглаживая рукоятку ножа, а миссис Каммингс отошла от его парты и величаво поплыла по проходу. В классе злорадно ухмылялись, но Майк, подавленный и несчастный, ничего не замечал. Никакие занятия не помогут: он будет убит первыми же бомбами. Бесконечные прививки — все

бесполезно. Чтобы пострадать от бактериологического оружия, надо остаться в живых после первого удара. А Майк Фостер в живых не останется. Если только…

Он вскочил, подбежал к столу учительницы и выпалил:

— Ну пожалуйста, мне надо уйти! По делу!

Миссис Каммингс сурово поджала губы, но испуганные глаза мальчика смягчили ее.

— Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

Майк замер, словно в параличе, не находя слов для ответа. Довольные спектаклем ученики завозились, послышались смешки. Миссис Каммингс сердито ударила по столу указкой.

— Тихо! — Потом ее голос чуть потеплел. — Микаэль, если твой организм разбалансировался, ступай вниз в медпункт. Нет смысла продолжать работу, когда реакции нарушены. Мисс Гроувс оптимизирует твою функциональную деятельность.

— Нет, — произнес Фостер.

— Тогда в чем дело?

Класс зашумел. Майк не мог выдавить из себя ни слова; за него ответили голоса:

— Его отец — анти-Г. Они не зарегистрированы в Гражданской обороне и не имеют убежища. Его

отец не делает взносы даже в НАТС.

Миссис Каммингс изумленно смотрела на онемевшего мальчика.

— У вас нет убежища?

Он покачал головой.

Странное чувство завладело женщиной.

— Но… — Она хотела сказать «Но ты же погибнешь наверху!», однако передумала и произнесла: — Куда же ты пойдешь?

— Никуда, — ответили голоса. — Все будут в своих укрытиях, а он останется наверху. У него нет разрешения даже на школьное убежище.

Миссис Каммингс была потрясена до глубины души. В ее ограниченном учительском сознании не укладывалась мысль о том, что не все школьники имеют допуск к расположенному под зданием лабиринту подземелий. Впрочем, верно. Только те, чьи родители принимают участие в работе ГО, вносят свой вклад в повышение обороноспособности. А если отец Фостера — анти-Г…

— Он боится здесь сидеть, — раздались голоса. — Боится, что бомбежка начнется во время занятий, и все, кроме него, будут надежно укрыты в убежищах.

* * *

Засунув руки в карманы и угрюмо отшвыривая камешки носком ботинка, Майк Фостер медленно брел по улице. Солнце уже садилось. Из недр тупорылых пассажирских ракет выливались реки усталых людей, с облегчением возвращающихся домой из промышленного района в ста милях к западу. Вдалеке среди холмов что-то блеснуло — там медленно и беззвучно поворачивалась тарелка радара. Самолетов НАТС вверху становилось все больше. Предзакатные часы самые опасные: наблюдателям трудно засечь высокоскоростные низколетящие ракеты. Если, конечно, ракеты появятся.

На перекрестке Фостер прошел мимо информмашины, выкрикивавшей последние известия: война, смерть, новые разрушительные виды оружия. Он понурился и зашагал дальше, вдоль бетонных коробок, похожих друг на друга словно две капли воды.

Впереди в сгущающихся сумерках сияли неоновые вывески делового центра, шумели автомобили, бурлили людские толпы.

В полуквартале от скопления ярких огней Майк Фостер остановился. Справа от него темнела

туннелеобразная пасть общественного убежища, перекрытая автоматическим турникетом.

Вход — пятьдесят центов. Если он будет здесь, на улице, и с пятьюдесятью центами в кармане — все обойдется. Во время учебной тревоги Майк часто спускался в общественные убежища.

Но случалось, что у него не оказывалось пятидесяти центов, и эта мучительная картина постоянно стояла перед глазами мальчика: он, замерший и онемевший от ужаса и отчаяния, взбудораженные люди, спешащие в укрытие, и душераздирающий вой сирен.

Фостер медленно побрел дальше, к самым ярким огням — огромному роскошному салону «Дженерал Электроникс». Его взгляд в тысячный раз притянули завораживающие экспонаты. Проходя мимо, Майк непременно останавливался будто загипнотизированный.

Посреди помещения красовалась изящная конструкция — мощные стены и перекрытия, закрытые люки, воплощение технического и механического совершенства. Прожекторы подсветки выхватывали из тьмы броские щиты, на которых описывались неоспоримые достоинства машины, словно у кого-нибудь могли возникнуть сомнения.

НОВИНКА! ОБРАЗЕЦ 1972 ГОДА! ПОДЗЕМНОЕ АНТИРАДИАЦИОННОЕ БОМБОУБЕЖИЩЕ!

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ:

— автоматический незастревающий подъемник с автономным питанием;

— трехслойный антиударный корпус, выдерживающий нагрузки до 5 д;

— терморегулирующая и вентиляционная системы с атомным источником питания;

— автономная система очистки воздуха;

— три стадии очистки воды и пищи;

— полная биологическая обработка;

— оплата в рассрочку.

Фостер не отрываясь глядел на убежище — большое кубическое строение с тамбуром-входом и аварийным люком в противоположной стороне. Самостоятельный независимый мир, вырабатывающий свои собственные тепло, воду, свет, воздух, пищу, лекарства… В полностью оснащенном убежище были аудио- и видеозаписи, игры, кровати, стулья, телевизор — все как дома.

Да это и есть дом, дом под землей. Здесь будет безопасно и даже уютно после самой жестокой атомной бомбардировки и применения бактериологического оружия.

Убежище стоило двадцать тысяч долларов.

Пока Фостер молча глядел на витрину, из магазина на темный тротуар вышел один из продавцов, направляющийся в кафетерий.

— Привет, сынок, — машинально сказал он, проходя мимо. — Недурно, правда?

— Можно мне зайти туда? — быстро спросил Майк Фостер. — Можно мне спуститься в убежище?

Продавец остановился, узнав мальчика.

— А, так ты тот самый хулиган, — медленно произнес он, — который вечно тут околачивается…

— Я хотел бы зайти туда хоть на несколько минут. Я ничего не испорчу, клянусь! Даже не притронусь ни к чему!

Продавец был молод, светловолос и незлобив. Он колебался. Этот липучий парнишка уже надоел. Но у него есть родители — то есть потенциальные покупатели. Торговля идет вяло, в конце сентября спрос еще невелик. С другой стороны, нет смысла привлекать малоимущих — они только зря тратят время, портят оборудование и не прочь что-нибудь украсть, если зазеваешься.

— Нет, — отрезал продавец. — Пришли лучше сюда своего отца. Он видел наши новинки?

— Видел, — выдавил Майк Фостер.

— Так чего же он ждет? — Продавец хозяйским жестом указал на сверкающую витрину. — А за его старую модель мы дадим неплохую цену… У вас какое убежище?

— Никакого, — ответил Майк Фостер. Продавец оторопело застыл.

— Что-что?

— Отец говорит, что это пустая трата денег. Он говорит, что людей просто пугают, чтобы заставить их покупать ненужные вещи. Он говорит…

— Твой отец анти-Г?

— Да, — вздохнул Майк Фостер.

Продавец присвистнул.

— Ну ладно, парень. Жаль, что у нас ничего не получится. Ты не виноват. — Он помолчал немного и добавил: — А что это с ним? В НАТС-то он участвует?

— Нет.

Продавец тихо выругался. Вот он, паразит, живущий в безопасности потому, что все остальные отдают тридцать процентов своего дохода на систему обороны. В каждом городе, в каждом местечке находится горстка таких отщепенцев.

— А как к этому относится твоя мать? Они заодно?

— Она говорит… — Майк Фостер замолчал. —

Ну, можно я зайду? Хоть разок?

— Нет. Здесь демонстрационный зал, а не площадка для игр. — В продавце проснулось любопытство. — Интересно, как становятся анти-Г? Твой старик всегда придерживался таких взглядов, или его просто какая-то муха укусила?

— Он говорит, люди уже накупили достаточно автомобилей, посудомоечных машин и телевизоров. Говорит, что НАТС и бомбоубежища никому не нужны, однако заводы могут производить оружие и противогазы бесконечно, и, пока люди боятся смерти, они будут покупать все это. Он говорит, что человек в конце концов устает каждый год приобретать новые автомобили, но никогда не перестанет покупать новые бомбоубежища, чтобы обезопасить своих детей.

— Ты во все это веришь? — спросил продавец.

— Я хотел бы, чтобы у нас было убежище, — сказал Майк Фостер. — Если бы у нас было убежище, я бы спал в нем каждую ночь. И знал бы, что делать, когда оно понадобится.

— Может, войны и не будет, — произнес продавец. Он почувствовал страх мальчика, страх и растерянность, и доброжелательно ему улыбнулся. — Не стоит все время волноваться. Ты, наверное, слишком много смотришь видео —

брось, лучше поиграй.

— На поверхности небезопасно, — сказал Майк Фостер. — Нам надо быть внизу. А мне некуда пойти.

— Все-таки присылай сюда своего старика, — пробормотал продавец. — Вдруг удастся его уговорить. Может, в рассрочку… Пусть спросит Билла О'Нейли. Хорошо?

Майк Фостер медленно побрел прочь по темной вечерней улице. Он понимал, что надо идти домой, но налившиеся тяжестью ноги не слушались, тело ныло от усталости, а голова была как ватная. Накатившая усталость вызвала в памяти слова учителя физкультуры. Позавчера, во время занятий по задержке дыхания, когда ученики, набрав в легкие воздуха, бежали установленную дистанцию, Майк оплошал: остановился раньше всех и судорожно закашлялся, пытаясь отдышаться.

— Фостер, — сердито закричал учитель, — ты мертв! Понимаешь? Будь это настоящая газовая атака… — Он удрученно покачал головой. — Ступай и потренируйся дополнительно. С такой подготовкой тебе не выжить.

Но Майк и не надеялся выжить.

Когда он ступил на крыльцо дома, в гостиной

уже горел свет. Отчетливо доносился голос отца, чуть менее внятно слышались ответы матери из кухни. Майк закрыл за собой дверь и начал расстегивать пальто.

— Это ты? — спросил отец. Боб Фостер сидел в кресле, на коленях лежала груда отчетов из его мебельного магазина. — Ты где пропадал? Ужин давно готов.

Он снял пиджак, закатал рукава рубашки; руки были белые и тонкие, но мускулистые. Несмотря на усталость, он внимательно пробегал большими темными глазами документы, время от времени приглаживая редеющие волосы.

— Прости, — сказал Майк Фостер.

Отец взглянул на часы; пожалуй, единственный на свете человек, который до сих пор носил часы.

— Помой руки. — Он поднял глаза на сына. — Ты как-то странно выглядишь. Ничего не случилось?

— Я был в центре, — произнес Майк Фостер.

— Что ты там делал?

— Смотрел на убежище.

Отец взял стопку листов и раздраженно убрал ее в папку. Его тонкие губы сжались, лоб прорезали глубокие морщины.

Часть бумаг рассыпалась; он хмыкнул и, болезненно скривившись, нагнулся за ними. Майк, и не думая помочь, отдал пальто автоматическому гардеробщику. В комнату вошла мать, она катила перед собой столик с ужином. Они ели молча, сосредоточенно жуя и не глядя друг на друга. Наконец отец произнес:

— Ну и что ты там увидел? Все тот же старый хлам, я полагаю?

— Новинку. Модель 1972 года, — ответил Майк Фостер.

— Ничем не отличающуюся от модели семьдесят первого.

Отец со злостью отбросил вилку; столик поймал ее и поглотил.

— Чуть больше мишуры, чуть больше хрома. — Он с вызовом посмотрел на сына. — Разве не так?

Майк Фостер угрюмо ковырял вилкой цыпленка.

— У новой модели незастревающий лифт. В него нужно лишь зайти — потом можешь ни о чем не беспокоиться.

— А в следующем году появится модель, которая сама будет приглашать тебя в кабину!.. Все эти новинки мгновенно стареют, стоит только

их купить. Этого-то они и добиваются — чтобы ты все время покупал, все время! 1972 год еще не наступил. Неужели им так не терпится?

Майк Фостер молчал. Он слышал все это уже тысячу раз. Отец спорил громко, страстно, но неубедительно.

— Давай тогда купим старую модель, — выпалил Майк. — Мне все равно, сойдет любая. Даже подержанная.

— Не-ет, ты хочешь непременно новую — хромированную и блестящую, чтобы похвалиться перед соседями. Уйма верньеров, переключателей и кнопок… Сколько же такая стоит?

— Двадцать тысяч.

Отец с шумом выпустил воздух.

— Вот так, да?

— Можно платить в рассрочку!

— Ну да — всю свою жизнь… Какую дают гарантию?

— Три месяца.

— А потом они прекращают очищать и обеззараживать. Ломаются, как только истекает срок гарантии.

Майк покачал головой:

— Нет. Они большие и прочные.

К лицу отца прилила кровь. Он был низкорос-

лый, хрупкий на вид. Перед его глазами вдруг пронеслась вся нелегкая жизнь — утраченные иллюзии, потери и поражения; экономия, экономия и еще раз экономия, сцепить зубы и держаться за то, что есть: семья, работа, жалкие гроши; упрямо карабкаться наверх, пройти весь путь от продавца до управляющего и наконец владельца…

— Нас специально запугивают — лишь бы не было спада производства! — закричал он на жену и сына. — Лишь бы не допустить еще одной депрессии!

— Боб, — медленно и тихо произнесла жена, — прекрати. Я больше не выдержу.

Боб Фостер моргнул и тут же обмяк, сник.

— Ты о чем? — пробормотал он. — Я просто устал. Проклятые налоги, обложили так, что не продохнуть. Если не пойдешь на поклон в какую-нибудь крупную компанию, тебе не продержаться. Хоть бы закон приняли… Пожалуй, я больше есть не хочу. — Он отодвинул тарелку и встал из-за стола. — Пойду прилягу.

Рут вспыхнула.

— Ты должен купить убежище! Я не могу больше слышать эти разговоры! Соседи, торговцы, все вокруг, куда ни пойдешь, с кем ни встретишься!.. С того самого дня, когда нам дали флаг. Еще бы —

последний анти-Г в городе! Кругом враги, в небе летают эти штуки… Все покупают убежища — все, кроме нас!

— Нет, — сказал Боб Фостер. — Я не могу.

— Почему?!

— Потому, — просто ответил он, — что у нас нет денег.

— Ты вложил в свой проклятый магазин последние гроши, — немного помолчав, устало произнесла Рут. — И все равно он прогорает. Кому нужна сейчас деревянная мебель? Ты осколок прошлого… Реликт.

Она ударила кулаком по столу, тот подскочил, словно испуганный зверек, и помчалась на кухню, гремя тарелками в посудомойке.

Боб Фостер устало вздохнул.

— Давай не будем ссориться. Я в гостиной — вздремну часок, потом поговорим.

— Всегда «потом», — с горечью произнесла Рут. Ее муж исчез в гостиной — маленький сутулый человек с всклокоченными седыми волосами, поникшие плечи — будто перебитые крылья.

Майк встал.

— Пойду готовить уроки, — сказал он со странным выражением на лице и последовал за отцом.

В гостиной было тихо и спокойно — визор выключен, освещение притушено. Рут хлопотала на кухне — задавала плите программу на следующий месяц. Боб Фостер, скинув тапочки и положив под голову подушку, лежал на диване. Его лицо было серым от усталости. Майк на секунду замялся.

— Можно мне кое о чем тебя попросить?

Отец хмыкнул сквозь сон и открыл глаза.

— Ну?

Майк присел рядышком.

— Расскажи, пожалуйста, снова, как ты дал совет Президенту.

— Не давал я ему никакого совета. Я просто говорил с ним.

— Все равно.

— Рассказывал ведь тысячу раз!.. Ты был тогда совсем малышом. — Нахлынули воспоминания, и голос отца стал мягче. — Совсем малышом — я держал тебя на руках.

— Как он выглядел?

— Ну, — начал отец, впадая в привычную рутину отработанного за многие годы рассказа, — выглядел он совсем как на экране визора — только, может быть, немного поменьше.

— Зачем он к нам приехал? — живо спросил

Майк, хотя знал все детали. Президент был его кумиром. — Проделал такой путь в наш город?

— Президент совершал турне, — в голосе отца прозвучала горечь, — ну и заглянул по дороге.

— А что за турне?

— Объезжал страну, смотрел, как мы живем: достаточно ли у нас бомбоубежищ, вакцин, противогазов и ракет, чтобы отразить нападение. Тогда в «Дженерал Электроникс» только начинали разворачивать большие салоны и специализированные магазины — яркие, дорогие. Наконец-то — домашние средства защиты для индивидуального пользования! — Губы отца искривились. — И все можно купить в рассрочку… Рекламы, афиши, подсветка, бесплатный цветок для каждой посетительницы.

— В тот день нам дали флаг Готовности, — мечтательно произнес Майк Фостер. — Он приехал к нам, чтобы вручить флаг Готовности, который подняли на флагштоке в самом центре города. И все там собрались, кричали и радовались.

— Ты помнишь?

— По-моему… Помню толпу и многоголосье. И еще жару. Это ведь был июнь?

— Да, десятое июня… Великий день. В ту пору немногие города получали флаг Готовности. Лю-

ди еще покупали машины и телевизоры; они еще не понимали, что позади осталась целая эпоха. Телевизоры и машины действительно нужны — их нельзя производить и продавать бесконечно.

— Он именно тебе дал флаг, да?

— Ну, он дал его нам, коммерсантам. Все устроила Торговая палата. Этакое соревнование между городами — кто быстрее и больше купит. Конечно, нам это преподносили под иным соусом — мол, если мы купим средства защиты на свои деньги, то бережнее будем с ними обращаться. Словно мы когда-нибудь портили телефонные провода, тротуары или дороги только потому, что ими обеспечивало государство. Взять, к примеру, армию. Армия всегда обеспечивалась из государственного бюджета. Но оборона слишком дорого обходится. И правительство здорово сэкономило на наших кошельках, уменьшило национальный долг.

— Что он сказал? — спросил Майк шепотом.

Отец нашарил трубку и раскурил ее слегка дрожащими руками.

— Он сказал: «Вот ваш флаг, ребята. Вы славно потрудились!» — Боб Фостер поперхнулся, неловко вдохнув облако едкого табачного дыма. — Президент был краснолицый, загорелый

и без следа смущения; он вспотел и улыбался. Умел подать себя, многих знал по именам, громко шутил.

Глаза мальчика восторженно расширились.

— Президент из самой столицы приехал к нам, и ты с ним разговаривал!

— Да, — подтвердил отец, — разговаривал. Все кричали, приветствуя его. Подняли флаг — большой зеленый флаг Готовности.

— Ты сказал…

— Я сказал ему: «И это все, что вы нам привезли? Кусок зеленой материи?» — Боб Фостер глубоко затянулся. — Тогда-то я и стал анти-Г. Только в то время я этого еще не понимал, а понял лишь, что нас бросили на произвол судьбы с куском зеленой материи в руках. Вместо того чтобы быть единой страной, единой нацией, единым народом в сто семьдесят миллионов человек, которые сообща могли бы позаботиться о своей обороне. И вместо всего этого — множество отдельных городов, обнесенных крепостными стенами. Мы скатываемся к Средним векам. Сколачиваем местные дружины…

— А Президент еще вернется? — спросил Майк.

— Вряд ли. Он… просто ехал мимо.

— Если он вернется, — напряженно прошептал

Майк, не позволяя себе даже надеяться, — можно будет его увидеть? Хоть одним глазком?

Боб Фостер медленно сел. Его обнаженные худые руки казались неестественно белыми, в глазах читалась боль — и покорность судьбе.

— Сколько стоит эта проклятая штука? — спросил он хриплым голосом. — Твое ненаглядное бомбоубежище?

У Майка замерло сердце.

— Двадцать тысяч долларов.

— Сегодня четверг. В субботу мы с тобой и твоей матерью пойдем в магазин… Дела в эту пору обычно идут неплохо, люди покупают деревянную мебель на рождественские подарки. — Боб Фостер выколотил едва тлеющую трубку. — Договорились?

Майк не мог произнести ни слова; он только кивнул.

— Прекрасно, — сказал отец с напускной бодростью. — Больше тебе не надо будет слоняться по центру, глазея на витрины.

* * *

Убежище установили — за дополнительную плату в двести долларов — сноровистые рабочие в фирменных спецовках «Дженерал Электроникс».

Двор привели в порядок, землю разровняли, счет с должным почтением оставили под дверью. Огромный пустой грузовик с грохотом укатил вниз по улице, и воцарилась тишина.

Майк Фостер с матерью и небольшой группой восхищенных соседей стояли на пороге дома.

— Ну, — промолвила наконец миссис Карлайл, — теперь у вас есть убежище. Самое лучшее.

— Да, это так, — согласилась Рут Фостер. Она очень остро чувствовала присутствие окружающих — уже давно в их доме не собиралось так много людей. Ее переполняло мрачное удовлетворение, почти злорадство. — Совсем другое дело.

— Ну! — подал голос мистер Дуглас. — Теперь у вас есть куда пойти. — Он взял в руки оставленную рабочими толстенную книгу — «Инструкцию по эксплуатации» — и, открыв первую страницу, с восхищением покачал головой. — Здесь сказано, что при надлежащем обеспечении убежище гарантирует жизнедеятельность семьи на протяжении года. Целый год можно не подниматься наверх!.. У меня модель трехлетней давности, там больше шести месяцев не протянешь. Я вот думаю, может…

— Для нас вполне достаточно, — вмешалась его

жена, однако в ее голосе звучала неприкрытая зависть. — А можно спуститься вниз взглянуть, Рут?

Майк издал сдавленный звук и судорожно дернулся вперед.

Его мать понимающе улыбнулась.

— Он должен спуститься первым.

Стоя на прохладном сентябрьском ветру, группа мужчин и женщин молча наблюдала, как мальчик нерешительно подходит к шлюзовой камере.

Он вошел в убежище осторожно, словно боясь чего-нибудь коснуться. В шлюзовой камере, рассчитанной на взрослого, было просторно. Лифт под тяжестью тела скользнул вниз с едва слышным вздохом и закачался на амортизаторах, а когда Майк ступил в сторону, рванулся наверх, стальной пробкой надежно закупоривая горловину убежища.

Автоматически включился свет. Еще не оснащенное припасами, убежище казалось пустым. Оно пахло краской и машинным маслом; где-то под полом тихо гудели генераторы. Едва Майк вошел, включилась система воздухоочистки. На голой бетонной стене ожили шкалы и счетчики.

Майк, широко раскрыв глаза, сел на пол, об-

хватил колени руками; его лицо было серьезным и торжественным. Кроме шума генераторов, в убежище не доносилось ни звука. Здесь человеку ничего не угрожало. Все, что нужно, было в пределах досягаемости — или вскоре будет: вода, пища, воздух. Чего еще желать? Протяни руку — и коснешься… ну, всего, что только может потребоваться. Здесь можно оставаться вечно, ни о чем не тревожась, не шевелясь. Никакой нужды, никакого страха, только тихое урчание генераторов, надежные, чуть теплые стены со всех сторон…

Внезапно Майк торжествующе закричал. От пронзительного вибрирующего звука загудело в голове. Он плотно сомкнул веки и сжал кулаки. Его переполняла отчаянная радость. Он снова закричал — и с блаженством погрузился в громовые раскаты собственного голоса, усиленного замкнутым пространством.

В школе все стало известно еще до его прихода, ранним утром. Майка приветствовали улыбками и толчками.

— Правда, что твои старики купили самую последнюю модель «Дженерал Электроникс»? — спросил Эрл Питерс.

— Конечно, правда, — уверенно ответил Майк,

переполненный неведомым ему прежде чувством собственного достоинства. — Заходите как-нибудь, — добавил он самым небрежным тоном. — Я вам покажу.

И пошел дальше, спиной чувствуя завистливые взгляды.

— Ну, Майк, — окликнула его после занятий миссис Каммингс, — как дела?

— Хорошо, — произнес он робко и в то же время с гордостью.

— Говорят, твой отец вступил в НАТС?

— Да.

— Ты получил пропуск в наше школьное убежище?

Со счастливой улыбкой Майк показал узенькую цепочку вокруг запястья.

— Отец отправил в муниципалитет чек — за все. Он сказал: «Раз уж я на это решился, надо идти до конца».

— Я рада за тебя, — ласково улыбнулась учительница. — Теперь ты… теперь ты — как все.

С раннего утра информмашины истерично выкрикивали последнюю новость: у Советов появились бурительные снаряды.

Боб Фостер стоял посреди гостиной, пунцовый от бешенства и отчаяния, и размахивал свежей

газетой.

— Черт побери, это заговор! — Его голос сорвался на крик. — Мы только купили эту штуку, а теперь погляди! Нет, ты погляди! — Он затряс газетой перед лицом жены. — Ну, что скажешь? Я предупреждал!

— Заговор?! Заговор?! — в ответ закричала Рут. — Господи, Боб, да оружие всегда совершенствовалось! На прошлой неделе были ядовитые хлопья, на этой — бурснаряды… Или тебе думалось, что колесница прогресса остановится — потому что ты наконец сдался и купил бомбоубежище?

Некоторое время они испепеляли друг друга взглядами; потом Боб Фостер вздохнул и тихо произнес:

— Что нам делать?

Рут повернулась и вновь исчезла на кухне.

— Я слышала, — донесся ее голос, — готовится выпуск адаптеров.

— Адаптеров? Каких еще, к черту, адаптеров?

— Чтобы людям не приходилось покупать новые бомбоубежища. Я видела специальный рекламный выпуск. В магазинах появятся специальные металлические сетки — уже ведутся испытания. Сетку расстилают по земле, и она

перехватывает бурснаряды: те взрываются на поверхности, не добравшись до убежища.

— Сколько это стоит?

— Пока неизвестно.

Майк Фостер сидел сгорбившись на диване. Он узнал о новостях в школе. У них была контрольная работа по ботанике, как отличить съедобные лесные ягоды от несъедобных, когда звонок известил об общем собрании в актовом зале. Директор прочитал информационное сообщение, а затем дополнил его лекцией о некоторых приемах неотложной медицинской помощи заболевшим новым, недавно появившимся видом тифа.

Родители продолжали спорить.

— … должны купить обязательно, — спокойно говорила Рут Фостер. — Иначе все равно, есть у нас убежище или нет. Эти бурснаряды зарываются в землю и ищут тепло. Как только русские запустят их в производство…

— Я куплю, — сказал Боб Фостер. — Я куплю эту металлическую сеть и что там у них еще будет. Я куплю все, что они выбросят на рынок. Я никогда не перестану покупать.

— Не сгущай краски.

— Знаешь, это куда умнее, чем заставлять людей покупать машины и телевизоры. Такие

вещи мы просто обязаны покупать. Не купишь — умрешь. Ведь известно: чтобы вещь продавалась, надо создать в ней нужду. Всели в человека чувство неуверенности: тверди ему, как странно он выглядит и как дурно пахнет. Но по сравнению с этим реклама всяких там дезодорантов или лосьонов — детская забава! Идеальный стимул: покупай новенькое, сверкающее бомбоубежище фирмы «Дженерал Электроникс» — или тебя убьют!

— Не смей так говорить! — крикнула Рут. Боб Фостер тяжело опустился на стул.

— Хорошо, сдаюсь.

— Так ты купишь? Я думаю, они появятся в магазинах к Рождеству.

— О да, — сказал Боб Фостер. — К Рождеству они появятся. — На его лице было странное выражение. — Я куплю эту чертову сеть. И ее будут покупать все остальные.

В канун Рождества самым ходовым товаром была стальная антибурснарядная сетка производства «Дженерал Электроникс». Майк Фостер медленно брел по вечерним улицам. В каждой витрине сверкали адаптеры — всех форм и размеров, для любых видов убежищ, для любых кошельков. Взбудораженные наступающим

Рождеством, нагруженные покупками, люди добродушно толпились у прилавков. Валил снег. По запруженным дорогам осторожно пробирались машины. Всюду переливались яркие неоновые огни.

Дом Майка Фостера был молчалив и погружен во тьму. Родители до сих пор работали в магазине. Дела шли плохо, матери пришлось занять место одного из продавцов. Майк поднес руку к кодовому замку, и дверь распахнулась. Благодаря автоматическим обогревателям в доме было тепло и уютно. Майк снял пальто, положил учебники на стол и с радостно колотящимся сердцем вышел на темное крыльцо заднего дворика.

Он заставил себя остановиться, постоял на крыльце и снова вошел в дом. Лучше не спешить. Посещение убежища стало выверенной до мелочей торжественной процедурой. Майк превратил его в произведение искусства — ни одного лишнего движения, все плавно, отточено, красиво. Сперва ошеломляющее чувство присутствия, которое захлестывает в бутылочном горлышке шлюзовой камеры. Затем стремительный… нет, головокружительный спуск лифта.

И наконец — поразительное величие самого убежища.

Каждый день, приходя из школы, Майк укрывался в этой стальной тишине. Теперь помещение вовсе не было пустым: бесконечные ряды консервных банок, подушки, книги, видеоленты, аудиокассеты, картинки на стенах, даже вазы с цветами. Свернись в клубок и успокойся, окруженный всем необходимым.

Растягивая удовольствие, Майк вернулся в дом и стал перебирать аудиоленты. Сегодня он посидит в убежище до обеда, слушая «Ветер в ивах». Родители знают, где его искать. Два часа ничем не омраченного счастья. Иногда по ночам, когда родители крепко спали, Майк тихонько вставал, выскальзывал во двор и спускался в темную утробу убежища — укрыться до утра.

Он нашел кассету и снова выскочил на крыльцо. Небо было тускло-серым, с пятнами уродливых черных туч; сквозь холодную плотную завесу едва просачивались огни города. Майк спустился по ступеням… и застыл.

Посреди двора зияла огромная яма — задранный вверх беззубый рот. Убежище исчезло.

Долго он стоял так, одной рукой сжимая кассету, другой судорожно вцепившись в перила. Наступил вечер, мертвая дыра исчезла во мгле. Весь мир постепенно превратился в абсолютную

тишину и мрак. На небе показались звезды, в соседних домах зажегся свет — неверный и холодный. Мальчик не видел ничего. Он замер, окаменел на месте, все еще глядя в сторону ямы, где прежде было убежище.

Потом рядом появился отец.

— Ты давно здесь стоишь? Давно? Майк, отвечай мне!

Майк вздрогнул.

— Ты сегодня рано, — пробормотал он.

— Спешил. Хотел вернуться к тому времени, как ты… придешь домой.

— Его нет.

— Да. — Голос отца звучал бесстрастно, холодно. — Убежища нет. Прости, Майк. Я позвонил в магазин и попросил его забрать.

— Почему?

— Нам не расплатиться. Под это Рождество все покупают одни только адаптеры. Я не могу выдержать конкуренции. — Отец помолчал, затем с горечью добавил: — О, они повели себя очень достойно — вернули мне половину внесенных денег. — Голос наполнился иронией. — Лучше было покончить с этим до Рождества. Они смогут продать его еще кому-нибудь.

Майк молчал.

— Постарайся понять, — с трудом продолжал отец. — Все деньги, которые мне удается наскрести, я должен вкладывать в магазин. Иначе нам не продержаться. Одно из двух: магазин или убежище. А если отказаться от магазина…

— Тогда мы вообще всего лишимся.

Отец взял его за руку.

— И убежища тоже. — Тонкие сильные пальцы нервно вздрагивали. — Ты уже не маленький, должен понять. Позже мы обязательно купим — может быть, не самое новое, не самое дорогое, но купим обязательно. Это было ошибкой. Нам оно не под силу — сейчас, когда все очертя голову покупают одни только адаптеры. Однако я не отказываюсь от уплаты взносов в НАТС, ты не будешь изгоем. Дело не в принципе! — В голосе Боба Фостера зазвучало отчаяние. — Ты понимаешь, Майк? У меня не было другого выхода!

Майк вырвал руку.

— Куда ты? — Отец рванулся следом. — Вернись!

В темноте он споткнулся, упал и ударился головой об угол дома. Когда в глазах прояснилось, двор был пуст. Сын ушел.

— Майк! — закричал Боб Фостер. — Где ты?

Ответа не было. Лишь с тоскливым свистом

налетали холодные порывы ночного ветра, поднимавшего в воздух колючие снежинки. Ветер, снег, темнота — и ничего больше.

Билл О'Нейли устало взглянул на настенные часы. 9.30. Наконец можно закрывать магазин. Выпроводить шумные толпы покупателей наружу и самому идти домой.

«Слава богу!» — выдохнул он про себя, открывая дверь перед последней посетительницей — пожилой дамой, нагруженной пакетами и коробками. Потом Билл задвинул кодовый засов, опустил стальные шторы.

— Ну и народищу! Что-то не припомню подобного наплыва!

— Все, — сказал из-за кассы Эл Коннерс. — Я сосчитаю выручку, а ты обойди магазин, посмотри, чтобы никого не осталось.

О'Нейли ослабил узел галстука, с удовольствием закурил сигарету и двинулся по торговому залу, проверяя выключатели, убирая лишнее освещение. Подойдя к центральному образцу — огромному бомбоубежищу, — он вскарабкался по лесенке к горловине, ступил в тамбур шлюзовой камеры, и лифт с едва слышным вздохом опустил его вниз.

Прижавшись к стене и свернувшись в тугой

клубок, в углу съежился Майк Фостер. Он подтянул колени к подбородку, обхватил ноги своими тонкими руками и так низко опустил лицо, что видны были только взъерошенные каштановые волосы. Он и не шевельнулся, когда подошел ошеломленный продавец.

— Господи, — воскликнул О'Нейли, — тот самый мальчишка!

Майк ничего не ответил, лишь еще глубже зарылся лицом в колени.

— Какого черта ты здесь сидишь? — воскликнул О'Нейли. — Твои родители ведь купили бомбоубежище! — Потом он вспомнил. — Ах да, нам пришлось его забрать…

Из лифта вышел Эл Коннерс.

— Я готов, можно идти… — Он увидел Майка и остолбенел. — Как он сюда забрался? Гони этого шалопая прочь!

— Пойдем, парень, — тихо произнес О'Нейли. — Пора домой.

Майк не шевельнулся.

Продавцы растерянно переглянулись.

— Придется его вынести, — мрачно сказал Коннерс, снял пальто и бросил его на блок очистки воздуха. — Давай-ка покончим с этим.

Они еле-еле справились. Мальчик сопротив-

лялся отчаянно, кусаясь, царапаясь, лягаясь… И все беззвучно. Его с трудом втащили в лифт и прижали к полу. Наконец подъемный механизм сработал. Потом продавцы из последних сил дотащили мальчишку до выхода из магазина и вышвырнули наружу, тут же закрыв дверь на засов.

— Фу-у, — выдохнул Коннерс, устало привалившись к прилавку. Рукав его рубашки был порван, щека поцарапана, очки повисли на одной дужке. — Может, вызвать полицию? По-моему, парень не в себе.

О'Нейли стоял у двери, глядя на улицу. Было видно, что мальчик сидит на тротуаре.

— Он все еще здесь, — пробормотал О'Нейли.

Прохожие безразлично обходили мальчика; но вот один из них остановился и поднял его на ноги. Мальчишка вырвался и исчез в темноте.

Прохожий собрал свои пакеты, постоял в растерянности, наконец пошел дальше. О'Нейли отвернулся, громко вздохнув. Хорошая была драчка!..

— Что случилось с этим парнем? Он ведь и слова не вымолвил!

— Рождество — чертовски неудачное время для того, чтобы забирать неоплаченный товар, —

произнес О'Нейли и дрожащей рукой потянулся к пальто. — Скверное дело. Жаль, что они не могли его себе оставить.

Коннерс пожал плечами.

— Нет денег — не покупай.

— Почему бы нам не пойти навстречу таким людям? Может быть, — О'Нейли с трудом заставил себя сформулировать непривычную мысль, — может быть, продавать им не в рассрочку, а сразу?

Коннерс бросил на него строгий взгляд.

— Ты что говоришь? Тогда никто не захочет покупать в рассрочку! А делать исключение — несправедливо... Кроме того, долго ли мы после этого протянем? Долго ли протянет «Дженерал Электроникс»?

— Пожалуй, недолго, — мрачно согласился О'Нейли.

— Ну!.. — Коннерс нервно засмеялся. — Знаешь что, давай-ка выпьем. У меня в подсобке бутылочка «Хейга». Пропустим по рюмочке для согрева — сразу полегчает.

Майк Фостер понуро брел по вечерним улицам среди толп спешащих домой покупателей. Его толкали со всех сторон, но мальчик не обращал на это внимания. Свет, вспышки рекламы, смех прохожих, гудки машин — Майк механически

переставлял ноги, ничего не видя и не слыша.

Справа замерцала и вспыхнула неоновая вывеска — яркая, большая, красочная:

МИР – ЗЕМЛЕ, СЧАСТЬЕ – ЛЮДЯМ ОБЩЕСТВЕННОЕ УБЕЖИЩЕ, вход – 50 центов

Унылый незнакомец

Название рассказа: Унылый незнакомец (The Hanging Stranger)

Название эпизода сериала: У.В.Д. (Kill All Others)

Рассказ впервые издан в журнале Science Fiction Adventure за декабрь 1953 года

Ровно в пять Эд Лойс привел себя в порядок, набросил пальто, надел шляпу, вывел из гаража машину и поехал в свой магазин (Эд торговал телевизорами). Он чувствовал себя порядочно уставшим: шутка сказать, сколько земли в подвале перекопано! А сколько он вывез на тачке за задний двор! Спина и руки болели. Но для такого возраста — Эду уже перевалило за сорок — нагрузка приличная, что и говорить. Дженет на сэкономленные деньги купит новую вазу. Плюс ему нравилось заниматься ремонтом фундамента.

Темнело. В длинных лучах заходящего солнца мельтешили прохожие — все как один усталые и мрачные: нагруженные пакетами и сумками женщины, перетекающие из университета домой

толпы студентов, служащие, бизнесмены и легкомысленно одетые секретарши. Эд остановился на красный, потом повел свой «Паккард» дальше. Магазин прекрасно работал и без него — стоило приехать лишь для того, чтобы подменить кого-нибудь на время ужина, просмотреть отчетность. Возможно, он сам закроет пару сделок. Машина катилась мимо маленького островка зелени посреди улицы — местный парк. Напротив «Телевизоры Лойса: продажа и сервис-центр» не нашлось ни одного свободного места, Эд выругался и развернулся. И снова проехал мимо крохотного безлюдного скверика, оставляя за спиной питьевой фонтанчик, пустую скамейку и торчащий надо всем фонарь.

С фонаря, кстати, что-то свисало. Что-то такое темное, бесформенное. Какой-то тюк, что ли? Штука легонько покачивалась на ветру. Манекен?.. Лойс опустил окно и высунулся, чтобы рассмотреть загадочный предмет. Да что это, черт побери? Реклама какая-то? Торговая палата время от времени что-нибудь вывешивала в сквере…

Он снова развернулся и снова проехал мимо — сейчас он непременно разглядит эту непонятную штуку. Нет, не манекен. Да и на рекламу не очень-то похоже. Эд почувствовал, как волосы на

загривке встают дыбом, и с трудом сглотнул. По рукам и по шее потек пот.

С фонаря свисало тело. Человеческое тело.

* * *

— Ты только посмотри на это! — гаркнул Лойс. — А ну-ка, давай, давай, выходи!

Дон Фергюссон медленно и с достоинством выплыл из магазина, на ходу застегивая пиджак в полосочку.

— Эд, что-то важное? Действительно важное? Я не могу оставить магазин на помощника.

— Ты это видел? — И Эд ткнул пальцем в сгущающуюся темноту. Фонарь отчетливо вырисовывался на фоне закатного неба — столб, перекладина и болтающийся на ней тюк. — Вон там вон. Какого… вы что, с ума все посходили? Сколько оно там уже висит? И все преспокойно мимо идут, как будто так и надо!

Дон Фергюссон медленно раскурил сигарету.

— Слушай, ну чего ты всполошился? Оно ж не без причины висит. Я уверен в этом, сто процентов.

— Не без причины? Да какая тут может быть причина, Дон?!

Фергюссон пожал плечами:

— Ну, помнишь, как Комитет по безопасности движения битый «Бьюик» выставил? Типа как предупреждение гражданам? Может, это в том же духе штука, мне откуда знать…

К ним подошел Джек Поттер из обувного магазина:

— Что случилось?

— Да вон там тело на фонаре висит, — сказал Лойс. — Пойду полицию вызову.

— Да они наверняка уже в курсе, — заметил Поттер. — Иначе бы уже давно сняли.

— Так, мне пора за прилавок, — строго сказал Фергюссон и направился обратно в магазин. — Сначала дело, потом удовольствие.

Лойса затрясло:

— Нет, ты это видел? Смотри! Там — висит — тело! Человек там мертвый висит на столбе!

— Конечно, видел, Эд! Я его еще после обеда первый раз увидел — как раз когда выходил кофейку попить.

— Так он что, с самого обеда там болтается?

— Ну да. А что такого? — Поттер коротко взглянул на часы. — Ладно, Эд, извини, мне пора. До скорого.

И Поттер быстро зашагал прочь, мгновенно замешавшись в толпу людей, вяло текущую по

тротуару. Мужчины, женщины — все они шли мимо сквера. Некоторые с любопытством взглядывали на раскачивающийся тюк — и уходили дальше. Никто не остановился. Никто ничего не говорил, не обращал никакого внимания.

— Я, наверное, рехнусь сейчас, — пробормотал Лойс.

Быстро соскочил с бордюра и пошел прямо через проезжую часть, лавируя между сердито гудящих машин. Добрался до противоположного тротуара и ступил на зеленую травку сквера.

Тело принадлежало мужчине среднего возраста. Серый строгий костюм разодран в нескольких местах, на ткани пятна засохшей грязи. Лицо незнакомое. Лойс никогда его не видел. Не местный. Труп висел спиной к Лойсу, но вечерний ветерок качнул тело, и оно тихонько развернулось. Кожу словно когтями полосовали — в глубоких царапинах запеклась кровь. С уха жалостно болтались изломанные очки в стальной оправе. Глаза вылезли из орбит, язык, посиневший и распухший, вывалился изо рта.

— Силы небесные, — пробормотал Лойс, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Он сглотнул, потом сглотнул снова — и пошел обратно к тротуару.

Его трясло от отвращения — и страха.

Почему?! Как так вышло? Кто этот человек? Почему он висит здесь? Что все это значит?

И почему никому до этого нет ровно никакого дела?

Эд нечаянно налетел на бежавшего по тротуару человечка.

— Смотрите, куда идете! — проскрипел тот. И тут же охнул: — Батюшки, Эд, а я тебя так сразу и не узнал!

Эд кивнул — в голове стоял туман, мысли путались.

— Привет, Дженкинс.

— Что-то случилось? — Дженкинс служил в соседнем писчебумажном магазине. Он заботливо подхватил Эда под руку. — Ты неважно выглядишь…

— Там тело. В парке.

— Конечно-конечно, Эд. — Дженкинс бережно отвел его под вывеску «Телевизоров Лойса». — Ты, главное, не волнуйся.

Из ювелирного вышла Маргарет Хендерсон и присоединилась к ним:

— Помощь нужна?

— Да вот, Эду стало плохо.

Лойс вырвался из их рук:

— Да как вы… как вы можете вот так стоять и смотреть? Вы что, ничего не видите? Боже правый…

— О чем это он? — опасливо поинтересовалась Маргарет.

— Да о теле! — заорал Эд. — Там тело висит! На фонаре!

Вокруг них уже собралась небольшая толпа.

— Ему что, плохо? Да это же Эд Лойс! Эд, ты как?

— Те-ло! — заорал Эд на пределе легких и стал проталкиваться сквозь толпу.

Его хватали за локти, он вырывался.

— Да пустите же вы меня! Полиция! Вызовите полицию!

— Эд…

— Доктору, доктору звоните, ему срочно нужен доктор!

— Заболел?

— Какое, напился небось…

Лойс выдрался из круга гомонящих людей. Споткнулся и едва удержался на ногах. Перед глазами все плыло, каруселью вертелись лица — любопытные, озабоченные, встревоженные. Мужчины и женщины останавливались посмотреть, что случилось. Он принялся проталкиваться

ко входу в свой магазин — за стеклом Фергюссон спокойно разговаривал с каким-то джентльменом, демонстрируя возможности телевизора марки «Эмерсон». Пит Фоли за стойкой сервис-центра подключал новый «Филко». Лойс заорал из последних сил — но его голос потонул в реве машин и гомоне толпы вокруг.

— Да сделайте же что-нибудь! — вопил он. — Не стойте просто так! Сделайте что-нибудь, говорю вам! Тут несчастье! Беда! Беда надвигается, вы что, не видите?!

Люди мгновенно расступились — к Лойсу четко и быстро продвигались двое высоких широкоплечих полицейских.

— Имя-фамилия? — буркнул полицейский с блокнотом.

— Лойс, — устало ответил он, промакивая лоб платком. — Эдвард С. Лойс. Послушайте. Вон там…

— Адрес постоянного проживания? — строго спросил полицейский.

Полицейский автомобиль быстро продвигался в потоке машин, то и дело кого-то обгоняя. Лойс бессильно откинулся на сиденье. Ему было как-то не по себе. Он сделал глубокий вдох и почувствовал, что все еще дрожит.

— Херст-роуд, 1368.

— Это где-то здесь, в Пайквилле?

— Да, сэр. — И Лойс с отчаянным усилием заставил себя выпрямиться. — Выслушайте меня! Там. В парке. На фонаре. Висит…

— Могу я знать, где вы сегодня были? — спросил полицейский, который вел машину.

— Где я был?.. — эхом отозвался Лойс.

— Вас же не было в магазине, правда?

— Нет, — он покачал головой. — Я был дома. В подвале.

— В подвале?!

— Ну… я… копал. Копал яму для нового фундамента. Землю копал и вывозил наружу. Чтобы потом залить контур цементом. А что? И какое это имеет отношение к…

— Кто-нибудь находился в доме вместе с вами?

— Нет. Жена поехала в город. Дети в школе. — Лойс посмотрел сначала на одного здоровяка в полицейской форме, потом на другого. И тут в его взгляде зажглась надежда — почти безумная. — Так вот оно что… Вы хотите сказать, что поскольку я сидел дома, то пропустил… объяснение? Что его все уже узнали, а я все пропустил?

Помолчав, полицейский с блокнотом наконец проговорил:

— Именно так. Вы пропустили объяснение.

— В таком случае это… официально? В смысле, тело должно висеть там, где висит?

— Да, сэр, оно должно висеть там, где висит. Оно выставлено на всеобщее обозрение.

Эд Лойс вымученно улыбнулся:

— Ну слава тебе господи. А я-то, наверное, наворотил дел. Поддался, как говорится, влиянию момента, не имея полной информации. Просто я подумал — ну мало ли что случилось. Знаете, может, это ку-клукс-клан сделал. Или там кто-то кого-то убил. Коммунисты там или фашисты — ну вы меня понимаете. — И он еще раз промакнул лицо платочком из нагрудного кармана. Руки все еще заметно дрожали. — Я рад, что здесь нет никакого подвоха.

— Нет, сэр, никакого подвоха здесь нет. — Полицейская машина подъезжала к зданию суда. Солнце уже село. Улицы затапливали темнота и мрак.

Фонари еще не зажглись.

— Мне уже получше, — сказал Лойс. — Я там немного разволновался. Переполошил всех, одним словом. Ну а теперь-то все разъяснилось, правда? Может, не будем ехать в участок?

Полицейские молчали.

— Мне вообще-то нужно обратно в магазин. Да и дети еще не ужинали. Я все понял. Кричать, шуметь больше не буду. Так зачем, спрашивается, нам…

— Это ненадолго, — перебил его полицейский, который вел машину. — Быстро управимся. Раз, два — и готово.

— Ну, быстро так быстро, — пробормотал Лойс.

Машина притормозила перед светофором.

— Я, наверное, много шуму поднял и все такое. Глупо, конечно, и чего это на меня нашло…

Лойс резко распахнул дверь, рыбкой бросился на мостовую и перекатился на ноги. Машины трогались с места — зажегся зеленый. Лойс сиганул на тротуар и помчался прочь, уворачиваясь от встречных прохожих. За спиной слышались вопли и топот ног.

Это не полицейские! Он это сразу понял. Местных пайквилльских полицейских он знал наперечет — двадцать пять лет держал в городе магазинчик, часто приходилось пересекаться. Поэтому полицейских он знал в лицо — всех до единого.

А эти — не полицейские. И никакого объяснения случившемуся в сквере нет! Поттер, Фергюссон, Дженкинс — они не знали, почему

оно там. Не знали — и знать не хотели. А вот это — странно. Очень странно!

Лойс нырнул в скобяной магазин, пронесся мимо ошалевших продавцов и покупателей, влетел в складское помещение и вылетел с черного входа. Чуть не перекинувшись через мусорный контейнер, он взбежал вверх по бетонной лестнице, перелез через забор, спрыгнул с другой стороны и прислушался, задыхаясь и держась за грудь.

За спиной не кричали и не бежали. Отлично — ему удалось оторваться.

Он стоял в устье переулка — темного, замусоренного. Под ногами валялись доски, обрывки картона, брошенные шины. Переулок вел к улице — там как раз замигали и включились фонари. По тротуару шли люди. Мужчины и женщины. Горели неоном вывески магазинов. Проезжали, бибикая, машины.

Пойдешь направо — выйдешь к полицейскому участку.

Участок совсем рядом. До жути близко. Прямо за грузовым подъездом бакалейной лавки белела цементная стена здания суда. Окна забраны решетками, над крышей — антенна. В густеющей тьме громада стены казалась еще выше. Опасное,

опасное место, нельзя здесь стоять, надо уходить, бежать, надо убраться от них подальше.

От… них? А кто такие они?..

Лойс крадучись пошел по переулку. За внушительным зданием участка умостилась мэрия — старинная, деревянная, поблескивающая позолоченной бронзой дверных оковок. Лестница широкая, цементная. Окна кабинетов темные, света нигде нет. По обеим сторонам от ступенек — клумбы и невысокие туи.

Все как обычно.

Нет.

Что-то не так. Что-то не так…

Над мэрией росло пятно тьмы. Черный конус мрака, темнее, чем окружающая ночь. Чернота над крышей устремлялась в непрогрядное небо и расползалась в ночи.

Он прислушался. О боже. Боже правый. Звук. Ему не чудится. В уши вползал звук, и Лойсу нестерпимо захотелось зажать уши, ничего не слышать и не помнить и не знать. Над мэрией гудело. Тихонько, приглушенно — как большой растревоженный улей.

Оцепенев от ужаса, Лойс поднял взгляд. Над зданием нависла клякса густой тьмы. Такой густой, что тьма казалась плотной. В черной во-

ронке что-то двигалось. Что-то мелькало. С неба пикировали… твари. На мгновение зависали над зданием мэрии — и беззвучно шлепались на крышу.

Твари. Мелькающие, мельтешащие, спускающиеся с небес. Прямо из черной расщелины над его головой.

Они. Он их все-таки увидел.

Лойс пригнулся, прячась за покосившийся заборчик. Не обращая внимания на грязную лужу под ногами, он неотрывно глядел в небо.

Они высаживались. Спускались группами, приземлялись на крышу мэрии и исчезали внутри. У них были крылья — прозрачные, как у гигантских насекомых. Они подлетали, зависали — а потом садились на крышу. И по-крабьи, бочком, переползали к карнизу и скрывались в здании.

Отвратительное — и одновременно завораживающее — зрелище. Задул холодный ночной ветер, Лойс поежился. Он устал и едва держался на ногах после всего пережитого. На лестнице мэрии стояли люди. Небольшими группками — а кто-то и по отдельности. А вот выходили они сразу по нескольку человек. Останавливались, словно пережидая, а потом спускались по ступеням — и шли себе дальше.

Сколько же их всего?

Это невозможно, невозможно. Такого не может быть! Из открывшейся в небе черной расселины спускались вовсе не люди. Оттуда появлялись пришельцы, жители иного мира, обитатели другого измерения. В оболочке мира открылась щель, она треснула, и оттуда поползло. В открывшуюся дыру полезли крылатые насекомые, совершенно чуждая форма жизни…

Группка людей на ступенях пришла в движение. Несколько человек пошли вниз, к ждущей у подножия лестницы машине. Один развернулся и зашагал обратно к дверям. А потом передумал и спустился вслед за остальными.

Нет. Не спустился. Лойс в ужасе прикрыл глаза. Перед глазами все завертелось, и он покрепче ухватился за хлипкую ограду. То, что только что выглядело как человек, в одно мгновение отрастило крылья, забило ими, как бабочка, и невесомо слетело с лестницы вслед за остальными. Опустилось на тротуар и смешалось с толпой.

Подделка. Подделка под людей, хитрая имитация. Это насекомые, способные принимать образ человека. Прямо как их земные сородичи — те тоже отличаются способностью к мимикрии. Ну да, защитный окрас, вот что это такое.

Лойс с трудом отцепился от забора. Заставил себя подняться на ноги. Вокруг окончательно стемнело. В переулке стояла чернильная ночь. Возможно, у них есть ночное зрение. Возможно, время суток им безразлично — они равно хорошо видят и при свете, и в темноте.

Он осторожно выбрался из переулка и пошел по улице. Мимо все так же текла толпа, шагали мужчины и женщины. Правда, прохожих стало не так много. На остановках ждали автобуса люди. А вот и он — огромный, взблескивающий во мраке огнями фар, неуклюже ползет к ним.

Лойс ускорил шаг. Решительно растолкав остальных, он влез внутрь и уселся на заднее сиденье — поближе к двери. Через мгновение автобус рыкнул двигателем и покатился вниз по улице.

Лойс позволил себе немного расслабиться. И принялся рассматривать людей вокруг себя. Уставшие, отупевшие после длинного трудового дня лица. Люди возвращаются домой после работы. Ничего необычного, самые обыкновенные люди. На него тоже никто не обращал внимания. Все сидели молча, сгорбившись, легонько покачиваясь в такт движению автобуса.

Человек рядом с ним достал и развернул газету.

И принялся изучать спортивный раздел. Губы его шевелились. Обычный человек. Синий костюм. Галстук. Наверное, бизнесмен. Или продавец чего-нибудь. Едет домой, к жене и детям.

Через проход сидела женщина лет двадцати. Темные глаза, темные волосы, на коленях сверток. В тонких чулках, на каблуках. Плащ красный, под ним белый ангорский свитер. Она сидела и смотрела вперед с отсутствующим видом.

Старшеклассник в джинсах и черной куртке.

Огромная женщина с тройным подбородком, нагруженная чудовищных размеров хозяйственной сумкой. Сумка набита пакетами и свертками. На толстом лице выражение тупой усталости.

Обычные люди. Такие каждый вечер ездят вот в таких автобусах. Возвращаются домой. К семье. Едут ужинать в тепле и уюте.

Они едут домой, а мозги у них умерли. Их держат под контролем насекомоподобные пришельцы, которые натянули на себя их облик и захватили их разум. Какое разум — захватили их город. Их жизни. И его бы захватили тоже — но он ковырялся в подвале и не поехал в магазин. Его каким-то образом пропустили и не обработали. Значит, у них не все предусмотрено. В их плане есть бреши, недостатки.

Возможно, найдутся и другие — такие как он, Лойс.

Это вселяло надежду — значит, они не всесильны. Они совершили ошибку, не залезли ему в голову. Их сеть, их поле контроля каким-то образом его не затронули. Он вылез из подвала и сразу поехал в город. Значит, зона излучения не такая уж и обширная…

Через проход в паре сиденьев от него сидел человек. И смотрел на Лойса. Тот резко встрепенулся. Худоватый мужчина, с темными волосами и усиками. Хорошо одетый — добротный коричневый костюм, начищенные ботинки. В тонких пальцах книга. И он смотрел, пристально смотрел на Лойса. А потом быстро отвел взгляд.

Лойс замер. Кто это? Один из них? Или… или такой же, как он? Человек, которого пропустили при обработке?

Человек с книгой снова уставился на него. Глазки живые и умные. И хитрые такие. Либо этот хитрец перехитрил пришельцев — либо это сам пришелец. Насекомое из другого измерения в чужом обличье.

Автобус остановился. Вошел пожилой мужчина, неторопливо опустил жетон в ящик. Медленно прошел по проходу и сел напротив Лойса.

Пожилой мужчина встретился взглядом с тем, хитрым и усатеньким. Они смотрели друг на друга менее секунды, но какой это был многозначительный обмен взглядами!

Лойс вскочил. Автобус уже трогался с места. Он бросился к двери. Прыгнул на ступеньку, дернул аварийный тормоз. Дверь послушно сложилась в гармошку и отъехала в сторону.

— Эй! — заорал водитель — ему пришлось со всей силы дать по тормозам. — Какого черта…

Лойс протиснулся наружу, автобус замедлял ход. Кругом стояли дома. Обычный пригород — лужайки, высокие многоквартирные здания. За спиной вскочил с сиденья усатый мужчина со слишком умным взглядом. Пожилой тоже поднялся на ноги. Они не собирались его упускать.

Лойс прыгнул. Удар о мостовую сотряс тело, он откатился к бордюру, задыхаясь в волне боли. В сознание хлынула чернота беспамятства. Нет, нет, он не может сейчас потерять сознание! Лойс с трудом встал на колени — и снова обвалился на землю. Автобус остановился, из него выскакивали люди.

Лойс вслепую шарил вокруг себя. Пальцы что-то нащупали — камень, в водосточной канаве лежал камень. Он, постанывая от боли, все-таки

вскарабкался на ноги. Перед ним что-то темнело, чья-то фигура. Ну да, тот самый мужчина с умными глазами и книгой.

Лойс с размаху поддал ногой. Мужчина с усиками охнул и осел наземь. Тогда Лойс со всей силы ударил его камнем. Тот заорал благим матом, пытаясь откатиться:

— Нет! Бога ради, не надо!

Лойс ударил снова. Раздался отвратительный хруст. Крик мужчины оборвался, потонул в нарастающем подвывании. Лойс, пошатываясь, шагнул сначала вперед, потом назад. Вокруг стояли люди. Окружали его плотным кольцом. Эд, неуклюже переваливаясь, потрусил по тротуару — прочь, прочь. Никто за ним не гнался. Они стояли над безвольно распростертым телом мужчины с книжкой. Мужчины со слишком умными глазами, который за ним погнался.

А вдруг он ошибся?

Уже слишком поздно думать о таких вещах. Надо убираться отсюда. Убираться прочь из Пайквилля, прочь от истекающей тьмой щели, которая пропустила их мир в наш.

— Эд!

Дженет Лойс опасливо попятилась.

— Что такое? Что слу…

Эд Лойс захлопнул за собой дверь и прошагал в гостиную.

— Опусти жалюзи. Быстро!

Дженет осторожно двинулась к окну:

— Но…

— Быстро, я сказал! Кто еще дома?

— Да никого тут нет! Только дети! Они у себя в комнате, наверху. А что случилось? Ты так странно выглядишь… Почему ты вернулся?

Эд запер входную дверь. И крадучись обошел дом. Кухня. Ящик под мойкой. Он выдвинул его и вытащил большой разделочный нож. Провел пальцем по лезвию. Острый. Это хорошо. И вернулся в гостиную.

— Значит, так, — сказал он. — У нас мало времени. Они знают, что я сбежал, и станут меня искать.

— Сбежал?.. — Дженет не знала, пугаться ей до смерти или умирать от изумления. — От кого?

— Город захвачен. Они контролируют все. Я это сразу понял. Захватили грамотно, начали с администрации — мэрию взяли, полицейский участок. Интересно, что они сделали с настоящими людьми, которых…

— Эд, ты о чем?..

— Дженет, я — о вторжении. На нас напали

существа из другой вселенной. Возможно, из другого измерения. Они насекомые. Они умеют мимикрировать под среду. И много чего еще умеют. Разум захватывать, например. Вот твой разум могут захватить — моментально.

— Мой разум?

— Они начали вторжение отсюда. Из Пайквилля. И захватили всех вас! Весь город! Всех, кроме меня. Против нас — невероятно сильный враг. Но даже они не всесильны. В этом наша надежда. Они могут ошибаться! Они не всеведущи!

Дженет потрясла головой:

— Я все равно ничего не понимаю, Эд. Да ты с ума сошел, ты только послушай себя!

— Сошел с ума? Нет. Мне повезло — вот в чем дело! Если бы я не рыл яму в подвале, я бы стал таким же, как все вы! — И Лойс настороженно поглядел в окно. — Так, хватит стоять и болтать. Одевайся.

— Одеваться?

— Да. Мы уезжаем. Уезжаем из Пайквилля. Нам нужно вызвать подкрепление. Сразиться с этими тварями. Их можно победить. Они не непогрешимы. Они идут за мной по пятам — но мы оторвемся. Надо спешить. Давай, давай! — И он схватил и дернул ее за руку. — Надевай пальто,

зови детей! Мы уезжаем! Собираться некогда! Некогда собираться, слышишь!

Побелев, жена подошла к шкафу и сняла с вешалки пальто.

— Куда мы поедем?

Эд выдрал из письменного стола выдвижной ящик и вывалил содержимое на пол. Схватил карту, разложил на ковре.

— Так, шоссе наверняка у них под контролем. Но есть и объездная дорога. Через Оук-Гроув. Я по ней как-то проезжал. Туда мало кто сворачивает. Возможно, они про нее забудут.

— Старая дорога через Ранчо? Ее давно перекрыли! По ней никто не ездит!

— Я знаю. — И Эд мрачно запихал карту в карман пальто. — Это наш шанс. Возможно, последний. Давай зови детей и поехали. Твоя машина заправлена?

Дженет ошарашенно помотала головой:

— «Шевроле»? Ну да, я вчера вечером полный бак залила… — И направилась к лестнице на второй этаж. — Эд, я…

— Я тебе сказал — зови детей!

Эд отпер входную дверь и высунулся наружу. Тишина. Никого. Похоже, погоня отстала.

— Спускайтесь вниз, — дрожащим голосом по-

звала Дженет. — Мы… мы поедем… на прогулку. Ненадолго поедем…

— На ночь глядя? — послышался недоуменный голос Томми.

— А ну быстро вниз! — рявкнул Эд. — Оба двое — вниз, я сказал!

Томми тут же нарисовался на верху лестницы.

— Да я домашку делаю, мы дроби проходим! Мисс Паркер сказала, что если мы с этими…

— Забудь про дроби, — отрезал Эд, схватил сына за локоть и подтолкнул к двери. — Где Джим?

— Да идет он, идет…

Джим показался наверху и принялся медленно спускаться по ступеням:

— Пап, а что случилось-то?

— Поедем прокатимся.

— Прокатимся? Куда?

Эд развернулся к Дженет:

— Свет пусть горит. Телевизор пусть тоже работает. Иди включи его. — И он подтолкнул ее к тумбе с аппаратурой. — Надо, чтобы они думали, что мы все еще…

И тут он услышал жужжание. В одно мгновение Лойс оказался на полу, с ножом на изготовку. Сглатывая тошноту, он смотрел, как оно слетает на него по лестнице. Крылья били быстро-быст-

ро, стрекоча и сливаясь в сплошную хитиновую дымку. Тварь примеривалась к жертве. Обликом оно все еще немного походило на Джимми. Маленькая — видимо, еще не достигшая взрослых размеров особь. Перед глазами мелькнули холодные, вытаращенные тысячами фасеток мушиные зенки. Крылышки стрекотали, на тельце все еще болтались желтая футболка и джинсы, личико кривилось в подобии человеческой мимики. Оно налетало, странно изогнув тело, что это оно намерено…

Оно хочет ужалить!

Лойс ударил ножом — еще и еще. Оно отлетело в сторону, недовольно жужжа. Лойс перекатился на бок и пополз к двери. Томми с Дженет стояли как изваяния, с ничего не выражающими лицами. Бесстрастными, пустыми лицами. Лойс снова пырнул тварь ножом. На этот раз попал — нож вошел во что-то твердое, тварь заверещала, замедлилась, влетела в стену и, стрекоча и взмахивая крылышками, спланировала на пол.

Что-то плеснулось и лизнуло, как волна, его разум. Поток силы, энергии — чуждое сознание искало брешь, чтобы втиснуться, пробиться внутрь. Лойс стоял, не в силах двинуться с места. Чужой разум проник в сознание, оставив после

себя краткое, но мерзостное ощущение прикосновения. Беспримесно чуждое присутствие накрыло — а потом упорхнуло, как мотылек. Тварь обрушилась на пол и застыла бесформенной кучей.

Оно умерло. Лойс пошевелил и перевернул тварь ногой. Насекомое. Точнее, какая-то муха. Желтая футболка, джинсы. Одежда его сына, Джимми. Он наглухо захлопнул эту дверь в своем разуме. Все, поздно об этом думать. Мрачно подхватив с пола нож, пошел к двери. Дженет и Томми стояли неподвижно, словно окаменев.

А машина-то — снаружи. Нет, бесполезно. Ничего не выйдет. Они наверняка уже поджидают. А до цели — десять миль. Пешком. Десять долгих миль по пересеченной местности, через овраги и открытые поля и заросшие девственным лесом холмы. Нужно идти одному.

Лойс открыл дверь. Обернулся — на мгновение. Посмотрел на жену и сына. А потом захлопнул за собой дверь и быстро сбежал по ступеням крыльца.

И помчался вперед, во тьму, прочь из города.

Утро выдалось ослепительно солнечным. Лойс остановился, загнанно дыша. Его пошатывало. Пот заливал глаза. Одежда висела лохмотья-

ми — изодрал о ветки и колючки, пока полз через подлесок. Десять миль — на четвереньках. Полз, продирался через кусты, всю ночь. Ботинки облепила присохшая грязь. Царапины саднили. Эд хромал, сил не осталось ни на что.

Зато впереди лежал Оук-Гроув.

Он сделал глубокий вдох и пошел вниз по склону. Дважды спотыкался и падал, но вздергивал себя на ноги и упорно плелся дальше. В ушах звенело. Мир вокруг кружился и менял очертания. Но он дошел. И вырвался — из Пайквилля.

Ковырявшийся в поле фермер вытаращился на него. Из дома изумленно наблюдала молодая женщина. Лойс выбрался на дорогу и пошел к маячащим впереди заправке и кафешке. Пара грузовиков, в пыли копаются курицы, у ограды привязана собака.

Он доплелся наконец до заправки, наткнулся на подозрительный взгляд одетого в белое служащего.

— Слава тебе, господи, — пробормотал Лойс и устало привалился к стене. — Я уж и не чаял добраться до вас. Они за мной гнались всю дорогу. Жужжали. Я слышал, как они жужжат и летают вокруг.

— А что случилось? — спросил заправщик. —

Попали в аварию? Вас ограбили?

Лойс устало покачал головой:

— Город захвачен. Мэрия, полицейский участок — все у них в руках. Они повесили человека. На фонаре. Я его сразу увидел. А дороги перекрыты. Все. Я видел, как они кружат над машинами, которые заезжают в город. Оторвался от погони только ближе к четырем. Утра. Сразу почувствовал — улетают. А потом взошло солнце.

Заправщик нервно облизал губу:

— Да вы, сэр, не в своем уме. Вам к доктору надо.

— Отвези меня в Оук-Гроув, — выдохнул Лойс. И обессиленно опустился на гравий. — Нужно как можно скорее начать зачистку. Нельзя терять ни минуты.

Он говорил, а они все записывали на диктофон. Все-все. А когда он закончил рассказывать, комиссар щелкнул кнопкой и выключил запись. И поднялся на ноги. Постоял так некоторое время. Подумал. А потом медленно вытащил сигарету и прикурил. На красном мясистом лице застыло мрачное, суровое выражение.

— Вы мне не верите, — пробормотал Лойс.

Комиссар протянул ему сигарету. Лойс нетерпеливо оттолкнул ее:

— Курите сами, если хотите!

Комиссар отошел к окну и некоторое время созерцал домики Оук-Гроува.

— Я вам верю, — вдруг сказал он.

Лойс с вздохом облегчения обмяк на стуле:

— Слава богу…

— Значит, вам удалось сбежать. — Комиссар медленно покачал головой. — Вы были в подвале. Не на работе. Удивительная случайность. Один шанс из миллиона.

Лойс прихлебнул черного кофе из чашки.

— У меня есть на этот счет кой-какие соображения, — пробормотал он.

— Какие же?

— Насчет них. Кто они такие. Они захватывают города постепенно. По одному. Начинают с верхов — с администрации. А потом постепенно расширяют зону влияния. А когда получают полный контроль над населением, переходят к следующему городку. И там медленно, постепенно расширяют территорию. Думаю, они уже давно этим занимаются.

— Насколько давно?

— Тысячи лет уже. Я не думаю, что мы тут с чем-то новым столкнулись.

— Почему вы так решили?

— Я маленьким был… ну, ходил в воскресную школу. Нам там картинку показывали — в Библии. Такую, знаете… религиозную картинку. Старую. На ней были нарисованы злые боги, которых победил Иегова. Молох, Вельзевул, Моав, Ваал, Астарот…

— И?..

— У всех у них свой символ. — И Лойс поднял глаза на комиссара. — Вельзевула представляли в образе гигантской мухи.

— Давнее, выходит, у нас с ними противостояние… — пробормотал комиссар.

— Их побеждали. Много раз. В Библии все про это написано. Они нападают, захватывают — а потом их отбрасывают назад.

— И как же их победить?

— Они не могут завладеть всеми. Вот со мной у них не получилось, правда? И они так и не сумели одолеть евреев. Евреи пошли и возвестили это всему миру. А еще важно понимать, что опасность существует. Вот те два человека в автобусе. Они понимали. Я так думаю. Не попались — прямо как я. — Лойс сжал кулаки. — Я одного из них убил. Ошибся. Побоялся рисковать — вдруг это враг?

Комиссар покивал:

— Безусловно, они не попались. Как и вы. По странной случайности. А вот остальных полностью контролировали.

Комиссар отвернулся от окна.

— Ну что ж, мистер Лойс. Похоже, вы и сами все поняли.

— Нет. Не все. Тот человек, на фонаре. Мертвец, который висел в парке. Насчет него я не понял. Почему? Зачем они его там повесили?

— Все очень просто, — слабо улыбнулся комиссар. — Это приманка.

Лойс замер. Даже сердце, казалось, остановилось и перестало биться.

— Приманка?.. Что… что вы хотите этим сказать?

— Чтобы выманить вас. Вы ведь себя обнаружили, правда? Им нужно было знать, кто у них под контролем — а кто нет.

Лойс в ужасе отшатнулся:

— Так что же… выходит, они знали, что подчинить всех не получится?! Они ждали этого… — Тут он осекся. — И приготовили ловушку.

— А вы себя обнаружили. Отреагировали — бурно. Выдали себя.

И комиссар вдруг повернулся и направился к двери.

— Так, Лойс, нам пора. Дел по горло. Нужно действовать, действовать. Не теряя времени.

Лойс медленно, словно оглушенный, поднялся на ноги.

— И тот человек… Кто он? Откуда? Я его раньше не видел. Он не из местных. Он… из другого города. Весь в грязи, перепачканный, на лице порезы, весь в царапинах…

На лице комиссара проступило странное выражение. Он тихо ответил:

— Возможно, вы и это поймете. Совсем скоро. Идите за мной, мистер Лойс.

Глаза его странно блеснули, он распахнул дверь. Лойс выглянул на улицу — перед полицейским управлением толпились люди в форме. Платформа какая-то… И телефонный столб. А с него свисала — веревка!

— Прошу за мной, — сказал комиссар и холодно улыбнулся.

Солнце садилось, и вице-президент «Мерчантс-Банка» Оук-Гроув поднялся из сейфового отделения, запер его на тяжелые замки с часовым механизмом, надел шляпу, накинул пальто и вышел из здания. На улице было уже пустынно, лишь несколько прохожих спешили домой — ужинать.

— До свидания, — вежливо попрощался охранник, запирая за ним дверь.

— До свидания, — пробормотал в ответ Клэренс Мейсон.

И пошел к машине. Как же он устал… Весь день просидел внизу, у сейфов — все пытался понять, можно ли впихнуть еще один ряд ящиков для хранения ценностей. Фух, хорошо, что работа закончена и можно отправиться домой.

Он вышел на угол и остановился. Фонари еще не зажгли. Улица тонула в полумраке. Очертания зданий расплывались в дымке. Он огляделся — и замер.

С телефонного столба прямо напротив полицейского участка что-то свисало. Что-то длинное. Непонятное что-то. И покачивалось на ветру.

Какого черта? Что это такое?

Мейсон осторожно подошел к… предмету. Ему хотелось скорее оказаться дома. Он устал. Он хотел есть, наконец. Он думал о жене, детях. О горячем вкусном ужине на столе в гостиной. Но вот что-то в этом темном, качающемся на ветру свертке было такое… неправильное. Что-то нехорошее. Неприятное. В темноте он никак не мог разглядеть, что же это такое. Но висящее на столбе нечто словно притягивало его. И он подвигался

все ближе и ближе. Он хотел понять, что это. Ему было как-то не по себе. Штука какая-то… Висит… Ему стало страшно. Страшно — и интересно.

Странно только, что больше никто странную штуку не замечал.

Автофабрика

Название рассказа: Автофабрика (Autofac)

Название эпизода сериала: Автофабрика (Autofac)

Рассказ впервые издан в ноябрьском выпуске журнала Galaxy SF за 1955 год

I

На обочине дороги стояли трое мужчин. Они ждали. Нервничали. Курили, принимались бродить туда-сюда, сердито вороша траву. Над бурыми от зноя полями ярилось полуденное солнце, блестели ровные ряды пластиковых домов, на западе дымкой заплывали горы.

— Пора уже, — проговорил Эрл Перин, нервно сплетая пальцы. — Время от загрузки зависит — плюс на каждый дополнительный фунт полсекунды.

Моррисон желчно пробурчал:

— Ты еще график начерти… Сил моих нет уже… Расслабься и жди.

Третий мужчина молчал. О'Нил приехал из другого поселка, Перина и Моррисона знал не то чтобы очень хорошо, и ему не хотелось вступать в дискуссию. Он просто нагнулся и принялся перебирать бумаги, приколотые к алюминиевому планшету. Под лучами беспощадного солнца на его смуглых волосатых руках выступили бисеринки пота. О'Нил поправил на носу очки в роговой оправе. Худой, жилистый, с растрепанными седыми волосами, он выглядел старше

своих спутников, несмотря на спортивную одежду — слаксы, рубашку-поло и ботинки на толстой каучуковой подошве. Ручка резво бежала по бумаге, металлически отблескивая в солнечном свете.

— Что это ты пишешь? — проворчал Перин.

— Регламент работ расписываю, — мягко ответил О'Нил. — Лучше сейчас все систематизировать, чем потом тыкаться наугад. Надо четко представлять себе, что сработало, а что нет. В противном случае так и будем ходить кругами. А главная проблема — это обратная связь. Во всяком случае, так я это вижу.

— Обратная связь — проблема, точно, — низким, глубоким голосом отозвался Моррисон. — Мы с этой штукой никак не можем наладить контакт. Появляется, забирает груз — и до свидания. А что оно там делает, что про это думает — неизвестно.

— Это же машина, — встрепенулся Перин. — Она же мертвая. В смысле, слепая и глухая!

— Но она же как-то контактирует с миром, — заметил О'Нил. — Значит, обратная связь возможна. Наверняка она отвечает на какие-то семантические стимулы. Мы просто должны их вычислить, вот и все. На самом деле, заново открыть. Отыс-

кать нужные десять слов из миллиарда.

И тут послышалось низкое гудение. Все трое разом замолчали и поглядели вверх — настороженно и тревожно. *Оно* вернулось с готовой работой.

— Явилась не запылилась, — пробормотал Перин. — Ну давай покажи себя, умник. Попробуй изменить алгоритм ее действий, давай…

На них надвигался огромный, до верху загруженный грузовик. Он очень походил на обычную машину. И отличался лишь одной деталью — в этом грузовике отсутствовала кабина водителя. Вместо капота — погрузочная платформа, на месте фар и решетки радиатора топорщились какие-то губкообразные волокна — рецепторы, с помощью которых вспомогательный мобильный модуль общался с окружающим миром.

Заметив троих мужчин, грузовик затормозил, переключил передачи и встал на ручник. Через мгновение защелкали реле, кузов чуть поднялся — и на дорогу дождем посыпались тяжелые картонные коробки. Следом на них спикировала накладная.

— Ну, чего молчишь? — быстро сказал О'Нил. — Быстрее, а то уедет!

Мрачно и быстро трое мужчин схватили по

коробке и содрали с них обертку. В солнечном свете ярко засверкали извлеченные из упаковки изделия: бинокулярный микроскоп, радиоприемник, стопка пластиковых тарелок, лекарства, бритвы, одежда, продукты питания. В основном в коробках были продукты — как обычно. Трое мужчин принялись методично швырять наземь и бить вдребезги полученные предметы. Через несколько минут от груза ничего не осталось — только ошметки и осколки.

— Ну вот, — задыхаясь от усилий, пробормотал О'Нил, отступая назад.

И снова взялся за планшетку.

— Посмотрим, как оно поступит теперь.

Грузовик тем временем уже тронулся с места и поехал. А потом резко остановился и сдал назад, к ним: рецепторы уловили, что трое людей уничтожили доставленный груз. Натужно скрипя, грузовик развернулся к ним рецепторной панелью. Выдвинулась антенна — машина общалась с фабрикой. Похоже, фабрика передавала инструкции.

Кузов снова наклонился, и на землю ссыпался точно такой же груз.

— Ну и что нам это дало?.. — расстроился Перин, глядя на точно такую же накладную, вывалив-

шуюся вслед за коробками. — И зачем мы все это разнесли вдребезги?

— Теперь что делать? — спросил Моррисон О'Нила. — Какой следующий ход предложишь?

— Ну-ка помоги!

О'Нил схватил коробку и запихнул ее обратно в кузов. Потом цапнул следующую. Остальные неуклюже, но быстро побросали ящики в грузовик. Машина пришла в движение, как раз когда в кузов шлепнулась последняя коробка.

Грузовик явно не знал, что делать. Рецепторы отфиксировали возвращение груза. Изнутри механизма послышалось сердитое жужжание.

— Он так рехнется, бедняга… — обильно потея, пробормотал О'Нил. — Он же вроде все правильно сделал — а произошел сбой. Груз не доставлен.

Грузовик дернулся было вперед. Потом сосредоточенно развернулся снова и быстро-быстро сбросил груз на землю.

— Хватай их! — заорал О'Нил.

Все трое бросились к коробкам и мгновенно перебросили их обратно в кузов. Но тот мгновенно накренился, и ящики съехали обратно на землю.

— Бесполезно, — сказал Моррисон, тяжело дыша. — Как воду решетом черпать.

— Один ноль в пользу поганого робота, — горь-

ко покивал Перин. — Все как всегда.

Вечно мы, люди, им проигрываем, да что ж такое…

А грузовик стоял и бестрепетно взирал на них — рецепторы на передней панели оставались неподвижными. Машина просто выполняла свою работу. Всепланетная автофабричная сеть бесперебойно выполняла заказы — все пять долгих лет, с тех пор, как начался Всемирный Глобальный Конфликт.

— Но вот и все, — вздохнул Моррисон.

Грузовик втянул антенну, переключился на нижнюю передачу и снялся с ручого тормоза.

— Последняя попытка, — сказал О'Нил.

И он метнулся к коробке и разодрал ее. Вытащил десятигаллонную бутыль молока и отвинтил крышку.

— Со стороны, конечно, глупо выглядит…

— Нет, это бред какой-то! — рассердился Перин.

И неохотно поплелся искать среди осколков и обломков чашку. Нашел и зачерпнул молока.

— Детский лепет…

Грузовик выжидательно остановился.

— Ну! — жестко скомандовал О'Нил. — Давайте! Как репетировали!

И все трое отпили из бутыли — специально обливая молоком подбородки. Машина должна уяснить себе, что они делают.

Как и договаривались, О'Нил начал первым. Скривившись от отвращения, он отшвырнул чашку и принялся с руганью сплевывать молоко на дорогу.

— Б-боже правый!.. — задыхаясь, стонал он.

Остальные последовали его примеру. Топая и громко ругаясь, они сердито попинали бутыль и свирепо уставились на грузовик.

— Так дело не пойдет! — проревел Моррисон.

Грузовик с любопытным видом сдал назад. Внутри его что-то щелкало и жужжало, антенна выстрелила вверх, как флагшток.

— Похоже, сработало, — весь дрожа, пробормотал О'Нил.

Грузовик выжидающе смотрел на них, а О'Нил вытащил следующую бутыль, открыл и попробовал молоко.

— Такая же дрянь! — заорал он на машину.

Изнутри грузовика выехал металлический цилиндр. И выпал прямо под ноги Моррисону. Тот быстро вскрыл его.

«Укажите, в чем проблема».

Далее шли на несколько листов списки возможных недостатков продукта — напротив каждой строчки выставлены клеточки в ожидании дырочки. К бумагам прилагалась острая палочка для продырявливания.

— Ну и что мне отметить? — спросил Морриссон. — Посторонние примеси? Микробы? Кислый вкус? Продукт стух? Неправильно маркирован? Сломан? Разбит на части? Имеет трещины на поверхности? Погнут? Загрязнен?

О'Нил задумался на мгновение и ответил:

— Не отмечай ни одну из указанных позиций. Фабрика вполне готова провести экспертизу и заменить продукт на другой. Они проверят молоко — и ничего нам не ответят…

И тут его лицо вспыхнуло радостью:

— Эврика! Напиши вот здесь, внизу. Да, на этом бланке. Видишь, тут есть место с графой «Дополнительная информация».

— И что писать?

И О'Нил сказал:

— Пиши: «Молоко полностью закуздрячено».

— Чего? — изумился Перин.

— Пиши, кому говорю! Это грамматически правильно, но бессмысленно с точки зрения семантики. Фабрика не сумеет понять эту фразу.

Возможно, это остановит конвейер.

Позаимствовав у О'Нила ручку, Моррисон аккуратно записал, что молоко закуздрячено. Покачав головой, сунул бумаги обратно в цилиндр, завинтил крышку и пихнул его обратно. Грузовик быстро втащил наверх бутыли с молоком и аккуратно прикрыл борт. И с визгом шин по асфальту сорвался с места. Из щели вылетел последний на сегодня цилиндр — а грузовик уже мчался прочь. Металлическая туба осталась лежать в пыли.

О'Нил открыл ее и вытащил бумажку:

«С вами свяжется
Представитель фабрики.
Подготовьте полные сведения
Об обнаруженном браке».

Где-то с мгновение они просто стояли и молчали. Затем Перин принялся нервно хихикать:

— У нас получилось! Получилось! Мы вышли с ней на контакт! Вызвали ее на разговор!

— Именно, — согласно покивал О'Нил. — Ручаюсь, она никогда не слышала о закуздряченном молоке.

Вдали, у подножия гор виднелся огромный металлический куб Канзасской автофабрики. Ржавый, источенный радиацией, с трещинами

и заваренными швами — фабрике досталось за пять лет войны. Здание уходило под землю на много этажей, на поверхности располагались лишь въезд и приемные отделения. Грузовик — крохотная точка на бурой равнине — мчался к черной громадине. В гладкой стене вдруг раскрылось отверстие, грузовик влетел в дырку и исчез внутри. И отверстие тут же захлопнулось.

— А теперь нам предстоит главное, — тихо сказал О'Нил. — Надо убедить ее завершить работу. Закрыться. Навсегда.

II

Джудит О'Нил разливала горячий кофе — в гостиной собралось прилично народу. Слово взял ее муж — он говорил, остальные слушали. О'Нил, пожалуй, был главным специалистом по автофабрикам. Во всяком случае, по нынешним временам трудно было сыскать более сведущего человека.

В своих родных краях, в Чикаго, он сумел закоротить защитную ограду местной фабрики — причем надолго. Ему хватило времени, чтобы вынести катушки с данными, что хранились в заднем мозгу машины. Конечно, автофабрика мгновенно обзавелась новой, еще более совершенной защитой. Но О'Нил показал, что фабрики — уязвимы.

— Институт Прикладной кибернетики, — объяснял он присутствующим, — полностью контролировал их сеть. А потом началась война. И в результате каналы связи были заблокированы и нужные нам знания утеряны. Так или иначе, но Институт не сумел передать нам полезную информацию, и мы не можем, в свою очередь, выдать ее фабрикам. А им нужно сказать, что

война окончена и мы готовы взять в собственные руки управление производством.

— А между тем, — мрачно добавил Морриссон, — их пакостная сеть растет — и жрет наши природные ресурсы.

— Вот-вот! — воскликнула Джудит. — Такое впечатление — топнешь ногой посильнее, тут же провалишься в какой-нибудь фабричный тоннель. Они под землей все изрыли, как грызуны!

— Неужели у них нет никаких ограничительных директив? — нервно поинтересовался Перин. — Они что, на безграничное расширение запрограммированы?

— У каждой фабрики есть определенная зона действия, — сказал О'Нил. — Но ограничений на расширение сети как таковой у них нет. Поэтому они будут налегать на наши ресурсы, пока те не кончатся. Институт выставил такие настройки, что фабрикам у нас — всегда приоритет. А простые смертные, то есть мы, можем подождать, если что.

— Интересно… А они нам-то что-нибудь оставят? — сердито вопросил Моррисон.

— Нет. Мы можем лишь прекратить процесс производства. Они уже наполовину исчерпали запасы природных ископаемых. И продолжают

высылать разведпартии, каждая фабрика. Они ищут, хватают и утаскивают к себе все, что смогут отыскать. Буквально каждую крупинку.

— А что случится, если пересекутся туннели двух разных фабрик?

О'Нил пожал плечами:

— В принципе это невозможно. Каждой фабрике выделен определенный участок планеты — что-то вроде личного куска пирога, которым фабрика распоряжается по своему усмотрению.

— Ну а если все-таки произойдет?

— Фабрики сырьетропичны. В смысле, пока ресурс наличествует, они будут им пользоваться, пока не исчерпают.

О'Нил задумался — было видно, что такой поворот мысли показался ему интересным.

— А над этим стоит подумать… Наверное, если полезных ископаемых будет все меньше…

И тут он осекся. В комнату вошло… нечто. Вошло и остановилось в дверях. И молча оглядело собравшихся.

В тусклом полусвете вошедшего можно было по ошибке принять за человека. На какое-то мгновение О'Нил даже подумал: наверное, кто-то припозднился на собрание. А потом, когда смутный силуэт двинулся вперед, понял — нет, это

нечто человекообразное, но не человек. Конструировали аппарат, исходя из функционала: шасси о двух ногах, сверху отвечающие за восприятие органы чувств, эффекторы и проприоцепторы на шнеке, внизу — устойчивые конечности. Сходство с человеком свидетельствовало об эффективности процессов естественного отбора — никаких сентиментальных целей создатели аппарата не преследовали.

Итак, перед ними стоял представитель фабрики.

Он не стал тратить слов попусту:

— Перед вами — автоматический сборщик данных, способный к устному общению. Встроенная аппаратура позволяет принимать и отправлять голосовые сообщения, имеющие отношение к проводимому опросу.

Приятный голос уверенного в себе человека — наверняка проигрывалась запись, сообщение записал какой-то сотрудник Института еще до войны. Поскольку голос издавало человекоподобное существо, а не человек, выглядело это гротескно. О'Нил живо представил себе давно умершего юношу, чей жизнерадостный голос доносился из механического рта прямоходящей конструкции из проводков и стали.

— Позволю себе сделать важное предуведомление, — продолжил приятный голос. — Не стоит относиться к данному сборщику данных как к человеку и пытаться вовлечь его в дискуссии, поскольку он не оснащен соответствующим оборудованием. Машина способна к целеполаганию, но не может мыслить связно. Она лишь группирует данные, которые ей предоставляются в ходе беседы.

Оптимистичный голос отзвучал, и запись щелкнула, и послышался новый — похожий на первый, но совершенно ровный, без интонаций и существенных примет. Машина использовала речевые обороты давно умершего человека для построения собственных высказываний:

— Анализ продукта, на который была получена рекламация, — монотонно говорил аппарат, — показал, что в молоке не обнаружены посторонние примеси. Существенное ухудшение качества также не зафиксировано. Если рекламация основывается на верифицируемых при анализе критериях, задействованы не применяемые в ходе внутренней экспертизы стандарты.

— Это точно, — согласился с машиной О'Нил. Осторожно взвешивая каждое слово, он продолжил: — Поставляемое молоко не соответствует

нашим стандартам. Мы в таком молоке не нуждаемся. Мы настаиваем на более качественном продукте.

Машина не заставила ждать с ответом:

— Значение слова «закуздрячено» не встречается в задействованных словарях. В хранящихся внутри сети данных оно отсутствует. Могли бы вы предоставить нам анализ молока, сформулированный в терминах присутствия и отсутствия определенных элементов?

— Нет, — осторожно ответил О'Нил. Он вел опасную и изощренную игру, в которой мог дорого обойтись каждый промах. — «Закуздрячено» — наиболее общий термин, характеризующий ситуацию. Его нельзя свести к химическому анализу компонентов молока.

— Каково значение термина «закуздрячено»? — спросила машина. — Могли бы вы дать альтернативное определение, базирующееся на других семантических элементах?

О'Нил задумался. Представитель должен получить информацию, которая бы перенаправила его от частной проблемы к общей — к проблеме закрытия всей сети фабрик. Ах, только бы получилось загнать робота в область теоретических рассуждений…

— Слово «закуздрячено», — сообщил он, — обозначает такое состояние изготовленного продукта, когда в нем более не нуждаются. Слово указывает на отказ от изделия на том основании, что существует необходимость в прекращении его поставки.

Представитель фабрики ответил:

— Наш анализ убедительно демонстрирует, что в данном регионе сохраняется необходимость поставок высококачественного пастеризованного заменителя молока. Других источников поступления продукта не имеется, фабрика владеет всем оборудованием для производства содержащих молокоподобные элементы изделий. — И добавил: — Прописанные в коде инструкции называют молоко основой диеты человеческих особей.

О'Нил понял, что его переиграли — машина бестрепетно перевела разговор к обсуждению не общего, а конкретного.

— Мы решили, — с отчаянием в голосе проговорил он, — что мы не *хотим* больше вашего молока. Мы предпочтем обходиться без него — во всяком случае, пока не отыщем коров для дойки!

— Подобные положения противоречат прописанным в коде инструкциям, — возразил

представитель. — Коров не существует. Все молоко производится фабриками.

— Тогда мы сами будем его производить! — нетерпеливо выкрикнул Моррисон. — Мы вполне можем сами управлять оборудованием! Господи ты боже мой, мы же не дети! Сами за собой присмотреть можем!

Представитель фабрики решительно направился к двери:

— Пока вы не найдете альтернативные источники поставок молока, фабрика продолжит поставлять продукт в полном объеме. Роботизированные анализаторы и оценщики вкуса продолжат работу в данном регионе с целью забора проб и мониторинга ситуации.

Перин в бессильной ярости заорал:

— Да как, как нам отыскать эти самые альтернативные источники поставок молока?! Вы же все оборудование заграбастали! Вы ж все под себя подгребли!

И он кинулся вслед за роботом и проревел:

— Вот вы говорите, что мы не готовы сами заниматься производством! Говорите, что мы не способны! А вы откуда знаете?! Вы ж нас от всего отпихиваете! Ни одного шанса нам не даете!

О'Нил стоял и не знал, что делать. Робот ухо-

дил — его ограниченный умишко полностью и безоговорчно восторжествовал над человеческим разумом. Человек вскочил и загородил машине дорогу.

— Эй! — Голос осип от волнения. — Мы хотим, чтобы вы прекратили производство. Закрылись. Понятно, нет? Мы хотим сами все контролировать. Забрать оборудование. Война окончилась! Черт, вы что, еще не поняли? Вы нам больше не нужны!

Представитель фабрики задержался у дверей.

— Цикл непроизводства начинается в случае, если производственная деятельность фабрики дублирует производственную деятельность региона. Согласно данным анализаторов, производственная деятельность в регионе отсутствует. Поэтому производственный цикл будет продолжен.

И тут Моррисон — совершенно неожиданно для всех! — взял и размахнулся здоровенным отрезком стальной трубы. Сталь разнесла плечо машины и вдребезги разбила сложный сенсорный аппарат внутри грудной клетки. Резервуар с рецепторами треснул и разлетелся на множество стеклянных осколков — кругом брызнули винтики, шестереночки и обрывки проводов.

— Парадокс, правда? — зло выкрикнул Моррисон. — Семантика, говоришь? Это они нас словами путают! Это все кибернетики! Они намудрили!

И он снова размахнулся и с размаху треснул по покорно застывшей машине.

— Они нам кислород перекрыли, сволочи! И что теперь делать?..

В комнате поднялся невероятный гвалт.

— Да! Только так! — прохрипел Перин, проталкиваясь мимо застывшего в неподвижности О'Нила. — Их надо уничтожить! Либо мы, либо фабрика!

Он схватил лампу и запустил ей в «лицо» представителя. И лампа, и замысловато отделанная пластиковая поверхность разлетелись вдребезги, Перин слепо двинулся вперед и вцепился в робота. А следом на прямостоящий цилиндр набросились все присутствующие — люди вымещали на аппарате бессильную ярость. Робот рухнул на пол и исчез под грудой тел — его свирепо колошматили.

Дрожа всем телом, О'Нил отвернулся. Жена взяла его под локоть и отсторожно отвела в сторону.

— Идиоты, — с презрением пробормотал он. — Они не смогут уничтожить фабрику! Она же

обучаемая! И сумеет защитить себя! Они только усугубляют ситуацию…

В гостиную вкатилась команда роботов-ремонтников. Быстро и уверенно механические агрегаты отделились от робота-матки и кинулись к шевелящейся груде тел. Они протиснулись между людьми и, не теряя времени, забурились внутрь. Через несколько минут они извлекли из общей кучи неподвижные останки представителя фабрики и загрузили в специальное отверстие матки-вездехода. Оторванные части и разбросанные детали тоже собрали. Пластиковую распорку и шестеренки отыскали и аккуратно положили туда же. А потом роботы резво вспрыгнули обратно на вездеход и выкатились прочь.

В открытую дверь прошагал второй представитель фабрики — брат-близнец первого. А снаружи, в коридоре, стояли и ждали еще две прямоходящие машины. Похоже, они ходили по домам целыми отрядами. Точнее, муравьиными полчищами. Они прочесывали дом за домом, пока один из роботов случайно не натолкнулся на О'Нила.

— Уничтожение собирающего данные оборудования противоречит интересам человеческих особей, — бесстрастно сообщил вытаращившим-

ся на него людям представитель фабрики. — Добыча полезных ископаемых упала до критически низкого уровня, природные ресурсы необходимо использовать исключительно для изготовления полезной человеческим особям продукции.

О'Нил и робот стояли лицом к лицу и смотрели друг на друга.

— Вот, значит, как… — тихо сказал человек. — А вот это интересно, интересно…

Чего же вам особенно не хватает?.. И за что вы будете готовы драться не на жизнь, а на смерть?..

Над головой тоненько выли вертолетные винты. О'Нил исключил шум из числа раздражителей и принялся внимательно разглядывать участок земли, над которой завис летательный аппарат.

Внизу тянулись сплошные развалины. Куда ни глянь — выгоревший шлак, из-под него изредка пробивались робкие чахлые ростки. Между ними сновали насекомые. Тут и там попадались крысиные колонии — лабиринты халуп из костей и мусора. Крысы мутировали — радиация, ничего не попишешь. Вместе с крысами мутировали животные и насекомые. Чуть дальше О'Нил приметил отряд птиц, целенаправленно преследовавших белку-бегуна. Та нырнула в специально

прорытую щель-убежище в шлаке и была такова. Птицы повернули обратно не солоно хлебавши.

— Думаешь, у нас получится все это отстроить? — спросил Моррисон. — Я прям видеть это все не могу…

— Со временем получится, — отозвался О'Нил. — Если, конечно, мы сможем отобрать у роботов производственные мощности. И если тут что-нибудь останется. И даже при самом оптимистичном раскладе это работа на долгие годы. Нам придется отвоевывать эту землю дюйм за дюймом.

Справа виднелась человеческая колония: оборванные, исхудавшие и истощенные люди поселились среди руин родного города. А вот и поле — им удалось расчистить несколько акров неплодной выгоревшей земли. На солнце усыхали и никли овощи, там и сям тупо бродили куры. В тени наскоро сколоченного навеса лежала и тяжело дышала лошадь, с трудом отмахиваясь хвостом от мух.

— Скваттеры, — мрачно проговорил О'Нил. — Жители руин. Поселились слишком далеко от фабрики — и не попали в зону дистрибуции продуктов.

— Сами виноваты! — сердито отозвался Мор-

рисон. — Могли бы к нам переехать! В любое поселение пришли бы — и дело в шляпе!

— Но это их родной город. Был… И они пытаются сделать то же, что и мы — отстроиться. Жить собственной жизнью. Но у них нет ни инструментов, ни машин — только свои руки. Посмотрите на их жилища, они наскоро сколочены из отбросов и мусора. Нет, у них ничего не выйдет. И у нас ничего не выйдет — без машин. Мы не сможем отстроить разрушенные города, нам нужно вернуть себе орудия производства.

Впереди лежала цепь оплывших холмов, перемежающихся скальными обломками, — все, что осталось от горной гряды. А за ними прекрасно просматривался колоссальных размеров кратер от падения водородной бомбы, отвратительный, как незакрытая рана. Его до половины заполняли стоячая вода и слизь — в воронке теперь умирало и гнило что-то вроде внутреннего моря.

А за ним — о, за ним что-то блестело и деловито двигалось.

— Вон они, — выпрямляясь, проговорил О'Нил.

И быстро пошел на снижение.

— Сможешь опознать, с какой они фабрики?

— Да они все одинаковые, как тут опознаешь, — пробормотал Моррисон, вглядываясь

в мельтешение внизу. — Нужно подождать. И проследить их до пункта назначения. Когда все они погрузят.

– *Если* погрузят, — мрачно поправил О'Нил. — Если будет что грузить…

Разведкоманда автофабрики не обратила никакого внимания на рев кружащего над ними вертолета — они сосредоточенно занимались делом. Перед главным грузовиком споро катились два трактора — они пробирались среди куч мусора и обломков, щупы колыхались, как диковинное оперение. Они съехали с дальнего склона и зарылись в слой пепла над шлаком — до самых антенн. Потом выдрались из месива на поверхность и помчались вперед, щелкая и лязгая гусеницами.

— Что они ищут, интересно знать… — протянул Моррисон.

— А бог его знает. — О'Нил сосредоточенно перебирал бумаги на своем планшете. — Нам нужно просмотреть все квитанции по просроченным заказам…

Разведкоманда отстала и скрылась из виду. Вертолет летел над выжженной и оплавленной землей. А потом они увидели заросли кустов и далеко справа показалась вереница крохотных

точек.

По серому шлаку быстро катился длинный поезд из рудничных тележек. О'Нил полетел к ним и через несколько минут вертолет завис над самой шахтой.

В нее втягивались целые вереницы здоровенных агрегатов, буры неутомимо вгрызались в землю. Пустые тележки выстроились в терпеливую очередь. А к горизонту тянулся нескончаемый караван груженых вагонеток — они резво катили вперед, рассыпая куски руды. К небу поднимался лязг и грохот роющих землю машин. Поистине странно было видеть этот неожиданно выросший промышленный центр среди унылых шлаковых пустошей.

— А вот и наши разведчики, — глянув назад, проговорил Моррисон. — Думаешь, сцепятся из-за добычи?

И он мечтательно улыбнулся, а потом пробормотал:

— Ох, нет, даже не хочу вперед загадывать…

— А тут и нечего загадывать, — заметил О'Нил. — Возможно, они вообще разные ископаемые ищут. И вообще они запрограммированы на то, чтобы не обращать друг на друга внимания.

Передний вездеход-матка подъехал к веренице

рудничных тележек. А потом развернулся и покатил дальше. А тележки продолжили свой путь как ни в чем не бывало.

Моррисон разочарованно вздохнул и отвернулся. И выругался:

— Бесполезно… Они, похоже, друг для друга вообще не существуют.

Разведкоманда постепенно удалялась от ждущих погрузки тележек, степенно минуя и саму шахту. Вскоре она перевалила через невысокую гряду холмов. Разведчики никуда не спешили. И совершенно не отреагировали на опередивших их конкурентов.

— А может, они с одной и той же фабрики? — с надеждой спросил Моррисон.

О'Нил ткнул в антенны, торчавшие над тяжелым рудничным оборудованием.

— Смотри, куда локаторы развернуты. В другую сторону. Нет, это другая фабрика. Нам придется нелегко. Нужно отыскать точный ответ — иначе они никак не отреагируют.

И он включил рацию и поймал передатчик поселения:

— Ну что, проанализировали квитанции с просроченными заказами? Есть результаты?

Оператор соединил его с администрацией.

— Они работают над этим, — заверил его Перин. — Как только соберем нужную массу данных, поймем, в каком сырье наиболее остро нуждается каждая фабрика. Дело рискованное, конечно, — столько данных. Изделия-то все не из одного материала изготовлены, а из нескольких. Но мы сможем вычислить, какие полезные ископаемые необходимы для изготовления определенной продуктовой линейки.

— А что будет, когда мы вычислим недостающий элемент? — поинтересовался Моррисон у О'Нила. — Что произойдет, когда мы обнаружим две смежные фабрики, у которых проблема с одним и тем же полезным ископаемым?

— Тогда, — мрачно отозвался О'Нил, — мы сами начнем искать и добывать этот материал. Даже если в поселениях придется пустить на переплавку абсолютно все.

III

В ночной темноте шуршали крылышками ночные бабочки — сотни, сотни бабочек. Дохнул затхлый ветерок. Холодный, слабенький. Ветки кустов металлически защелкали друг о друга. Вот пробежал какой-то ночной зверек — настороженный, глазки блестят. Голодный, деловито ищущий, чем бы поживиться, маленький грызун.

Кругом лежала нетронутая пустошь. Ни одного человеческого поселения на мили вокруг. Землю вокруг выжгло вчистую — все сровняли с землей неоднократные водородные бомбардировки. Где-то далеко в тусклой темноте слышалось ленивое треньканье воды — она просачивалась среди сорных трав и шлаковых отложений и по капле стекала в раскуроченный лабиринт подземных коммуникаций — похоже, что канализационных. Вокруг валялись и торчали, утыкиваясь в густую тьму, изломанные трубы. Их упрямо оплетали ползучие растения. Порыв ветра взметнул облака черного пепла, они взвихрились и полетели над травой. Неподалеку дремал огромный крапивник-мутант. Птица сонно пошевелилась

и поплотнее запахнулась в лохмотья — ночью изрядно холодало.

Потом все стихло. Небо прояснилось, в темноте проглянули звезды, словно светлый мазок на темном, и неярко замерцали в невообразимой высоте. Эрл Перин знобко поежился, глянул вверх и плотнее подобрался к обогревателю — его красный свет пульсировал на земле. Все трое умостились рядом и грелись.

— Ну? И чего мы сидим? Чего ждем? — сердито вопросил Моррисон.

Он дрожал от холода так, что зубы стучали.

О'Нил не ответил. Он докурил сигарету, затушил ее о горку разлагающегося шлака, вытащил зажигалку и прикурил новую. В сотне ярдов от них высилась целая куча вольфрама — приманка.

В последние несколько дней стало известно, что и детройтская, и питтсбургская фабрики испытывали острую нехватку вольфрама. Ну хоть в чем-то их интересы пересекались. В этой собранной с миру по нитке куче чего только не лежало: детали прецизионных приборов, режущие части всяких механизмов, что-то с мясом выдранное из электропереключателей, высокоточные хирургические инструменты, фрагменты постоянных

магнитов, измерительные приборы — словом, все, что могло содержать в себе хоть немного вольфрама. Собирали эти штуки буквально по всем поселениям.

Холм из вольфрамового лома накрыл темный туман. Время от времени на него слетал ночной мотылек — бабочек влек отраженный блеск металлических деталей. Насекомое на мгновение зависло, трепеща удлиненными крылышками, бессильно поколотилось о намертво сцепившиеся инструменты — и улетело прочь, к тонувшим в глубокой тени зарослям плюща. Лозы туго оплетали обрубки торчавших канализационных труб.

— Да уж, не сильно красивый пейзаж, — сварливо проворчал Перин.

— Ничего подобного, — немедленно отреагировал О'Нил. — Это самое красивое место на Земле, чтоб ты знал. Красивей просто не бывает. Потому что оно станет могилой автоматического фабричного производства. Люди сюда со всего мира будут съезжаться. И памятник нам поставят — в милю высотой. Вот так!

— Давай утешай себя дальше, — насмешливо фыркнул Моррисон. — Ты что, и вправду веришь, что они друг друга над этой кучей поубивают? Что

сцепятся над грудой хирургических инструментов и над нитками накаливания из лампочек? Да, конечно. У них небось есть спецмашина, которая прямо из породы вольфрам вытягивает.

— Такое возможно, — проговорил О'Нил и попытался прихлопнуть комара.

Тот ловко увернулся и с сердитым зудением полетел к Перину. Перин с убийственной точностью шлепнул его ладонью, а потом с мрачным видом уселся на корточки среди влажной травы.

И тут появилось то, что они так долго ждали.

О'Нил вдруг понял, на что смотрит вот уже несколько минут. Смотрит — и не узнает. Поисковая машина сохраняла совершенную неподвижность. Она застыла над гребнем шлакового холмика, чуть приподняв нос и настороженно выпустив рецепторы. Казалось, что это брошенный вылущенный корпус — робот не подавал признаков жизни и ничем не обнаруживал свое присутствие. Поисковая машина совершенно сливалась с опаленным давним пламенем пейзажем — грубо сваренный из металлических листов бочонок на гусеничном ходу замер в ожидании. Он ждал и… наблюдал за происходящим.

Точнее, он рассматривал кучу вольфрамового лома. Итак, приманка сработала — подтянулся

первый хищник.

— Рыбка клюнула, — хриплым от волнения голосом выговорил Перин. — Поплавок ушел под воду…

— Ты о чем, задери тебя черти? — прорычал Моррисон.

И тут же разглядел поисковую машину.

— Г-господи ты боже… — прошептал он.

И даже приподнялся, перегнувшись вперед всем своим массивным телом.

— Слушайте, это ж *они*! Точно они! Ну что? Ждем робота с другой фабрики? С какой интересно?

О'Нил высмотрел на корпусе робота антенну и вгляделся, куда она направлена.

— Этот из Питтсбурга. Молитесь, чтобы конкуренты прибыли из Детройта. Молитесь горячо-горячо, как никогда в жизни…

Обрадовавшись увиденному, поисковый робот пришел в движение и покатился вперед. Он осторожно приблизился к куче и принялся совершать сложные маневры, подбираясь к металлу то с одной, то с другой стороны. А люди, все трое, стояли и завороженно наблюдали — а потом заметили, как колышутся над землей отростки-щупы других поисковых машин.

— Быстро они друг с другом связываются, — ти-

хо проговорил О'Нил. — Прямо как пчелы…

К куче вольфрамового лома спешили аж пять питтсбургских роботов. Их рецепторы радостно подергивались, и они с разгона — и от избытка энтузиазма — заехали на самую вершину холмика из металла. Одна из машин нырнула в кучу и исчезла в ней. Холмик задрожал от основания до вершины — робот вгрызался в его нутро, исследуя находку и замеряя количество металла.

Через десять минут появились первые рудничные тележки из Питтсбурга. И тут же принялись грузиться и отъезжать.

— Черт! — зло крикнул О'Нил. — Да так все подгребут! Вчистую! Детройтцы опоздают!

— А мы можем как-то им помешать? Замедлить ход работ? — беспомощно глядя на происходящее, спросил Перин.

Он вскочил на ноги, подхватил камень и запустил им в ближайшую тележку. Камень отскочил, а механизм продолжил работу как ни в чем не бывало.

О'Нил принялся бегать кругами — его трясло от бессильной ярости. Где, где роботы из Детройта? Автофабрики ничем не отличались друг от друга, а кучу они навалили в месте, находящемся на строго одинаковом расстоянии от обеих! Теоре-

тически разведчики должны были оказаться на месте одновременно. Но от Детройта никто не приехал — а последние куски вольфрама уже грузили в тележки.

И тут что-то стрельнуло мимо.

Он не понял, что это, — *оно* двигалось слишком быстро. Промчалось, как пуля, разодрав плющ, взлетело на гребень холма, на мгновение там застыло, нацеливаясь на добычу, — и рвануло вниз по склону. И с разгону влетело в рудничную тележку. И атакующий, и бедная жертва разлетелись на тысячу осколков со страшным грохотом.

Моррисон вскочил:

— Что за?..

— Ура! — заорал Перин и пустился в пляс, размахивая худыми ручищами. — Дет-ройт! Дет-ройт!

Тут появилась вторая детройтская поисковая машина. Она тоже на мгновение застыла, оценивая положение, а затем яростно набросилась на удаляющуюся цепочку тележек Питтсбургской фабрики. Вольфрам и проводки, битые диски, детали, шестеренки, гайки, скрепы — словом, все части сцепившихся противников — полетели в разные стороны. Оставшиеся на ходу тележки со скрипом катились дальше. Одна вдруг опрокинула груз и с грохотом умчалась прочь. За ней

запрыгала по земле другая — все еще груженная доверху. Поисковая машина из Детройта догнала ее, быстро перегородила дорогу и одним четким движением опрокинула. Сцепившись, машина и тележка съехали в глубокую канаву со стоячей водой. С них лилась вода, бока блестели, как от пота. Роботы сражались, даже наполовину погрузившись в зловонную жижу.

— Так, — нетвердым голосом выговорил О'Нил. — Похоже, у нас получилось. Можно возвращаться домой.

Ноги плохо его слушались.

— Где там наша машина?

Он уже заводил грузовик, когда вдалеке что-то мелькнуло — большое, блестящее и металлическое. И это что-то быстро мчалось по мертвому пеплу и шлаку. Оказалось, это целая стая машин, плотно идущих друг за другом — к месту конфликта мчались тяжелые рудопогрузчики. Интересно, какой фабрики?

Впрочем, вопрос тут же потерял актуальность. Через завесу спутанных черных лоз прорвалась вторая такая же колонна — и неумолимо поползла навстречу противнику. Обе фабрики мобилизовали роботов. Отовсюду подползали, подбирались и подкатывались машины, сбива-

ясь в тесное кольцо вокруг того, что осталось от кучи вольфрама. Похоже, ни одна фабрика не собиралась уступать конкуренту бесценное сырье. И расставаться с добычей тоже не спешила. Повинуясь слепой механической логике и неотменимым директивам, оба противника собирались с силами — ожидая численного перевеса со своей стороны.

— Уматываем отсюда, — быстро проговорил Моррисон. — Сейчас здесь станет жарко…

О'Нил развернул грузовик в сторону поселения. И они, трясясь на ухабах, поехали прочь — в темноту. Время от времени мимо них проносилась какая-то поблескивающая металлом тень — роботы мчались на помощь к своим.

— Ты видел, что везла последняя тележка? — обеспокоенно поинтересовался Перин. — Она не пустая ехала…

И те, что торопились вслед за ней, тоже оказались совсем не порожними. Мимо них двигалась целая процессия доверху нагруженных платформ в сопровождении специализированного и сложноустроенного отряда охранных механизмов.

— Оружие, — пробормотал Моррисон, широко раскрывая глаза от страха. — Они оружие туда везут! А кто ж стрелять будет?

— Они и будут, — ответил О'Нил.

И ткнул куда-то вправо — там тоже что-то двигалось и катилось.

— Вот туда посмотрите. Вот этого мы точно не ожидали.

Представители фабрик сжимали в похожих на руки конечностях автоматы.

Они въехали в Канзасское поселение. Навстречу, задыхаясь от волнения, выскочила Джудит. В ее руке трепалась на ветру полоска фольги.

— Это что такое? — схватил блестящий обрывок О'Нил.

— Вот, только что доставили, — проговорила жена, все еще тяжело дыша. — Приехала машинка, выбросила это — и была такова. У них там суматоха! Боже правый, вся фабрика горит огнями, ты сам посмотри! Ее за несколько миль теперь видать!

О'Нил внимательно оглядел бумагу. Это был выданный фабрикой сертификат со списком всех заказов для поселения, с детальным перечислением предметов и заключениями фабричных аналитиков о необходимости поставок той или иной вещи. А поперек листа мрачно чернели шесть набранных крупным шрифтом слов:

Все поставки прекращены до особого уведомления.

Со свистом выпустив воздух сквозь зубы, О'Нил передал бумагу Перину.

— Да уж, молочка больше не подвезут, — насмешливо сказал он и криво улыбнулся — губа нервно подергивалась. — Похоже, фабрика готовится к серьезным боевым действиям.

— Ну так что? Можно сказать, что мы победили? — осторожно запинаясь, проговорил Моррисон.

— Угу, — кивнул О'Нил. Конфликт, похоже, обещал быть нешуточным, и ему вдруг стало очень, очень страшно. — Питтсбург с Детройтом вцепились друг в друга и будут сражаться до победного. И мы уже ничего не можем изменить — они принялись вербовать союзников.

IV

Холодный утренний свет затоплял черную выгоревшую равнину. Пепел отливал металлом — и красным. Нездоровым, тусклым красным — почва еще не остыла.

— Осторожнее, не упади, — предупредил О'Нил, подхватывая жену под локоть.

И повел ее от ржавого, проседающего под собственым весом грузовика к нагромождению бетонных плит — руинам уничтоженной огневой точки. Эрл Перин пошел следом, хотя и не без колебаний.

За их спинами раскинулось поселение — точнее, то, что от него осталось: развороченная шахматная доска прямых улиц, зданий и домиков. Автофабрики закрылись, продуктов более не поставляли — и люди сразу одичали и опростились. Предметы, унаследованные от эры промышленного процветания, быстро пришли в негодность или использовались не слишком активно. Уже год как не появлялись на улицах грузовики фабрики — те самые, что привозили еду, инструменты, одежду и запчасти. Громадная бетонно-металлическая структура у подножия

гор прекратила с ними всякое общение.

Ну что ж, мечты сбылись. Фабрика перестала их обслуживать.

Люди оказались предоставлены самим себе.

И вокруг поселения тут же появились поля со скудными всходами — пшеница, овощи, чахлые и иссушенные безжалостным солнцем. Люди изготавливали и распределяли грубые, вручную произведенные инструменты — очень примитивные, но изготовленные с большим старанием. Их привозили даже издалека. Теперь поселения почти не сообщались между собой — разве что время от времени отправлялись к соседям конные повозки или неуверенно отстукивались телеграммы.

И тем не менее у них получилось остаться единым целым, не утерять связь окончательно. Товарами и услугами они все же обменивались — да, медленно. Но зато постоянно, без перебоев. Базовые продукты тоже производили. И даже развозили и распределяли. Сейчас на О'Ниле, его жене и Эрле красовалась отнюдь не изящная одежда прежних времен — нет, ткань была грубой, не отбеленной. Зато ноской. А еще у них получилось с грузовыми машинами: пару двигателей все-таки удалось перевести с бензина

на дрова.

— Ну что, мы на месте, — сказал О'Нил. — Отсюда все видно.

— А оно того стоит? — спросила измученная Джудит.

Она нагнулась и принялась выковыривать из мягкой подошвы некстати вонзившийся камушек.

— Идти далеко. А чего мы там не видели? Тринадцать месяцев прошло, ничего нового не слышно…

— Именно, — согласился О'Нил.

И положил руку на обессиленно опущенное плечо жены. Потом быстро убрал ладонь.

— Но вполне возможно, что это — последний. И хорошо бы посмотреть на последствия своими глазами.

В сером небе медленно, круговыми движениями, парила… птица? Черная точка. Высоко, далеко, она летала, кружила и металась из стороны в сторону — осторожничала. Но постепенно приближалась к горам и к разбомбленному гигантскому зданию, развалины которого прекрасно просматривались вдалеке.

— Сан-Франциско, — пояснил О'Нил. — Снаряды дальнего действия, система «ястреб». Летит

себе и летит — с самого Западного побережья.

— Думаешь, это последний? — спросил Перин.

— Единственный за месяц, — отозвался О'Нил, уселся и принялся ссыпать сухие крошки табака в канавку грубой бурой обертки. — А раньше сколько летало? Сотни!

— А может, они чего получше изобрели? — заметила Джудит. Она присмотрела камушек поровнее и тоже уселась. — А почему бы и нет?

Ее супруг изобразил ироническую улыбку:

— Нет. Ничего получше они изобрести не могут.

И все трое застыли в напряженном ожидании. Над ними кружила и кружила черная точка. От развороченного бомбардировками месива бетона и железных конструкций не доносилось ни звука. Все оставалось неподвижным, тихим, бестревожным. Канзасская фабрика ни на что не реагировала. В развалинах ветер крутил смерчи тепловатого пепла. Одно крыло здания плавно уходило в строительный мусор — немудрено, фабрику часто бомбили, и снаряды попадали в цель. Равнину удары с воздуха тоже разворотили, подземные туннели превратились в лабиринт глубоких борозд в неплодной почве. Их постепенно затягивали темные, жадные до воды побеги

плюща.

— Плющ, везде этот поганый плющ, не продохнуть от него, — пробормотал Перин, расковыривая старую царапину на небритом подбородке. — Скоро все им зарастет, помяните мое слово…

Тут и там вокруг фабрики стояли машины — они тихо ржавели и разлагались от перепадов температур: днем палящее солнце, утром холодная роса. Тележки, грузовики, поисковые машины, представители фабрики, оружейные платформы, пулеметы, снабженческие поезда, надземные ракетные установки и вообще непонятно что. Все это стояло и лежало кучами. Некоторые роботы погибли на обратном пути к фабрике, других уничтожили на выезде, с грузом оружия и боеприпасов. А сама фабрика — точнее, то, что от нее осталось, — казалось, еще глубже ушла в землю. Верхние этажи практически скрылись из виду под грудами мусора, среди обломков гуляли пылевые смерчи.

Прошло четыре дня — и никакого движения. Вообще ничего.

— Все, конец ей, — сказал Перин. — Ну видно же — все, конец.

О'Нил ничего не ответил. Он уселся на корточки и приготовился ждать. Сам-то он не сомневался,

что какая-то часть механизмов фабрики еще не вышла из строя. Время покажет какая. Он посмотрел на часы — восемь тридцать. В старые времена фабрика открывалась именно в это время. На поверхность выбирались вереницы грузовиков и прочих машин — они трудолюбиво тащили на себе груз для человеческих поселений.

Справа что-то зашевелилось. Он встрепенулся и пригляделся — что бы это могло быть?

К фабрике через заваленную обломками равнину неуклюже пробиралась покрытая вмятинами одинокая рудничная тележка. Последний исправный механизм пытался исполнить свою миссию. Тележка была почти пуста — в ней болтыхалась всего-то пара железок. Видимо, робот-стервятник… Он попытался собрать, что мог, среди разбитых машин. Еле-еле, словно слепое металлическое насекомое, тележка ползла к фабрике. Она постоянно сбивалась с маршрута, замирала на месте, пятилась, дрожала и уезжала с дороги — а потом неуверенно на нее возвращалась.

— Видимо, с пультом управления проблемы, — горько проговорила Джудит. — Похоже, фабрика никак не может завести ее обратно в ворота.

Да, такое случалось. В окрестностях Нью-Йорка, к примеру. Местная фабрика полностью лиши-

лась высокочастотного передатчика. Ее машины разбрелись по округе, нарезая бесполезные круги, тупо вертясь вокруг своей оси, налетая на камни и деревья. Роботы падали в овраги, переворачивались, а потом неохотно застывали в неподвижности и теряли сознание.

Тем временем тележка выехала на открытую местность и остановилась. Над ней все еще кружила черная точка. «Ястреб». Тележка застыла.

— Фабрика пытается принять решение, — сказал Перин. — Металл ей нужен, но она боится «ястреба» в небе.

Пока фабрика вела спор сама с собой, на равнине ничего не двигалось. А потом тележка неуверенно тронулась вперед. Выкатилась из зарослей плюща и поехала по выжженной земле. С болезненной осторожностью она пробиралась к темной полосе бетона и железа у подножия гор.

«Ястреб» замедлил свое кружение.

— Ложись! — крикнул О'Нил. — Это может быть бомба нового поколения!

Его жена и Перин послушно пригнулись. И стали внимательно налюдать за равниной и ползущим по ней трудолюбивым металлическим насекомым. «Ястреб» уже летел строго по прямой, прямо над тележкой. А потом вдруг ни с того ни

с сего спикировал на нее. Джудит закрыла лицо ладонями и пискнула:

— Не могу на это смотреть! Они как животные! Дикие!

— Он охотится не на тележку… — пробормотал О'Нил.

«Ястреб» упал вниз, тележка в отчаянии прибавила скорости. Она с грохотом неслась к фабрике, звякая и лязгая, — отчаянное, последнее усилие. Робот пытался добраться до укрытия. Забыв о налетающей сверху опасности, впавшая в пищевую лихорадку фабрика неосторожно открыла двери, и тележка поехала внутрь. Этого «ястреб» и добивался.

Он снизился и полетел прямо над землей. Тележка шмыгнула в ворота, «ястреб» метнулся следом — над звякающей и раскачивающейся машинкой со свистом пронеслась молниеносная железная тень. Фабрика опомнилась и попыталась захлопнуть двери. Тележка по-дурацки застряла, створки колотились, отчаянно пытаясь закрыться.

Однако судьба тележки уже никого не интересовала. Из-под земли донесся глухой тяжелый гул. Почва вздрогнула, взметнулась пыль — а потом осела. Под ногами трех человек, настороженно

наблюдающих из укрытия, прокатилась ударная волна, землю тряхнуло. Из здания фабрики взметнулся в небо темный столб дыма. Бетонная поверхность треснула, как высохшая скорлупа, пошла складками и развалилась на части. Бетонные осколки посыпались мелким дождем. Над зияющим провалом склубился дым, а потом улетучился с утренним ветром.

От фабрики остались распотрошенные, вылущенные руины. В нее проникли и уничтожили изнутри.

О'Нил с трудом поднялся на ноги.

— Вот и все. С фабрикой покончено. Мы добились того, чего хотели.

И он посмотрел на Перина.

— Только вот в чем вопрос. Мы именно этого хотели?

И они оглянулись на поселение. От прежних аккуратных улиц, застроенных аккуратными домиками, мало что осталось. Оставленный на произвол судьбы городок быстро пришел в упадок. Некогда чистенький и процветающий, сейчас он выглядел неприбранным, нищим и грязным.

— Н-ну да, — запинаясь, ответил Перин. — Мы же залезем внутрь фабрики и сами наладим сбо-

рочные конвейеры…

— А от них что-нибудь осталось? — жестко спросила Джудит.

— Ну что-нибудь да осталось! Да там подземные этажи на несколько миль в землю уходят!

— Они там ближе к концу таких бомб наизобретали, что мама дорогая… — протянула Джудит. — Получше тех, что в нашу войну падали…

— А ты помнишь те халупы? Где скваттеры жили?

— Меня тогда с вами не было, — отозвался Перин.

— Они как животные. Корешки всякие выкапывали, личинок ели. Каменные топоры, дубленые шкуры — ну ты понял. Дикари. Варвары.

— Они же сами этого хотели! — сердито возразил Перин.

— Да? А ты уверен? А мы, мы — мы хотели этого? — И О'Нил ткнул пальцем в жалкое поселение за своей спиной. — Мы этого добивались? Ну, когда собирали вольфрам? Или когда сообщили фабрике, что молоко…

И он задумался, но не сумел вспомнить слово.

— Закуздрячено, — подсказала Джудит.

— Ладно, пошли, — махнул рукой О'Нил. —

Посмотрим, что осталось от фабрики. Посмотрим, что нам досталось.

Они добрались до развалин ближе к вечеру. Четыре грузовика неуверенно подъехали к воронке и застыли. От капотов все еще поднимался пар, капал конденсат из труб. Осторожно, настороженно рабочие принялись спускаться вниз — пепел обжигал ноги.

— Может, подождем? — предложил один.

Но О'Нил и слышать о таком не хотел.

— Пошли, — коротко приказал он.

И с фонариком в руке полез в воронку.

И пошел прямо к вылущенным стенам Канзасской фабрики. В выбитом зеве так и повисла придавленная тележка — но она уже не трепыхалась. А за воротами сгущался негостеприимный мрак. О'Нил посветил фонариком — в темноте проступили очертания перевитых и искореженных опор.

— Нам бы поглубже залезть, — сказал он Мориссону. Тот осторожно подобрался следом. — Если что и осталось, то на нижних этажах.

Моррисон проворчал:

— Эти кроты из Атланты добурились и до них…

— Буриться-то они бурились, но потом их

шахты тоже обрушили, — пробормотал О'Нил и осторожно вошел под изломанную арку входа.

Потом перелез через кучу мусора, наваленную прямо перед щелью, — и оказался внутри фабрики. Его глазам открылся заваленный обломками обширный зал. Понять, что есть что и куда идти, пока не получалось.

— Энтропия, ага, — с горечью выдохнул Моррисон. — А ведь фабрика как раз против нее боролась. Ее для этого и построили… И что? Бесполезно — кругом одни блуждающие частицы…

— Там, внизу, — упрямо возразил О'Нил, — наверняка что-то уцелело. Какие-то участки они точно успели загерметизировать. Я знаю, что фабрика в таких обстоятельствах делит себя на автономные сектора — чтобы сохранить производство запчастей. Чтобы потом воспроизвести поврежденные участки.

— Да их кроты небось тоже повыбивали, — отмахнулся Моррисон, но все-таки пошел за О'Нилом.

А за ними подтянулись рабочие. В куче обломков что-то сдвинулось, угрожающе зашелестела осыпь.

— Вы бы, ребята, шли к грузовикам, — заметил О'Нил. — Не надо за нами идти, это слишком

опасно. Если не вернемся — считайте нас погибшими. Поисковый отряд не высылайте, не надо рисковать.

Рабочие послушно развернулись и вышли, а он показал Моррисону на не разбомбленный съезд:

— Пошли туда. Надо спуститься.

В полном молчании они уходили все глубже и глубже. Их встречали лишь мрак и мертвая тишина. Бессветные развалины тянулись на мили вокруг — тьма, тишь, полная неподвижность. Свет фонаря время от времени выхватывал смутные очертания застывших механизмов, остановившихся лент и конвейеров. На некоторых все еще лежали покореженные последним взрывом железные корпуса бомб и снарядов.

— Может, что получится починить? — пробормотал О'Нил.

Правда, он сам в это не верил: ни одного целого механизма. Все оплавлено и переломано. Во внутренностях фабрики все слиплось в один бесформенный комок шлака…

— Ну, если на поверхность вытащим…

— А мы не сможем, — зло проговорил Моррисон. — У нас ни лебедок, ни домкратов нет.

И он отвесил пинок куче спекшихся боеприпасов — конвейер сломался, они расплавились и

стекли на землю, залив спуск, по которому шли они с О'Нилом.

— А ведь казалось, что мы все продумали, — пробормотал О'Нил.

Они продолжили спуск через вымершие уровни.

— А теперь я думаю: может, мы чего не учли?

Они уже далеко забрались внутрь фабрики. И вот перед ними открылись бесконечные переходы и залы самого нижнего этажа. О'Нил посветил фонариком, луч перебегал с предмета на предмет — они все еще не оставляли надежды отыскать что-то не разрушенное. Хоть какую-то линию сборки.

И тем не менее Моррисон первым услышал это. Ни с того ни с сего он упал на четвереньки, а потом и вовсе прижался к полу. И так и залег, ухом к земле, напряженно вслушиваясь. Глаза его широко распахнулись от изумления:

— Б-боже… неужели?..

— Что там? — вскрикнул О'Нил.

И тут он тоже — услышал. Под ногами, под плитами пола что-то гудело. Вибрировало. Там, внизу, явно что-то происходило. Получается, они ошиблись? «Ястреб» не сумел уничтожить все-все-все? Где-то глубоко под землей работала,

все еще работала фабрика. Какой-то производственный цикл не оборвался. Продолжился. Там, внизу, что-то еще изготавливали.

— Автономное производство, — пробормотал О'Нил, лихорадочно оглядываясь в поисках лифта вниз. — Специальный отсек, работает, когда все остальное уничтожено. А как нам туда попасть?

Лифт они нашли, но попасть туда не вышло — его перекрыла завалившаяся железная конструкция. Все, их отрезало от рабочего отсека. Как же спуститься вниз?

Они помчались обратно, по собственным следам. О'Нил выскочил наружу и бросился к ближайшему грузовику.

— Где, черт вас дери, лампа? Давайте ее сюда!

Драгоценную паяльную лампу бережно передали, и он, отдуваясь, помчался обратно. Там, в глубинах разрушенной фабрики, его ждал Моррисон. А потом они на пару с товарищем принялись судорожно кромсать искореженный железный пол, плавя, слой за слоем, защитную сетку.

— Ничего, прорвемся, — выдохнул Моррисон, щурясь на нестерпимо яркое пламя.

Вырезанная плита упала вниз, в темноту, с громким лязгом. Вокруг полыхнуло ярко-белым пламенем, и они отскочили.

Во вскрытом паяльником зале кипела лихорадочная активность: там грохало, стучало, отзывалось громким эхом. Жужжали ленты транспортеров, гудели станки, сновали туда-сюда роботы-надзиратели. С одной стороны беспрестанно поступало сырье, в другом конце зала конвейер сплевывал готовые изделия.

Их осматривали и тут же пихали в выводную трубу.

Все это они видели в течение каких-то долей секунды — а потом их засекли. Роботы тут же метнулись исправлять повреждение. Свет мигнул и погас. Поточная линия мгновенно замерла, все механизмы застыли без движения.

Станки отключились, все смолкло.

В этой безжизненной тишине двигались только спецроботы. Они быстро подскочили к стене, в которой Моррисон с О'Нилом проделали отверстие, быстро прихлопнули дырку железной плитой и мгновенно приварили ее на место. Подземный цех исчез из поля зрения. А через несколько секунд там опять загудело и забахало.

Маррисон побледнел и обернулся к О'Нилу. Он весь дрожал:

— Что это они делают? Что производят?

— Точно не оружие, — пробормотал тот.

— Но ведь все это… оно ж на поверхность отправляется… — с трудом выговорил Моррисон и отчаянно затыкал пальцем вверх.

О'Нила тоже колотило с головы до ног. Он с трудом поднялся на ноги.

— Попробуем найти куда?

— Н-ну… давай.

— Надо. Надо найти.

И О'Нил решительно подхватил фонарик и побежал к выезду на поверхность.

— Надо посмотреть, что за железные шарики они туда выстреливают…

Они нашли выходное отверстие конвейера — в четверти мили от фабрики, среди оплетенных плющом развалин. Из горной породы торчало что-то вроде сопла. За десять шагов и не углядеть. Они подошли вплотную, прежде чем разглядели, что там к чему.

Из сопла каждые несколько секунд выстреливал в небо похожий на дробину шарик. Оно ходило ходуном и поворачивалось под разными углами — дробины летели каждая по своей траектории.

— И докуда же они долетают, интересно спросить? — подивился Моррисон.

— А по-всякому, наверное. Они же наугад пу-

ляют…

О’Нил осторожно подобрался поближе, но механизм никак не среагировал. Присмотревшись к отвесной скальной стене, он вдруг заметил, что об нее в лепешку разбился один такой шарик — видимо, сопло кривовато извернулось и пульнуло его не туда. О’Нил вскарабкался вверх, схватил шарик и спрыгнул вниз.

Внутри сплющенного контейнера лежали какие-то детальки, такие маленькие, что без микроскопа не разглядишь.

— Нет, это точно не оружие, — заметил О’Нил.

И тут цилиндр треснул. Сначала человек даже не понял — это внутри что-то заработало или что? Потом из щелки застроились какие-то мелкие металлические штучки. О’Нил присел на корточки и присмотрелся.

Штучки тут же пришли в движение. Оказалось, это какие-то микроскопические — меньше булавки и даже муравья — механизмы. И они что-то делали — быстро и явно со знанием дела. Что-то они строили — хотя почему что-то. Они возводили крохотный стальной прямоугольник.

— Они… строят… — ахнул О’Нил, глядя на происходящее с благоговейным ужасом.

Он встал и пошел вперед — на поиски. С другой

стороны оврага он обнаружил половинки другого контейнера — его обитатели уже успели возвести вполне узнаваемую конструкцию. Похоже, эта дробина вылетела из сопла некоторое время назад.

Так что здешние микророботы успели сделать многое — и это многое уже приобрело узнаваемые очертания. Они строили миниатюрного двойника разбомбленной фабрики.

— Так, — задумчиво протянул О'Нил. — Ну что ж, мы пришли к тому, с чего начали. К добру ли, к худу… Не знаю.

— А ведь они теперь кругом. Наверняка по всей земле уже, — пробормотал Моррисон. — Их ото-всюду выстреливают, и они… работают.

Тут О'Нила осенило:

— А может, они скорость света обучены преодолевать… Здорово, да? Автофабрики — на всех планетах вселенной. А?

За их спинами из сопла вылетали все новые и новые металлические семена.